ПИОНЕР

11
1987
ISSN 0130—8009

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Молодым людям надо дать возможность полнее проявить себя в самостоятельной работе. Время открывает широкое поле деятельности для комсомола — боевого, ищущего серьезных дел, свободного от канцелярщины и заорганизованности, истинного вожака молодежи.

(Из газеты «Правда», 14 марта 1987 г.).

МЫ РОДОМ ИЗ ОКТЯБРЯ

В одной из комсомольских песен есть такие слова: «В каком году мы с вами ни родились, родились мы в семнадцатом году». По-моему, сказано точно. Судьбу каждого из нас — будь то младенец, сладко посапывающий сейчас в коляске, или пенсионер, готовящийся встретить свой вековой юбилей,— пометил своей метой Октябрь 1917-го.

Тогда в Октябре рождалась не только новая формация, не только новое государство. Рождались новые человеческие ценности, новые человеческие отношения, новая суть человеческой жизни. Революция открывала в сутулом токаре с дымной заводской окраины — государственного деятеля. В робком провинциальном юноше — великого артиста. В чумазых крестьянских детях — современных «Платонов и Невтонов».

Октябрь явил всему миру, что нет и не может быть такого закона, по которому миллионы людей должны появляться на свет заранее обреченными на прозябание. Одни — потому, что их происхождение почитается низким, другие — потому, что их национальность признана не угодной богу, третьи — потому, что родились в местах, обойденных цивилизацией. Не дедовским титулом, не капиталом папаши, не наследственно изысканным овалом лица становился отныне славен человек, а собственным трудом, умом, талантом...

Ради этого жили и умирали наши предки, шли на каторгу и поднимали из пепелища города, возводили заводы и пахали землю... И мы всегда с благодарностью будем вспоминать их всех: и тех, кто открыл нам новый путь в Октябре семнадцатого, и тех, кто торил его для нас с вами трудные и славные семьдесят лет. То, что они, простые смертные, пережили и совершили за свою жизнь, порою неподвластно даже самому богатому воображению.

Кто же эти загадочные и выносливые «они»? А это — наши деды, отцы, бабушки, матери, соседи по двору или по подъезду... Мы каждый день встречаемся с ними в метро или в магазине, на ферме или на лестничной площадке, на улице и у себя дома...

Легендарные атланты держали на своих плечах небо. Эти люди взвалили на свои плечи ношу куда более тяжелую — ответственность за наше с вами будущее. Атлантам необходима лишь мускульная сила. Нашим предкам — сила духа. А она, как известно, не достигается простыми физическими упражнениями. Нужна постоянная работа души, работа мысли. Им никогда не было легко. Но они знали: иного пути нет. Исторический оптимизм нашего народа основывается на опыте. Советский народ прошел через немеркнущие свершения и горечь временных поражений, через трудные и сложные этапы. Но главное, семь десятилетий Октября — это прежде всего годы торжества социализма. Никому не удастся зачеркнуть тот факт, что за время Советской власти, благодаря ей, страна превратилась в одного из мировых лидеров.

Внимательно вчитаемся в строки Обращения Центрального Комитета КПСС к советскому народу в связи с 70-летием Великого Октября. В Обращении ярко и емко, языком социалистической правды показана наша история такой, какая она есть: со всеми успехами и трудностями.

Партия призывает нас брать уроки у истории. Эти уроки нужны нам для того, чтобы лучше понять самих себя: какими были и какими стали, что уже сделано и что предстоит сделать.

Говорят: история — эстафета поколений. Но этапы каждого поколения твердо не обозначены. Тот, кто будет сложа руки ждать эстафетной палочки рискует остаться бездеятельным свидетелем пронесшейся мимо жизни.

Советская молодежь, комсомол, пионерия никогда не были на обочине исторического творчества. Наоборот — они всегда оказывались на самых магистральных направлениях борьбы советского народа.

Об этом говорят письма пионеров разных поколений, которые мы публикуем в этом номере журнала. И в наше время комсомол на своем XX съезде единодушно принял партийную программу перестройки, решительно отказался от парадности и шумихи, штампов и рутины, скуки и казенщины в своей работе, встал на путь творческого поиска в воспитании молодежи, налаживания дружных действий всех комсомольских коллективов.

Сигналом пионерской тревоги прозвучали на XX съезде ВЛКСМ непорядки в жизни пионерии, возникшие в результате утраты связей комсомольских организаций с пионерскими.

Какой должна быть организация детей в эпоху революционной перестройки, демократии и гласности? Вопрос не простой. Он волнует и взрослых, и ребят. Развернувшаяся после комсомольского съезда общепионерская дискуссия о путях перестройки всей организации юных ленинцев завершилась на IX Всесоюзном слете пионеров в «Артеке». В принятом на слете документе сказано, как самим пионерам добиваться выполнения главной задачи.

Путь революционных преобразований, на который мы вступили, предъявил новые требования к каждому советскому человеку. Перестройка, как учит нас партия,— это воплощение всего нового: новых идей, замыслов, свершений. Она

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

наполняет новым высоким смыслом нашу жизнь. Дает народу, в том числе и тем, для кого главным трудом является учеба,— цель, достойную его исторического призвания. Как подчеркнул в своем выступлении на XX съезде ВЛКСМ М. С. Горбачев, «...исключительно сложные, новаторские задачи нынешней, двенадцатой пятилетки предъявляют совершенно новые требования во всем, и в первую очередь — к молодежи». Перестройке нужны умные, преданные, профессионально подготовленные люди.

На заре пионерского движения родился наш главный боевой девиз: «Всегда готов!»

Что значит быть готовым бороться за дело коммунистической партии сегодня?

Прежде всего это означает ясное и всестороннее понимание насущных потребностей развития нашего общества, новаторского курса партии, ее XXVII съезда. Юным пионерам предстоит преодолеть нелегкий путь в походе за знаниями, в освоении новейших достижений науки и техники, в воспитании в себе мужества, смелости. Причем, смелости и мужества не только поступков, но и мысли. Без этого борьба за новое невозможна.

Быть готовым участвовать в революционной перестройке общественного производства, экономики страны — значит учиться быть рачительным хозяином, овладевать современным экономическим мышлением, строить работу ученических производственных бригад на основе хозрасчета, подряда, а в школьных мастерских учиться выпускать продукцию добротную, с наименьшими затратами, эффективно и рентабельно. Словом, экономия и бережливость во всем.

Быть готовым участвовать в революционной перестройке общества — значит учиться демократии.

Пионерская организация — это организация самих пионеров. В ней в первую очередь вы должны учиться свободно и по-деловому обсуждать свои дела, учиться критически относиться к промахам товарищей и своим собственным, изгонять из своих отрядов и дружин скуку, формализм, искать и находить дела интересные, значительные для себя и общества, всячески укреплять товарищество, дружбу между собой, а главное — действовать коллективно, сплоченно, дружно.

Путь в будущее начертан партией. Будьте готовы встретить это будущее достойными наследниками. Помните: вы родом из Октября!

Владимир ЛУЦКИЙ

Начало:

«Из ораторов, выступивших на Марсовом поле, было несколько 13—14-летних мальчишек. Оценивая современный момент как момент, приблизивший нас и всю Европу к социальной революции, они указывали и на то, что наши капиталисты хотят у нас вырвать результаты победивших отцов... «Мы же, юноши, имея еще опыт наших отцов-борцов, закончим их борьбу и добьемся социализма. Да здравствует социализм»,— закончил один из малолетних ораторов».

(«Правда», 13 мая 1917 года)

«Милый и дорогой товарищ В. И. Ленин. Будьте так добры — мобилизуйте мальчиков, родившихся в 1904 году. Мне так хочется защищать Советскую власть, но самовольно уйти я не могу из дома, потому что родители не пускают...

Любящий Вас до глубины сердца Ваня Иванов. 20 мая 1919 года».

Двадцатые:

«Собрали мастерские из хлама, инвентаря, который не используется на производстве. Бросовый материал шел в работу. Ребята с помощью рабочих-коммунистов собирали и пустили в ход мастерские».

(Из письма С. Зябкова, г. Москва, «Трехгорная мануфактура»)

«Мы закупили литературу и послали в деревенский отряд вместе с письмом. Собираем деньги на заем индустриализации и скоро купим пятую часть облигации. Все пионеры завели зубные щетки и порошок и ведут борьбу с гнилыми зубами. Многие ребята сумели у себя дома доказать, что из общей посуды есть вредно, и приобрели отдельные тарелки.

Пионерки 1-го Юрьево-Полесского горотряда».

Тридцатые:

«Мы обучили грамоте свыше 1 000 000 неграмотных. Мы отправили в подшефные села 20 000 радиоприемников. Мы послали пионерам деревни 5 000 000 книг. Мы внесли на заем индустриализации 1 500 000 рублей...»

(Из рапорта пионеров XVI съезду ВКП(б).)

«...Знают ли все пионеры, как надо стрелять из винтовки, оказывать первую помощь раненым, защищаться от газов, от воздушного нападения? Готовы ли мы к труду и обороне нашей великой Родины? Поглядите у себя в школе, на улице: много ли ребят носят значки БГТО, «Ворошиловский стрелок», ПВХО, санитарный? Мы дали слово, что к двадцатилетию Советской власти все пионеры отряда будут иметь по три оборонных значка.

Зовем вас, ребята: присоединяйтесь к нам!»

(Из письма пионеров 203-й школы Москвы)

Сороковые:

«Среди водруженных красных флагов на побитых снарядами стенах рейхстага алел в День Победы и пионерский галстук...

В мае 1942 года бойцы 380-го стрелкового полка встретили на станции Бологое мальчишку.

— Держался бы ты подальше от фронта, малец!

— Я не малец! Мне скоро тринадцать! Иду на фронт!

А фронт был рядом. Так Боря Новиков стал санитаром 3-го батальона. Шли жестокие бои, враг рвался к Ленинграду. Только из одного боя Боря вывел восемнадцать раненых бойцов к медсанбату, вынес трофейные винтовки и ручные пулеметы. Его наградили медалью «За отвагу».

В одном из боев Боря был убит. В его вещмешке нашли пионерский галстук. Один из солдат взял Борин галстук и пообещал товарищам: «Сохраню до Победы». Он выполнил свое обещание.

В. Бурмистров, учитель».

«1947 год был началом ежегодного Всесоюзного конкурса на лучшего садовода. С чудесной зеленой эстафетой пустились в путь пионеры весной 1947 года и вручили ее весне 1948-го. От весны до весны нелегок был путь пяти миллионов юных садоводов! Но они сберегли все, что посадили, и бережно выращивают каждое дерево, каждый куст».

(Из газеты «Пионерская правда»)

Пятидесятые:

«Сейчас повсюду в нашей стране люди только и говорят о том, что необходимо сделать, чтобы выполнить семилетний план.

У комсомольцев бригады коммунистического труда есть заповеди. Мы тоже наметили себе обязательства:

1. Отряд готовится работать в бригаде коммунистического труда. Он делает свой вклад в семилетку: собирает металлический лом, помогает заводу «Красный Аксай» (каждый отряд намечает свои полезные дела).
2. Всем классом — в следующий класс. Это значит — учиться так, чтобы никто не оставался на второй год.
3. Нам не нужны «няньки». Класс убираем сами. Парты и школу ремонтируем сами.
4. Каждый отвечает за товарища, как за самого себя».

(Из письма совета дружины 12-й школы Ростова-на-Дону)

Шестидесятые:

«Что это такое и почему мы всем-всем ребятам страны предлагаем и у себя зажечь «фонарики»? Куда бьет луч «фонарика»? Понятно, что первым делом в те недостатки, которые есть у ребят в школе, чтобы заставить лентяев учиться, врунишек говорить правду.

Кроме того, «Пионерский фонарик» — зоркий хозяйский глаз в зоне пионерского действия. А что это значит? Сами ребята представляют это так:

Самое главное — беречь то, что дал нам народ. Школу, мебель, учебники и тетрадки не оставлять недописанными.

— Пусть зря не расходуется электроэнергия.

— И следить, чтобы нигде не было утечки воды.

— Смотреть за деревьями, чтобы они не пропадали.

Если где-нибудь заметили нечестность или бесхозяйственность, тоже молчать не будем...

Пионеры 14-й школы-интерната г. Киева, январь 1963 года».

Семидесятые:

«После уроков все наши тимуровцы ходят на стройку. У нас полным ходом идет строительство нового здания школы. Работы много: красим, убираем мусор, помогаем настилать паркет. Стройка объявлена ударной, и мы не отстаем от взрослых.

Таня Рудниченко, ст. Ханская, Краснодарский край».

Восьмидесятые:

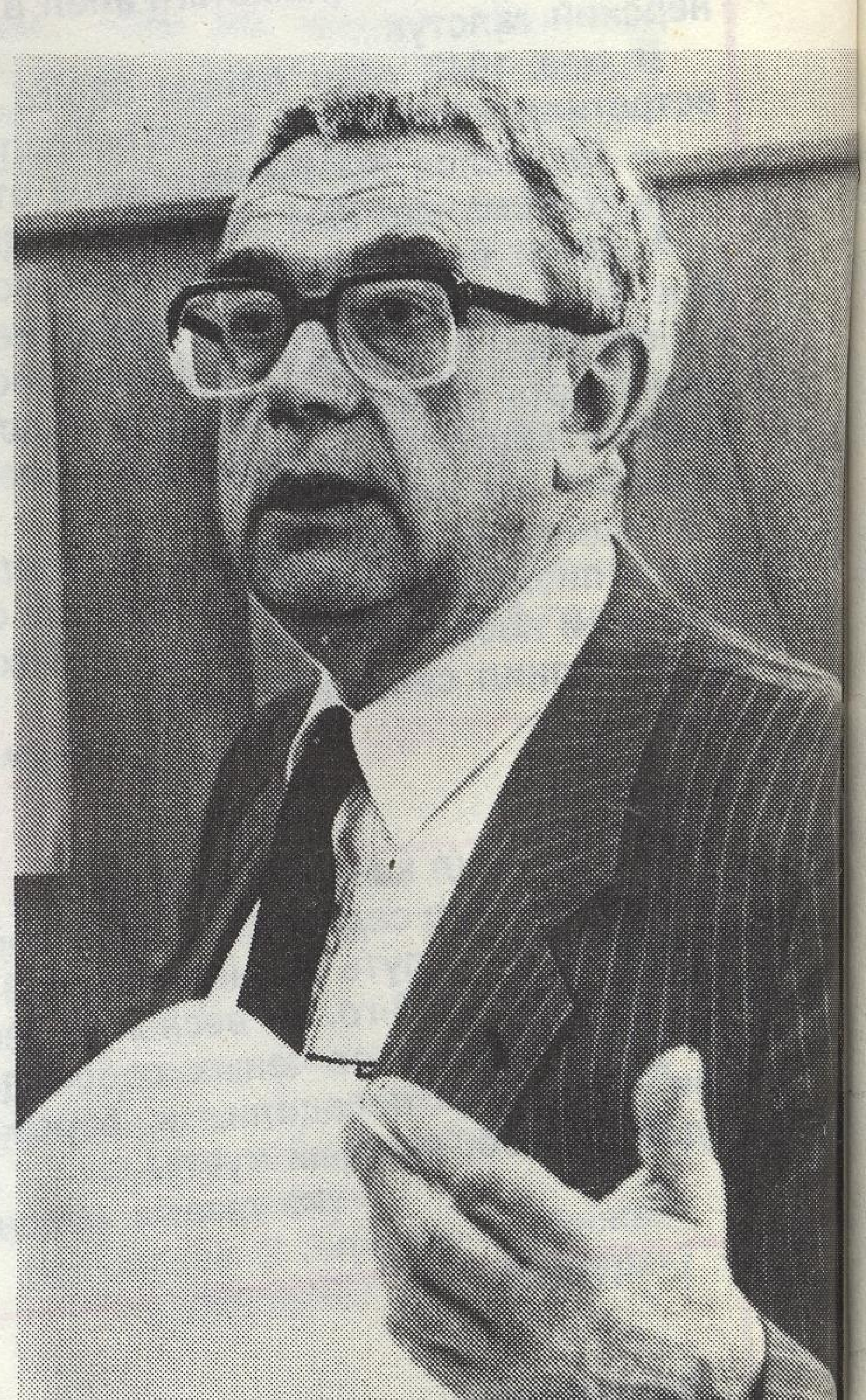
....

(ЭТУ СТРОЧКУ ЗАПОЛНЯТЬ ВАМ — ПИОНЕРАМ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ.)

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Календарное начало двадцатого столетия мало чем отличалось от последнего дня века минувшего. И лишь октябрь 1917-го резко и четко разграничил эпохи, поставив точку в единовластии господ. Открыл отсчет нового времени жизни человечества.

Уже семьдесят лет Советская страна идет дорогой, начало которой проложил Октябрь. Многое сделано из того, о чем мечтали, за что боролись большевики-ленинцы. Но революция продолжается, ее идеи продолжают жить и работать, они — в нынешнем курсе партии на перестройку. Это — закономерное продолжение нашего пути. Перестройка, революционные перемены вызваны к жизни не потому, что курс на карте истории выбран неточно. Просто мы идем первыми. Но каким бы трудным ни был путь, какие бы препятствия ни преодолевал наш народ, его твердо вел один рулевой — партия, озаряла дорогу одна путеводная звезда — коммунизм.



И вот — письмо: ***«Привет, «Пионер»! У меня всего один вопрос: когда будет коммунизм? Ответь мне, но не так, что он будет тогда, когда все будут честно трудиться. Я это знаю. Ты именно скажи, в каком году (хоть примерно). И еще у меня есть вопрос. Что надо делать, чтобы коммунизм скорей наступил? Я знаю, что вы скажете. Вы скажете: «Учиться!» Я учусь. Но что еще надо делать? Ответь поскорей, а то я перехожу в восьмой класс, и мне журнал «Пионер» больше не выпишут».***

Мы ничего не изменили в этом письме. Мы только исправили пару орфографических ошибок и поставили недостающую запятую. Но не будем мелочны. Дело не в ошибках. Дело в теме, затронутой автором письма. Вот почему мы решили ответить нашему читателю со страниц журнала и непременно в номере, который выйдет в канун 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Сделает это **известный советский писатель, историк, публицист, автор многих книг и документальных фильмов о Владимире Ильиче Ленине, главный редактор газеты «Московские новости» Егор Владимирович ЯКОВЛЕВ.**

— «Коммунизм — многовековая мечта человечества!» Мы так привыкли к этой фразе, что порой произносим ее не задумываясь по поводу и без повода. Она превратилась в некий разговорный штамп.

Однако давайте задумаемся. Ведь коммунизм действительно **многовековая** и действительно **мечта человечества.** В глубине веков теряются истоки народных легенд о «счастливых островах», о «странах всеобщего благоденствия», где всего и на всех вдосталь. Изучая историю, вы наверняка слышали об «Утопии» Т. Мора, «Городе Солнца» Т. Кампанеллы. В этих книгах было сказано, что корень многих людских бед в частной собственности, изображалось идеальное общество, где она отменена.

Надо сказать, мечта о создании справедливого общественного устройства, способного обеспечить счастье всем вместе и каждому в отдельности, никогда не покидала человечество. При этом, правда, в основном представлялось, ЧТО хотелось бы увидеть в обществе будущего, но никто не мог сказать, КАК такое общество справедливости построить на планете. Карл Маркс и Фридрих Энгельс первыми с позиций научного анализа и предвидения доказательно ответили на это КАК. Их ответ творчески доработал Владимир Ильич Ленин. Сегодня марксистско-ленинское учение продолжает развивать наша партия. Причем не только теоретически, но главное — практически. Перестройка, расширение гласности и демократии, защита социальной справедливости и просто народной инициативы — все это, по сути, реальный ответ на вопрос, КАК сегодня идти к обществу будущего.

На этом, пожалуй, можно и закончить историческое вступление и перейти непосредственно к письму читателя.

У каждого человека в жизни должна быть мечта. Но главное, на мой взгляд, если эта «личная» мечта совпадает с мечтой коллективной, если личная цель — к чему-то подготовиться, чем-то овладеть — совпадает с целью общества. Но возникает и такой вопрос: какого коммунизма ожидает сегодняшний школьник? Довольно долго коммунизм рисовали потребительски: где бы ты ни работал, что бы ты ни делал, бери сколько хочешь. Если автор письма мечтает о таком коммунизме, то, пусть он меня простит, грош цена такому человеку. И грош цена такому «коммунизму». Потому что коммунизм — это прежде всего возможность полной реализации человеческих способностей, а не неожиданный перелет в благословенную страну, где по мановению волшеб-

ной палочки начисто исчезнут все проблемы.

Однажды один рабочий корреспондент спросил у Максима Горького, какая жизнь наступит на земле через сто лет. Самому корреспонденту казалось, что она будет интересной и замечательной. Но вот ответ Горького: «О том, «что будет через сто лет», я думаю не так, как вы,— если говорить об этом серьезно. Мне кажется, что даже и не через сто лет, а гораздо скорей, жизнь будет несравненно трагичней той, коя терзает нас теперь. Она будет трагичней потому, что — как это всегда бывает вслед за катастрофами социальными — люди, уставшие от оскорбительных толчков извне, обязаны и принуждены будут взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия».

Хотелось бы надеяться, что эти слова Горького не отвратят веры читателей в коммунизм. А на вопрос, когда же он наконец придет, я бы мог ответить с легкостью. Скажем так: коммунизм наступит через три поколения. Почему бы мне этого не пообещать, если меня к тому времени все равно уже не будет? Так что такие предсказания, как видите, не подразумевают за оракулом никакой ответственности. А мне бы хотелось разговора ответственного.

Поэтому ничего не обещаю. Тем более, кое-кто из вас, очевидно, знает, такие обещания в свое время уже были: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Но я, если честно, ни капельки не жалею, что так легко и быстро **такой** коммунизм не наступил. А жалел бы я, если бы не было в моей жизни 1985 года. Года начала перестройки нашего сознания, нашей экономики, нашей жизни.

И вряд ли сегодня стоит задаваться вопросом, КОГДА же наступит коммунизм. Тот, кто знаком со всеми трудностями отечественной истории, кто следит за политическими событиями, особенно за теми, что происходят в стране последние два года, кто сумел понять суровые уроки правды, честно и прямо обращенные партией к народу, тот знает: коммунизм — очень далекая задача. Говорить о его скорейшем приходе есть забегание вперед. Сегодня главная цель — привести в порядок наше общество, преодолеть наметившийся в последние десятилетия застой, выйти на новый, более высокий уровень развития экономики, политики, культуры. «Больше социализма!» — вот четкая и емкая формула, определяющая весь смысл наших сегодняшних забот.

Долгие годы мы привыкли все наши достижения — а они действительно немалые — преувеличивать, говорить о них без меры. Но если случались ошибки и неудачи, на помощь приходили проверенные и привычные клише: виноваты другие — недоброжелатели, вредители, враги. Что и говорить, недоброжелателей у нашей страны, у нашего исторического опыта достаточно. Но столь же охотно мы приписывали им свои собственные промахи и поражения. Я и сегодня довольно часто слышу, что, мол, авария в Чернобыле, трагедии у морских берегов и на железной дороге — вредительство. Да, очень трудно мыслить трезво, честно признать, что многие наши беды — продукт халатности, разгильдяйства, равнодушия. А признавать необходимо! Иначе мы не сделаем и шага вперед.

Однако, сказав правду о самих себе, о своем прошлом и настоящем, мы еще не решили всех проблем. Страна пока еще в самом начале перестройки, на самой первой стадии. То, что за два года сделан огромный скачок, и прежде всего в общественном сознании, несомненно. Но впереди — очень большая и очень трудная работа. Рано считать, что перестройка уже победила, и радостно рапортовать о ее окончании.

Люблю обращаться к историческим аналогиям... Тысяча девятьсот двадцать второй год. Страна не знает, что недалеко — скорбное прощание с вождем, но силы Владимира Ильича на исходе. И все же он работает, диктует статьи, впоследствии названные «политическим завещанием Ленина».

Вот первая строчка его последней диктовки: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе». Почему в самые последние дни своей жизни он говорит именно об этом? Да потому, что в экономике уже приняты смелые решения, страна крепла, выходила на новые рубежи. Пора приводить в соответствие экономику и политику.

Вы чувствуете схожесть ситуации? Июньский Пленум ЦК КПСС определил четкие перспективы экономического развития, складывается и уже действует новый хозяйственный механизм. А в июне будущего года будет созвана XIX Всесоюзная партийная конференция. В ее повестке — вопрос о дальнейшей демократизации жизни партии и общества. Как видите, нам вновь помогла ленинская мысль, совет Владимира Ильича.

Не знаю, таких ли ответов ждал автор письма. Быть может, если бы на этот вопрос отвечал другой человек — ответ тоже был бы другим. Мне нравится, что читатель «Пионера», видимо, обладает определенным критическим мышлением и не торопится принять на веру трафаретные, а следовательно — и равнодушные советы. Вспоминаю себя и своих ровесников в его возрасте. Нам недоставало подобного критического восприятия, оно воспитывалось впоследствии долго и мучительно. Не раз подвергались испытаниям наши идеалы. Сегодня мы хотели бы передать их вам, но без того свойственного нашей юности наивного оптимизма.

И все же в письме меня кое-что удручает. Критически относясь к чужому мнению, школьник все-таки ждет от взрослых готовеньких, разжеванных рецептов. Только я не верю, что сегодня время готовых ответов.

Не помню, кто это сказал: наше развитие идет от аксиом к теоремам. Время аксиом кончилось. Каждый сам должен для себя решить, верит он в коммунизм или нет. И постоянно эту веру доказывать себе и другим своей борьбой против любой, пусть самой маленькой несправедливости. Только не надо думать, что справедливость сразу победит, а несправедливость сразу отступит. Так не бывает. Зато каждая ваша личная победа станет нашим общим шагом на пути к коммунизму.

Записал Н. ЛАММ.

Фотография Б. КАУФМАНА.

Алексей ШЛЫГИН

Тринадцать мальчишеских лет

Мальчишку, что ростом
Не вышел чуток,
Прозвали шутя:
«Мужичок с ноготок»...
Не брали его
В партизанский отряд.
«Немного еще подрасти»,—
Говорят.
Обидно
В тринадцать мальчишеских лет
Услышать такой
Несерьезный ответ.
Обидно:
Попробуй-ка тут подрасти,
Когда лишь мякинный
Сухарик в горсти...
Когда по округе
Гуляет беда,
Когда уродилась
Одна лебеда
И рвутся то бомбы, то мины...
Какие уж тут витамины!

Тревоги полны
Партизанские сны,
Притушены в штабе
Ночные огни.
И вдруг командиру
Бойцы говорят,
Что действует где-то
Летучий отряд.
Изрядно, видать,
Досаждает врагу...
А где его база —
О том ни гугу...
И кто возглавляет
Летучий отряд —
Об этом и в ставке
Известно навряд...
И вот по приказу
Разведка взялась
С отрядом наладить
Немедленно связь.
Успешно разведчики
Рейд провели:
Народного мстителя
Вскоре нашли —
Мальчишку, что ростом
Не вышел чуток...
«Да это же наш
Мужичок с ноготок!»
Смущенно глядел
На него командир:
— А я и не думал,
Что ты из задир...
Скажи по секрету,
Отряд-то каков?
— В отряде пока что
Тринадцать штыков...
— А где же, товарищ,
Лихие бойцы?
А где же, товарищ,
Твои храбрецы?

— Все здесь,—
Усмехнулся мальчишка в ответ,
Не очень-то сильный в уставе...
Стояли
Тринадцать мальчишеских лет
Навытяжку,
В полном составе.

Катюши

Конечно,
Не женское дело — война,
Но помощь Катюши
Санбату нужна.
И встала девчонка
Решительно в строй —
Она в батальоне
Была медсестрой.

Конечно,
Не женское дело — война,
Но помощь «катюши»
Пехоте нужна.
И срочный приказ
Прилетел из полка:
«А ну-ка, «катюша»,
Поддай огонька!»

Прошла сквозь огонь,
Хоть была не стальной,
Катюша,
Что звали сестренкой
родной.
А ту, что по правде
Стальною была,
Пехота душевно
«Катюшей» звала.

Пакет

Спешу я в штаб отряда,
Крадусь тропой ночной —
Пакет доставить надо,
Дойти любой ценой!

Во рту от жажды горько —
Который час в пути!
Мне б до того пригорка
Добраться, доползти.

А там, глядишь, до наших
Уже рукой подать.
А там и мрак не страшен,
И горя не видать.

Обманчив он, покой-то,
И, уж конечно, зря
Запел петух какой-то
Ни свет и ни заря.

Зачем, зачем запел он
Средь ночи во весь дух?
Он, может быть, за белых,
Горластый тот петух?..

Затявкала собака,
Послышались шаги,
И вот по дну оврага
Уже бегут враги.

Но есть еще граната
В запасе,
На «потом»...
Патронов маловато,
Но помню я о том,

Что звездочка зашита
В подкладке пиджака —
Она моя защита,
Мой талисман...
Пока
Она горит-лучится
У сердца моего,
Плохого не случится
Со мною ничего.

... Разрывы за рекою,
От пуль кипит вода...
Я думаю с тоскою:
«Эх, Пашку бы сюда!»

И только так подумал,
Вдруг слышу крик:
— Подъем!
И белых словно сдуло
За черный окоем.

И тут я вижу Пашку,
Он говорит:
— Привет!
Я ру́ку — под рубашку,
А там пакета нет...

И вижу я палатку,
И вижу коек ряд...
— Вставай на физзарядку! —
Ребята говорят.

Звук горна раздается,
В окно глядит рассвет...
И гулко сердце бьется
Там, где лежал пакет.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

РВС

Размышляем,
Вникаем,
Спорим

СПОР-ПЛОЩАДКА

Здравствуйте! Меня зовут Заруи. Я учусь в 6 «Г» классе города Ленинакана Армянской ССР русской средней школы № 14. В отряде я выбрана членом тимуровской команды. Но я даже не знаю, что значит быть тимуровцем. С сентября я бегаю в пионерскую комнату, спрашиваю о том, что я должна делать. Мне отвечают: «Терпи — будет сбор, и на сборе все узнаешь». Но сбора я так и не дождалась. Я сначала думала, что сама пойду в детский дом или детский сад, но примут ли меня там одну? Подскажите, пожалуйста, что мне делать? А может, вообще эта тимуровская работа никому не нужна?

С уважением, Заруи ЗАКЯН.

!?!

Я считаю, что тимуровское движение не только нужно, без него нельзя обойтись. И отчеты необходимы, но только без хвастовства. Планировать тимуровскую работу обязательно, потому что без плана нельзя вести работу. А тимуровский штаб должен находиться во дворе, если он будет в школе, все тимуровцы станут работать только по приказу взрослых. Главное дело тимуровцев — помогать людям. А лучшей наградой будет радость окружающих.

Максим МАРГАЕВ, г. Горький.

От «Юнкоровского поста «РВС»:

Сегодня мы опубликовали два разных письма. В школе, где учится Заруи Закян, нет тимуровских традиций, и тимуровской работы нет, и даже есть сомнение: а нужно ли все это?

Максим Маргаев твердо уверен, что тимуровское движение есть и должно быть. Но, прочитав его письмо, почему-то не загораешься, не бежишь сразу создавать тимуровскую команду. Скучное какое-то письмо.

Юнкоры! СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ НОВУЮ ТЕМУ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ.

1) ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ ПИОНЕРЫ ОТ ТИМУРОВЦЕВ?

РАЗВЕ ПИОНЕРЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПОМОГАТЬ СТАРШИМ, ШЕФСТВОВАТЬ НАД ДЕТСКИМИ САДАМИ, БИБЛИОТЕКАМИ, СОБИРАТЬ ЭКСПОНАТЫ ДЛЯ ШКОЛЬНОГО (ОТРЯДНОГО) МУЗЕЯ, ДАЖЕ ЕСЛИ МУЗЕЙ ПОСВЯЩЕН АРКАДИЮ ГАЙДАРУ?

2) КАКОЕ ДЕЛО ВЫ ВИДИТЕ ДЛЯ ТИМУРОВЦЕВ СЕГОДНЯ?

Ждем писем!

На конверте поставьте девиз темы: **«ТИМУРОВЦЫ».**

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

7 ноября — 70 лет Великой Октябрьской социалистической революции.

Все горит, горит заря над Смольным,
Это с нами, это на века!
Залп «Авроры» никогда не смолкнет,
Вдаль простерта Ленина рука.
Миру мы несем рассвет весенний,
Это не высокие слова!
В новых песнях новых поколений
Песня Революции жива!

Ю. Каменецкий
«Есть у революции начало».

10 ноября — Всемирный день молодежи.

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.
В разных землях и странах,
На морях, океанах
Каждый, кто молод,
Дайте нам руки,—
В наши ряды, друзья!

Л. Ошанин
«Гимн демократической молодежи».

23 ноября — день рождения Клемента Готвальда (1896—1953), деятеля чехословацкого и международного коммунистического и рабочего движения.

...Для нас, чехов, словаков, главным и решающим было то, что освобождение наших народов и восстановление нашей государственной самостоятельности пришло с Востока, нашу национальную свободу и государственную независимость принесла нам Красная Армия, Советский Союз!

К. Готвальд «Коммунистическая партия в строительстве новой республики».
Доклад на 8 съезде Коммунистической партии Чехословакии 29 марта 1946 г.

ВОЗНИК ВОПРОС

Я учусь в десятом классе. У меня есть брат, который учится в третьем классе школы № 6 г. Киева. Речь как раз о нем.

В конце третьего класса ребята вступают в пионеры. Недавно учительница моего брата предупредила свой класс: «Будете получать двойки — поснимаю галстуки!» И что бы вы думали? Поснимала!!! На следующий день несколько ребят оказались без галстуков.

Я хотел бы знать: разве можно так? Я всегда думал, что принимать в пионеры и исключать из пионеров имеет право совет дружины.

***Вячеслав СЕРЕДКИН**, г. Киев.*

КОММЕНТИРУЮТ СТАРШИЕ

На это письмо мы попросили ответить **старшего пионервожатого из пос. Едейцы Якутской АССР Алексея ЯКОВЛЕВА, лауреата премии Ленинского комсомола, гостя XX съезда ВЛКСМ:**

Ни учитель, ни даже старший пионервожатый не имеет права снять с пионера галстук. Исключить человека из пионерской организации может только **сбор отряда.** И утверждается это решение на совете дружины.

Судя по этому письму, пионеры не знают своих прав, не читали Положения о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, которое было опубликовано в «Пионерской правде». И это плохо.

Конечно, третьеклассники — новички в пионерской организации, они еще только учатся самоуправлению. Поэтому им очень нужна помощь старших пионеров. Пионеры 6—7 классов, учите своих младших товарищей со всеми сложными и конфликтными ситуациями сразу же обращаться к старшему пионервожатому, в совет дружины, в комитет комсомола школы, если нужно — и в райком комсомола. Помните, все вопросы пионерской жизни в дружине решает **совет дружины.**

А позиция старшего брата, как комсомольца, наверное, должна быть такой: сразу же обратиться в комитет комсомола. В каждом комитете комсомола есть ответственный за пионерский сектор, этот комсомолец входит в состав совета дружины. Совет дружины должен разъяснить учителю, что тот не имеет права снимать с пионеров галстуки, **это грубое нарушение принципа самоуправления** в пионерской организации.

Ребята, знайте свои права и обязанности, будьте смелее и самостоятельнее.

От «Юнкоровского поста «РВС»:

ЮНКОРЫ! СООБЩАЙТЕ НАМ О СЛОЖНЫХ ВОПРОСАХ, ВОЗНИКШИХ В ВАШЕЙ ПИОНЕРСКОЙ ЖИЗНИ. ЕСЛИ РЕДАКЦИЯ УВИДИТ, ЧТО НЕОБХОДИМО ВМЕШАТЬСЯ И ПОМОЧЬ, — ВМЕШАЕМСЯ И ПОМОЖЕМ.

ДЕВЧОНКИ — МАЛЬЧИШКИ.
Автор Слава ВОЛЧЕК, 15 лет, Республиканский Дворец пионеров и школьников, БССР.

ПОМОГАЕМ РЕСТАВРИРОВАТЬ.
Автор Сергей ДАНДУРЯН, 14 лет, Дворец пионеров и школьников, г. Москва. Этот снимок Сергей сделал по заданию «Юнкоровского поста «РВС», побывав вместе с московскими ребятами на реставрации Богоявленского монастыря.

КАК ТЫ И ТВОИ ДРУЗЬЯ ПОМОГАЛИ РЕСТАВРИРОВАТЬ ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ? НАПИШИ!

ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА

Перемена

Стихи Б. ЕРМОЛАЕВОЙ.

Музыка М. ПРОТАСОВА.

I. Весь урок мы продружили, Иванова.
Мы не дрались, не ругались,
не промолвили ни слова.
Перемена наступила —
ты со мной заговорила...

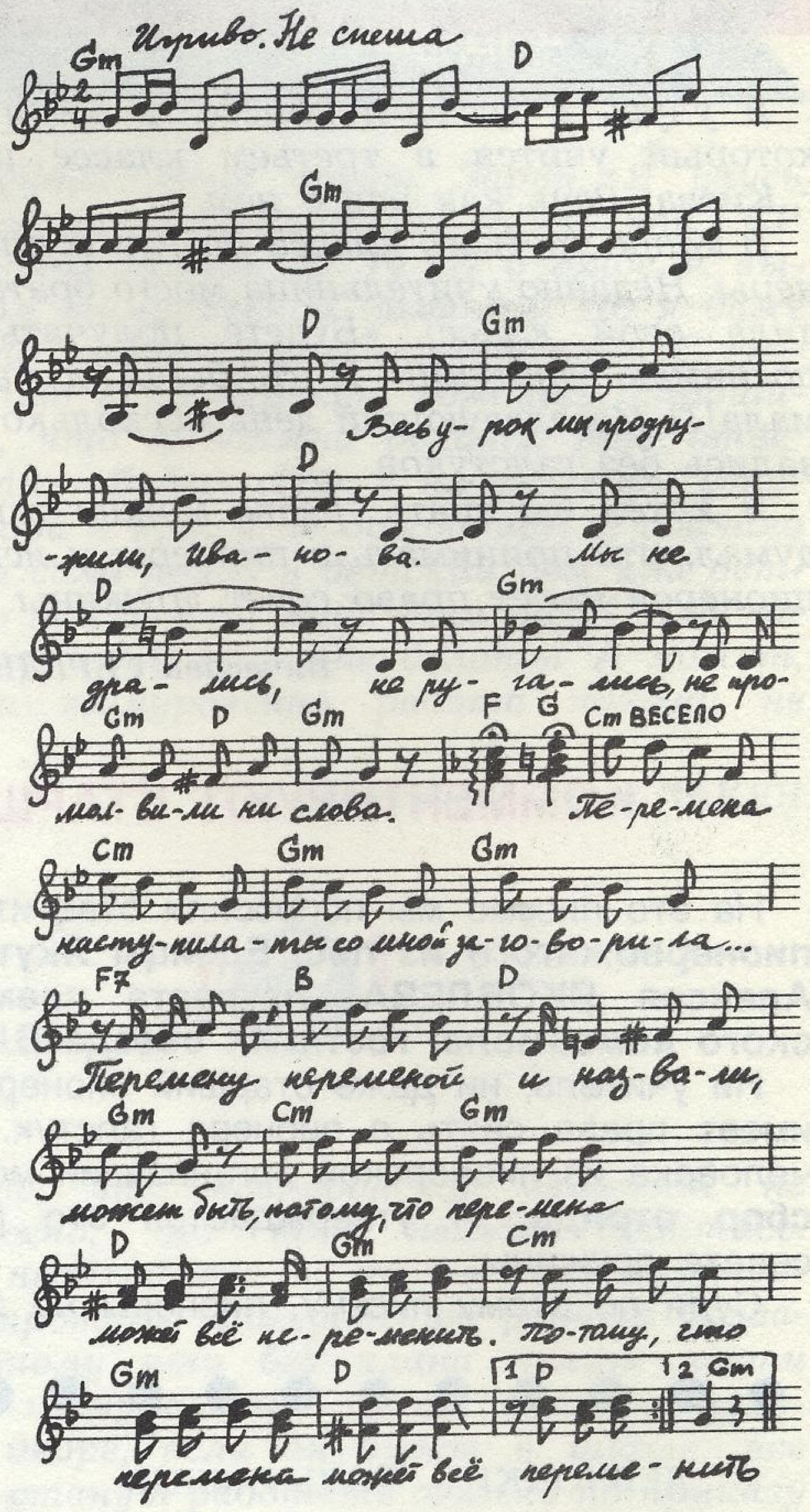
ПРИПЕВ: Перемену переменой
И назвали, может быть,
Потому, что перемена
Может всё переменить.

II. Весь урок мы были в ссоре, Иванова.
Мы не дрались, не ругались,
не промолвили ни слова.
Перемена наступила —
я с тобой заговорила...

ПРИПЕВ.

III. Весь урок мы дружим снова, Иванова.
Мы такие золотые —
сорок пять минут ни слова!
Перемена наступает.
Что нас дальше ожидает?

ПРИПЕВ.



От «Юнкоровского поста «РВС»:

Юнкоры! Если песня понравилась, напишите!

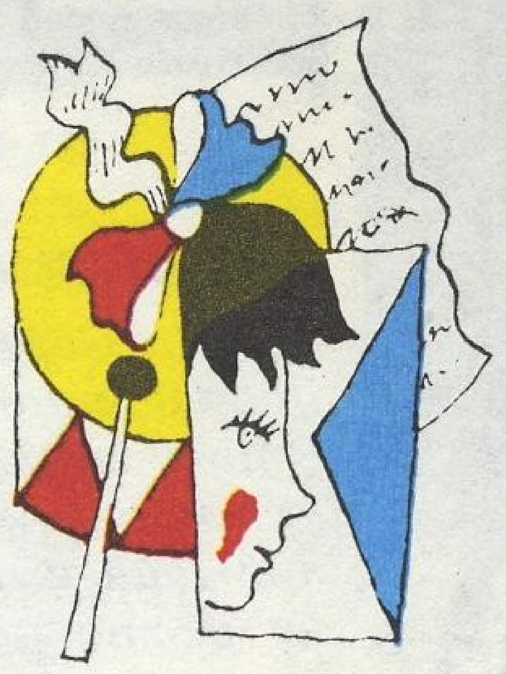
Какие бы песни вы хотели увидеть на страницах «Юнкоровского поста»?

Какие веселые песни поет ваш отряд?

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Ребята! К вам обращается дворовый клуб «Березка». В наш клуб ходят люди разных возрастов — и ребята, и взрослые. И каждый найдет здесь интересное для себя дело: кто учится фотографировать, кто снимать кинофильмы. Всем, кто нам напишет, мы ответим.

Наш адрес: 664770, Иркутская область, г. Усть-Илимск — 9, пр. Мира, 21—1, клубу «Березка».



* * *

Мне 14 лет. Я долгое время ходила в КИД. Могу поделиться своими знаниями о пионерских и молодежных организациях разных стран. Помогу ребятам наладить переписку с зарубежными сверстниками. Мой адрес: 340045, Украинская ССР, г. Донецк — 45, ул. Куйбышева, д. 28, кв. 16, Ирине Бережной.

Делегация ганских школьников: у них две золотые и одна серебряная медаль.

Дружная бомбейская четверка, завоевавшая две золотые и две серебряные медали.

Фотографии М. Бритвина

Язык мира и дружбы...

Попробуйте представить: 240 победителей, 240 золотых медалей! Доводилось ли вам когда-либо слышать о соревнованиях, где столько участников сразу удостаивались бы высших наград? Вряд ли. Даже на Олимпийских играх золотых медалистов бывает меньше.

А вот на VI международной олимпиаде школьников по русскому языку и литературе такое стало возможным. Сообщая об этом, председатель международного жюри Марк Николаевич Ветютнев не без юмора сказал:

— Мы оказались в нелегком положении. Пришлось ночью срочно дополнительно отливать золотые медали, чтобы сегодня вручить вам.

Олимпиады по русскому языку и литературе проводятся один раз в три года в Москве. Первая прошла в 1972 году. В ней участвовало сто ребят из шестнадцати государств. На последнюю приехало свыше пятисот школьников более чем из пятидесяти стран. Многие добились этого права, успешно выступив в национальных конкурсах.

Московские олимпиады — единственные в мире соревнования по иностранному языку и литературе для детей. Интерес к ним растет с каждым годом. И не только потому, что они помогают совершенствовать изучение русского языка в разных странах. Но еще и потому, что они стали настоящими праздниками дружбы юных. В этом нетрудно было убедиться, побывав в конце июня в Институте русского языка имени А. С. Пушкина, где проходили соревнования VI олимпиады.

А соревнования эти были непростые: их участникам надо было не только проявить умение вести устную беседу или выразительно прочесть отрывок из литературного произведения, но еще показать хорошее знание нашей страны, а в заключение написать сочинение на одну из заданных тем. Конечно, все это происходило не в один день. И все было так, как обычно бывает на любых состязаниях. Ребята собирались стайками, интересовались, кому какой выпал билет, что спрашивали, что говорили экзамена-

торы. Наблюдая за ними, я заметил, что здесь царит скорее дух сотрудничества, чем соперничества.

Двое мальчиков — болгарин и киприот — ожидали, когда выйдет из аудитории их знакомый бельгиец: не терпелось узнать, как у него дела.

Девочки из Польши пытались разобраться с расписанием: в какой же комнате сегодня их приятельницы из Конго.

В углу ребята окружили невысокого смуглого афганца, который, волнуясь, уверял их, что ему не повезло:

— Представляете, я только начал говорить, а меня остановили: «Хватит». Потом прочитал стихотворение. Хотел еще прочесть два, а мне говорят: «Достаточно». Наверное, я плохо отвечал...

А в фойе института, у окна, усевшись рядком на длинной скамье, четверо юных индийцев возбужденно обсуждали только что закончившееся испытание.

— А преподавательница мне говорит,— тараторила девочка: — «Представьте, что вы пришли в книжный магазин. Я — продавец, вы — покупательница».— «Да,— говорю я,— меня интересуют книги русских писателей...» — «А что бы вы хотели?» — «Я бы хотела купить роман «Мать». А она говорит:— «Этой книги сейчас нет».— «А где ее можно найти?» — «Посмотрите,— говорит,— на улице Горького...»

Так я познакомился с ребятами из Бомбея. Я узнал, что девочку зовут Пранджали Пангаркар, а ее друзей — Санграм Торне, Вайдя Сатяджит и Амол Вагх.

Оказалось, что все они из школы «Нандадип», название которой переводится как «Свет знания». Пранджали и Сатяджит учатся в седьмом, а Санграм и Амол — в восьмом классе.

Кружок русского языка в их школе был организован 1 декабря 1985 года. Девятнадцать месяцев назад никто из них не знал ни слова по-русски. А сейчас... Конечно, не все в их речи безупречно. Но они говорили так живо, горячо и естественно, что мелкие погрешности были попросту незаметны. Как за такой короткий срок им удалось довольно хорошо освоить чужой язык?

— А у нас замечательные учителя,— раскрыла секрет Пранджали.

— Две индийские учительницы,— тут же встрял в разговор Санграм, — Шубха и Лолита...

— И Юлия Альбертовна из Советского культурного центра в Бомбее, — не дал договорить ему Сатяджит.

— И еще доктор Маевский,— добавила Пранджали.

Мне довелось беседовать со многими участниками олимпиады из развивающихся стран. И все они с особенной благодарностью произносили имена советских людей, которые помогают им овладевать русским. Об этом говорила Шелиан Мотэ, школьница с Сейшельских островов. И Барбара Менса из Ганы. И Алока Арачиги из Республики Шри Ланка.

Все они, как и многие другие, изучают русский язык не в школах и лицеях, а в кружках, которые посещают в свободное время. И мне хотелось узнать, почему они решили овладеть русским.

— Потому что это язык моих друзей,— убежденно произнес Сатяджит.

— Потому что это язык мира,— поддержала его Пранджали.

— Потому что я хочу как можно больше узнать о вашей прекрасной стране.— Это ответ Шелиан.

А Алока рассудительно заметил, что благодаря знанию русского языка он может общаться и уже общается со своими сверстниками из разных стран...

Председатель международного жюри Марк Николаевич Ветютнев принимал участие в подготовке и проведении всех шести олимпиад. Конечно, считает он, ни одна из них не походила на другую. Но последнюю отличали глубокое знание ее участниками нашей страны, умение интересно рассказать об этом.

— 140 экзаменаторов,— сказал он,— пришли к единодушному выводу, что подобных ответов никогда прежде не было. Никогда не было и такого, чтобы международное жюри присудило 240 золотых, 72 серебряные и 71 бронзовую медаль и 22 грамоты. Более того, 56 победителей олимпиады показали просто выдающиеся результаты. У жюри сложилось впечатление, что они сами уже могут преподавать русский язык в начальных кружках. Начиная с 1987 года Министерство высшего и среднего специального образования СССР решило выделять сто стипендий победителям московских олимпиад для получения образования в высших учебных заведениях нашей страны.

Закончилась олимпиада, и ее участники разъехались по домам — в Европу, Азию, Африку, Америку и Австралию. И уже, наверное, стали забываться тревоги и волнения, без которых немыслимы любые соревнования. А ощущение радостного праздника осталось. Память сердца сохранила и прогулки по Москве, и встречи с советскими пионерами в загородном лагере, и волнующую поездку в Горки Ленинские. И еще остались друзья, много новых друзей, которых каждый из них приобрел благодаря русскому языку — языку Пушкина, Ленина, родины Октября.

Н. ТАРАСЕНКО

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Арсений РУТЬКО

ПАШКИНЫ КОЛОКОЛА

ПОВЕСТЬ О ПАВЛИКЕ АНДРЕЕВЕ *

Павлик Андреев — самый юный герой Октябрьских 1917 года боев в Москве. Погиб, защищая баррикаду на Остоженке. Похоронен на Красной площади.

До того памятного дня Пашина жизнь текла без особых забот, озорно и весело. Друзей у него хватало, а в Арсеньевском переулке, где Андреевы квартировали в полуподвале под лавкой Ершинова, Пашка в ребячьей дружине — верховод. Свое уличное братство мальчишки окрестили «дружиной» потому, что очень уж трогала сердце песня о Ермаке: «И пала грозная в боях, не обнажив мечей, дружина».

От темна до темна — ребятня на улицах. Утром взрослые вскинутся с первыми заводскими гудками, наспех перекусят и убегут. И нет их до ночи, смена — десять, а где и двенадцать часов. Время-то какое грозное, небывалое — мировая война!

Зимой, конечно, с утра у ребят школа. Да и она не очень-то в радость — чересчур строг батюшка Серафим. Чуть зазеваешься, хвать за ухо: «Почто слову божьему не внемлешь, олух?!» И — в угол, на коленки! После школы, конечно, игры: в снежки, в городки, в бабки, а как начались бои с германцем — чаще в войну. Но и не только игры. Вот кликнет Пашка: «А ну, братва, айда вывеску мяснику-жадюге грязью заляпаем, не дал фунт мяса солдатке в долг!» А то предложит гимназистов или реалишек за очередную обиду проучить — все будет сделано. Да так наловчились бегать и прятаться, что пока никого не поймали ни торгаши, ни будочники-городовые. Выручает неписаный закон мальчишеского братства: «Один за всех, все — за одного!»

А озоруют порой отчаянно. Надо придумать — у известного злыдня, у будочника Обмойкина, задремавшего на посту, Гдалька-Голыш свисток срезал. Гдалька изрядно рисковал тогда, но ему страсть как хотелось перед дружиной выхвалиться. Раньше он вовсе не прикаянным был. Хотя у матери шляпная мастерская на Пятницкой, сынки тех, кто побогаче, отпихивали Гдальку, а к рабочей ребятне он прилепиться не мог: ягода с чужого поля. Но после проделки со свистком Пашка взял Гдальку под свою опеку. Другие, самые близкие его дружки,— Витя Козликов, сын стрелочника с Брянского вокзала, Васятка Дунаев — его отец в одном цехе с Андреичем хребет гнет. Был еще Саня Киреев, с весны подручным у горна на том же заводе Михельсона работает.

Летом им вольготней. В вёдро отправляются на озера рыбачить — все ж подспорье к голодному военному времени! Вечером мамка приплетется с Голутвинской мануфактуры, а к обеду-ужину караси да плотвички нажарены — сам Пашка ни рыбешки не съел. Сядет под окно, уткнется в книжку, повторяет давно заученное:

— Ты не коршуна убил, чародея подстрелил...

Мамка подойдет к печке, увидит сковородку и окликнет ласково:

— Радость ты моя ясноглазая. Пашенька!

---

* Журнальный вариант.

Рисунки А. БОРИСОВА

Больше ему и не нужно, он и тем счастлив. И отец, отмывая с рук копоть, добро глянет из-под седеющих бровей. Лишь раз осерчал Андреич за принесенное сынишкой. Вернулись с Андреем — старшим сыном — с завода, а на столе — миска с яблоками. Красота — глаз не отвести! А отец насупился и спросил так, что у Пашки сразу заныло сердце:

— Откуда?!

— Падалица, батя... В Новодевичьем монастырском саду...

Отцовская ладонь так стеганула по шее, что Пашка отлетел к стене. Вторым ударом Андреич сшиб миску со стола.

— Еще раз принесешь краденое, выпорю — неделю на животе спать будешь! Понял? Заруби на своем курносом!

— Твои же слова, батя: попы да монахи да торгаши, они...

— Они — пусть! — перебил отец.— А ты не моги! Их привычное дело — красть да грабить! А рабочая совесть завсегда должна чистая быть!

— Не зря, батя, строжишься? — вмешался, подходя к столу, Андрей.— Можно бы и согласиться: не украл, а у нас же украденное взял. А?

— Замолчи! — оборвал старый кузнец.— Нарожает тебе Анютка собственных, тогда и воспитывай, как знаешь. А пока мой голос здесь главный — изволь слушать! Ишь, моду нашли: на монахов да торгашей равняться!.. Эй, хозяйка, подавай, что сготовила! Поворочали ныне в лошадиную силу: новый военный заказ Михельсоны хапанули!

Под столом Андрей украдкой пожал колено братишке, подмигнул, и у того посветлело на душе. Да мамка перед сном поцеловала, шепнув:

— Ты на батю зла не держи, миленький... Больно усталый он.

— А я и не держу, мам!

* * *

Вот так она и катилась, жизнь, до вчерашнего дня. А вчера...

Теперь пора сказать, что совсем недавно вернулся с фронта сын городового Обмойкина, Николай, вернулся без ноги по колено, но с Георгием, врученным самим царем. С утра до вечера герой сидит-красуется у своих ворот и каждый прохожий с почтением снимает перед ним картуз. Правда, злые языки болтают, будто ногу Николаю отдавило колесом в обозе, а награды царь в госпитале раздавал всем подряд. Ну и все равно — как не завидовать: из рук государя-самодержца! Даже из-за Москвы-реки, из центра, поглазеть приходят, а здешняя ребятня весь день тут. Восторженно глядят в рот, слушают о страшенных битвах, о горах трупов, и, уж ясно, о подвигах самого героя.

Так и вчера было. Но когда на пороге лавки «Ершинов и сыновья» показался ее хозяин с пачкой газет в руке, ребята испуганной стайкой брызнули в стороны. У купца и «Биржевые ведомости», и «Русское слово», и «Голос Москвы», сразу определишь: Ершинов — не просто состоятельный торговый человек, но и патриот. Прошел к скамейке, поклонился с важностью.

— Герою-воину привет и уважение, Николай Фролыч!

— С тем же и к вам, Семен Семеныч! Но не имею сил встать для ответного приветствия, изнываю от несусветной боли ужасных ран.

Пашка удивился — ведь за день молодой Обмойкин ни разу не поморщился. Неужто врет?

С другой стороны улицы перешел к скамейке величественный, бородатый отец Серафим. И тоже — с поклоном.

— Мир беседе, соседушки! Разрешите присоединиться. Есть ли новости в газетках, Семен Семеныч?

— Весьма тревожные, батюшка! Пособников ищут кровные недруги наши. С персами-иранцами шашни заводят...

Тут-то Пашка и приметил, что к двери их подвала спускается почтальон. Рванулся, побежал к дому.

— Вы что, дяденька Кузьмич?

— Не братишка ли Андрееву Андрею? — пытливо глянул почтальон.— Казенная бумага, повестка ему. Расписаться можешь ли? Да гляди, не потеряй, ответишь по всей строгости военного времени!

— Отвечу, дядя Кузьмич!

Звякнуло на втором этаже окно. Пашка вскинул глаза. Из хозяйских хором на него с усмешечкой смотрела Танька, ершиновская «принцесса-наследница» — кукольные глазки, русые волосы по плечам, в них — голубой бант. Как и всегда, улыбается, то ли ласково, то ли насмешливо,— не понять.

С повесткой в руке Пашка вслед за Кузьмичом вернулся к дому Обмойкина. Мальчишки окружили его, с уважением разглядывая орластую бумагу. Васятка Дунаев свистнул:

— А что, Паш?! Вдруг и Андрей с фронта тоже героем заявится, а?!

Пашка не успел ответить, обернулся к скамейке. Привалившись спиной к забору, герой Обмойкин, радостно повизгивая, хохотал:

— Ага-га! Повесточка ему, Кузьмич?! — выкрикивал он, шлепая ладонями по коленям.— Вот и добро! Пусть-ка покормит окопных вшей красавчик кузнец! Авось обучат его кланяться моему Георгию! А то идет мимо и картуза никогда не сломит, бессовестный. Словно я не герой заслуженный, а так, тля, вша, пустое место!

С внезапно вспыхнувшей ненавистью Пашка смотрел в расплывшееся от смеха лицо. И, будто толкнули в спину, отвернулся, побежал к заводу. Вдогонку — хохот и крик:

— Их, сицилистов-то, ныне развелось без числа! В чужую миску каждая голодная свинья норовит рыло поглубже сунуть! А там с ними разговор крутой: чуть поперек и — в розги! А то и сквозь строй прогонят, мешок кожи с костями останется! Там к вольнодумцам безо всякой пощады! Дурь-гордость из башки вышибут.

Пашка никогда не думал, что может за один миг с такой силой возненавидеть человека, да еще героя, на которого минуту назад смотрел, как мамка смотрит в церкви на чудотворную икону.

На завод его не пустили, у ворот дежурили часовые. Помчался к матери на Голутвинку. Хотя там тоже работают на армию, охраны у швейного цеха нет. Мать с посеревшим лицом кинулась от своей «зингеровки» к двери.

— Что, сыночка, что?! — Но, разглядев на бумажке черного когтистого орла, схватилась за косяк двери, чтобы не упасть. И шепотом: — На Андрюшеньку, да?.. Читай... Пашенька...

— ...явиться в Хамовнические казармы... неявка приравнивается к дезертирству... карается судом Военного трибунала...

— Эй, швея Андреева! — заорала от конторки

надсмотрщица.— Пошто машину бросила? А ну, парень, брысь из цеху!

Пашка убежал, жалея, что растревожил мать. Но как же иначе? И самому хотелось реветь, словно девчушке-соплюшке. Даже от друзей на улице отмахнулся, домой!

Распахнул дверь в подвал, а за ней Андрей прожженную брезентовку на крюк вешает!

Кому-то удалось передать в цехе слух о мобилизации Андрюшиного года и, побросав молоты и клещи, молодые кузнецы гурьбой явились за расчетом в контору. Перечить им не посмели, а управляющий принялся наставлять на верную царскую службу.

Заткни глотку, губошлеп жирный! — крикнул от кассы Андрей.— Тебя бы в окопы, послужить винтовочкой августейшему дармоеду!

Громче заскрипели перья, защелкали счеты,— нет, нет, конторщики и не слышали ничего! Надо же такое посметь про самодержца!

За воротами Игнат Кузовлев невесело посмеялся:

— А что, ребятушки? Не драпануть ли взамен фронта в Муромские леса? Хоть душу потешить, пару купчишек пришить? А?!

— Погоди! — остановил Андрей.— Не в ту сторону глядишь, друг! Раз идти в армию, надо нести туда слово правды! Ведь солдат на фронте все равно, что в тюрьме! Спереди смерть да колючая проволока, а позади литой стеной — офицерье, попы, трибуналы. И то учти: мы в лес, а наших стариков да любушек жандармы по допросам таскать примутся: где, дескать, дезертиры скрываются? Так ли?

— Это как пить дать! — поскреб в затылке Кузовлев.

Рисунки А. БОРИСОВА.

— То-то и оно! Давайте-ка купим гостинчиков родне, а вечером валяйте ко мне. Поговорим об жизни всерьез. Согласны?

На том и решили.

В подвале, когда прибежал Пашка, Андрей обрадовался, обнял братишку, а увидев на щеках слезы, цыкнул:

— А ну, вытри! Вспомни-ка пушкинскую сказку, как витязи-богатыри чудовищ всяких одолевали.

— Так то в сказках! — всхлипнул Пашка.

— Сказка — ложь, а в ней намек, добрым молодцам урок! Слушай-ка, Пашунька, я записочку черкану, отнесешь?

— Куда велишь, братка! — И не выдержал, ткнулся носом в плечо.— Как без тебя жить будем, а? Мамке я сказал, на нее аж смотреть страшно!

— Вот ты теперь ей и помощник вместо меня! Дров наколоть, воды с колонки принести! Понял? — Андрей озабоченно огляделся.— В твоих тетрадках листочек чистый найдется? А ну пошарь!

На выдранной из тетради страничке размашисто написал:

«Дорогой Колючий Шиповничек! Вот она и оборвалась, мирная жизнь, завтра маршевым эшелоном — на фронт. Плохи, видно, там дела, если с военных заводов сплошняком берут. Повидаться бы, а? Ежели же не доведется, пригрейте моего Павлушку, стоящий паренек! Останусь жив, обязательно встретимся: дорога у нас одна! Громадное Вам спасибо, немало Вы для заводских сделали и делаете. У многих в мозгах посветлее стало. А пока — будьте здоровы! Андрей».

Встал из-за стола, протянул записку Пашке.

— Держи, Арбузик! Слетай в Коммерческий институт на Серпуховской. Ни имени, ни фамилии не пишу, но думаю, найдешь. Красивая такая, из кавказских людей, армяночка. В пенсне ходит.

— Это чего же такое? — удивился Пашка.— Одежка такая, что ли?

— Не-е,— улыбнулся Андрей.— Очки особые, прищепкой на носу держатся. А прозвище ее — Шиповник. У студентов, кто с виду попроще, спрашивай.— Оценивающим взглядом окинул братишку. Не в этом, однако, трудность, Павлуха, а в том, как тебе мимо швейцара пробраться — идол при входе бородатый сидит, вроде цепного пса!

— Так я с черного хода, со двора, братка! Где уборщицы да поломойки!

— Ну ты и голова, Арбузик! — расхохотался Андрей.— Ну, шпарь! Только чтобы записка в чужие руки не угодила. Хотя ничего запретного не писано, а ни к чему всем знать, что студентка-дворянка с рабочими дружбу водит. Ей — в собственные руки! Ясно?

В институт Пашка пробрался во время лекций и спрятался в мужской уборной, дождался звонка. Когда в курилку набились студенты, задымили папиросами, зашумели, заспорили, Пашка, подобрав в углу веник, подметал пол. Приглядывался. Но на большинстве молоденьких лиц читалось выражение важности и высокомерия — не очень-то к таким подойдешь! Но вот появился коренастый крепыш, в фигуре которого мелькнуло что-то знакомое. Не его ли видел как-то у ворот Михельсона? Правда, тогда он не в студенческой тужурке был, а в рабочем пиджаке. Рискнуть, а?!

— Мне Шиповника надо! — шепнул, подобравшись с веником к студенту, курившему у забеленного окна.

— Какого Шиповника?! — подозрительно глянул тот.

— Не его,— ответил Пашка.— Ее. Которая в пенсне. Армяночка. Записка ей. С завода. От Андреева.

— Давай сюда!

— Не! Брат велел, чтобы в собственные руки.

— Ишь, конспиратор!

Лицо у крепыша подобрело. Наклонился, негромко сказал, что Шиповник пошла в студенческую столовку. Ту столовую Пашка хорошо знал. Во-первых, поварихой там работала мамкина землячка, тетя Даша, а во-вторых, и Андрей с товарищами частенько наведывался туда, о чемто со студентами балакали.

В столовой Пашка приметил девушку сразу, пробрался к ее столику. И когда глянула, показал записку. Подошла. Прочитала написанное, лицо стало печальным и строгим.

— Спасибо, Павлик! Но как ты меня нашел? Знаешь, как зовут?

— По имени — не знаю. А Андрюха сказал — Шиповнику. Ну и спросил в институте. У студента, у которого от оспы дырочки...

— Это Алеша! — Девушка облегчённо улыбнулась.— Но чего ты так странно смотришь? Тебе еще что-то...

— Не-е,— протянул Пашка.— Только почему вы — Шиповник? Он — зеленый и красный, а у вас и волосы, и брови, и глаза черные. Совсем непохоже!

— А-а! — засмеялась девушка.— Прозвище такое. Я — колючая. А так я — Люсик, если же по-русски — Люся.

— Люсик,— повторил Пашка, глядя в добрые внимательные глаза. И неожиданно признался:— У меня тоже прозвище, ну, только смешное... Арбуз.

— И правда — смешное! — удивилась Люсик.— Ты больше похож на крепкий камушек с морского берега.

— Потому прозвали,— смущенно пояснил Пашка,— что весной, когда мамка под нулевку острижет, голова круглая. А по правде я — Пашка, Павел.

— Брат написал про тебя, Павлик! Передай — обязательно увидимся. Беги, милый! Хотя постой! На тарелке у меня...

И как Пашка ни отнекивался, сунула ему в руку пирожок.

В дверях столовой столкнулся со студентом-крепышом.

— Отыскал, значит, Шиповника? — подмигнул тот.— У, шустрый!

— Я такой! — подмигнул и Пашка.— А вы — Алеша!

Из глубины столовой громко и настойчиво позвали:

— Столяров! Алексей! Сюда, к нам!

— Ну, пока, шустрый.— Столяров похлопал Пашку по плечу.— Еще встретимся...

* * *

Вечером у Андреевых собрались новобранцы с женами и невестами, пришли соседи. Бранили трудную, полуголодную жизнь, вздыхали: тяжко провожать молодых на фронт. Хотя газеты и трубят о патриотизме и победах, а раненые шепотом передают: двадцать четыре солдата 2-го Сибир-

ского корпуса расстреляны перед строем за братание с немцами.

Пашка не сводил с брата глаз: неужто и такого красавца богатыря могут убить-изувечить? Мамка же тогда помрет с горя! Тайком вытирает слезы и Анютка — невеста, обхватив его сзади за шею, словно кричит без слов: «Мой! Мой!» К концу вечера пели песни про Ермака, про «Варяга», «Дубинушку». Как раз тогда и постучали запоздалые гости. Пашка кинулся открывать. В полутьме блеснули стеклышки пенсне, словно стрекозиные крылышки. Из-за плеча Люсик посматривал Столяров.

— Не помешаем? — спросила девушка.

— Шиповник! — Андрей вскочил с места.— Алеша! Не позабыли!

Поднялся и Андреич. Уходя со смены, он не раз примечал у проходной тоненькую фигурку — не заводская, «не нашенская», она сразу бросалась в глаза. Рабочим чутьем Андреич угадывал: не иначе, здесь политика замешана, но помалкивал.

— Мы добрым людям всегда рады! — сказал он сейчас.— Милости прошу к убогому шалашу. Но угостить особенно нечем — сама понимаешь, милая, третий год войны! Садись-ка рядом со мной! Спасибо — пришла в горестный день. Морковным пролетарским чайком, однако, не побрезгуйте.

Андреич всматривался в красивое лицо Люсик — без пенсне глаза казались беззащитными, как у ребенка. Старый кузнец свернул самокрутку, закурил, отгоняя дым в сторону. За столом снова пошли разговоры о войне, а Андреич сказал негромко:

— Слово у меня к тебе, милая барышня. Хотя ты и не нашей рабочей косточки, а заводским, по словам Андрея, пришлась ко двору. Тебя Люсей звать, что ли?

— Если по-русски, то Люсей.

— Так послушай меня, старика, Люсенька черноглазая. Не ходи ты больше к воротам михельсоновским!

Люсик и Столяров настороженно переглянулись.

— Почему же не приходить, Андреевич?

— А потому, дорогая, что всякий подлый народишко интересуется: кто да зачем? Не попадись ты, милая, на полицейский крюк!

— Выходит, уже подцепили,— с тревогой буркнул Столяров.

— Спасибо за заботу, Андреевич! — Люсик крепко пожала лежавшую на столе заскорузлую мозолистую руку.— Я и сама примечала.

— Батя прав! — подхватил Андрей. — Осторожность, Люся, нужна. Уж очень вы нашим ребятам полезны. Вроде — свет от вас.

Откинувшись к стене, Люсик рассмеялась.

— Да не от меня, Андрюша! Я — крохотное зеркальце, отражающее большой свет.— Люсик поежилась, оглянулась на стену.— Бр-р! Холодная какая! Бедно же вы живете, Андреевич! Такой мастер...

— Многие и хуже живут, Люся. В бараках миллионщиков Бромлея да Гайтера — зайди, глянь! Нары в три яруса, теснота, грязь, клопы! А что делать, черноглазенькая? Возвращаться в деревню, на кулачье батрачить? Ты с моей женкой побалакай, от какой жизни она с родной Брянщины сбежала? Эх, Люсенька, Люсенька, не видала ты, должно, подлинной нищеты.

— Ошибаетесь, Андреевич! Не видела бы, не сидела бы сейчас здесь! — Помолчав, с грустью продолжала: — Ну, хорошо. До сих пор Андрюша работал, было у вас три заработка. А теперь как жить будете?

Андреич усмехнулся с какой-то горькой удалью, поманил Пашку.

— А вот смена Андрюхе! Завтра поведу в контору и, хотя идет ему тринадцатый, скажу — все шестнадцать! И не возьмут, схватят, Люсенька! Благо, как малолетнему, поменьше платить можно!

— Значит, Павлик на завод? — огорчилась Люсик.— Но ему же учиться нужно. Он такой смышленый!

— А он у нас и так вполне грамотный! — с гордостью похвалился Андреич.— А ну, валяй, сынок, наизусть из Пушкина про Руслана храброго!

Помешал громкий, властный стук в дверь. Все переглянулись: не полиция ли пожаловала? Но Андреич успокоил:

— По стуку слышу, сам владелец дома сего, купец второй гильдии снизойти соизволили... Однако, полагаю, не след его степенству Люсеньку у нас видеть! Мать, спрячь-ка ее на время.

Люсик прошла за раздвинутые перед ней занавески, присела на край Пашкиной койки.

Ершинов вошел неторопливо и важно, за ним вышагивал городовой Обмойкин при неизменной шашке и его сынок с Георгием на груди. Ершинов снял картуз, перекрестился на передний угол.

— Хлеб да соль, господа любезные! Как, значит, истинные патриоты рассейские, прослышав о проводах, решили поздравить уходящих на высокое служение! Извольте принять!..— Ершинов прошел к столу, поставил на край бутыль водки, щелкнул по ней ногтем.— Просим, Андрей Андреев со товарищи, возгласить с нами здравицу за царя-батюшку, за веру православную, за будущее геройство!

Андрей встал, глаза заиграли злым, озорным огнем.

— Как же оно выходит, ваше степенство? В начале войны царев указ был, чтобы зеленого змия ни-ни! А вы нарушаете и нас подбиваете?!

С некоторым смущением Ершинов развел руками.

— Так ведь, Андрей Андреев, случай-то выдающий, а?! И, уж если я угощаю, я и в ответе перед царем-батюшкой!

— Выходит, вам можно царевы указы нарушать,— расхохотался Андрей,— а рабочему человеку нет? А ну-ка, дайте я на нее гляну!

Он потянулся через стол рукой к бутылке и — оступился. Рука скользнула по горлышку, бутыль полетела на пол. Осколки брызнули в стороны, и Ершинов отступил, с подозрением всматриваясь в Андрея.

— Эх ты, кузнец, руки-крюки! Я же к вам с чистой душой, проздравить на служение! А ты... Я же будущее твое геройство....

Позади купца Николай Обмойкин стукнул костылем об пол.

— Дозвольте-ка мне, Семен Семеныч! Я про геройство скажу, как сам есть кавалер и герой! Это тебе, кузнец, не прогулка по бульвару с легкой девушкой, это навстречу смерти, как вот я...

— Валяй, валяй, герой! — усмехнулся Андрей.— Наслышаны мы про твое геройство обозное...

Молодой Обмойкин чуть смешался, но тут же взял себя в руки.

— Ты мое геройство не позорь, сицилист-демократ подпольный! Мы тоже с ушами, тоже про все наслышаны!.. — И обернулся к отцу и стоявшему рядом Ершинову.— Я так располагаю, папаша и Семен Семеныч! Как мы есть истинные патриоты, то бутыль, грубияном разбитую, возместить надо бы. Ежели к мяснику со двора стукнуть, у него для вас, Семен Семеныч, обязательно бутылочка сыщется!

— Дельно говоришь! — кивнул Ершинов и, достав несколько рублевок, небрежно протянул Андреичу.— Пущай-ка мальчонка слетает. Моим именем!

Но, выпятив седую бородку, кузнец возмущенно отступил к стене.

— А уж это, Семен Семеныч, зря! Милостыню принимать не привыкли!

— Какая же милостыня, Андреич?! От полной, сказать, души!

— Погоди, батя! — вмешался Андрей.— Ваше степенство! Эти рублевочки мне тогда полагаются, когда я без ноги, аль без глаз вернусь! А вдруг я аванса-то не оправдаю? Мы ведь как Михельсоном приучены? Отковал железку, какой немецкого кузнеца убить можно, тогда и получи кровавые рублевки. Не так?

— Стало быть, не желаете? — насупился Ершинов.— Ну, тогда ладно. Однако, Андреев, про должок квартирный напомню. Вот, в присутствии власти, господина городового...

Обмойкин важно выступил вперед, выпятив грудь.

— Так, Семен Семеныч,— развел руками Андреич,— выселять вы не вправе, как сын мой защищает царя-батюшку. Особый указ был.

— С получением повестки,— вмешался Андрей — полицейская власть надо мной, господа гребущие, кончилась! И просил бы оставить мое семейство в покое! — Андрей перегнулся через стол, и лицо его исказило бешенство.— Во-он! Вон сию же минуту, холуи царские! А не то пришибу и по рекрутскому положению отвечать не стану! Во-о-он!

Непрошеные гости попятились к двери.

— Вовсе очумел кузнец! — бормотал Ершинов.— Пойдем отсюда, Фрол Никитич, и ты, герой наш любезный! От голодранцев дождешься благородного понимания! Таким на фронте кишки на колючую проволоку...

Когда дверь захлопнулась, Люсик выбралась из закутка.

— Ну и молодец вы, Андрюша! Хорошо с ними разделались!

— Не пристало нам купецкие да полицейские подношения принимать! — буркнул Андреич.— Садись снова ко мне, черноглазая!

И опять продолжалась беседа. Теперь больше говорила Шиповник. «Валяй, Люсенька, все, что из души просится!» — сказал ей Андреич. И она рассказывала о родном Тифлисе, о дружбе с революционеркой Еленой Стасовой, о ее аресте и ссылке в Сибирь. О том, как сама Люсик работала сестрой милосердия. И глаза девушки казались Пашке удивительно добрыми: «Такие только у мамки и есть...»

— Раненые поступали в госпиталь,— рассказывала Люсик,— без рук, без ног, с признаками гангрены — ведь ампутировали в полевых условиях, на передовой...

Запричитав, мать Кузовлева обхватила руками шею сына, и Люсик подумала, что, наверное, не стоило ей говорить о страшном.

— Простите, дорогие, если причинила вам боль! Я просто хочу предостеречь ребят, чтобы берегли себя. Поверьте, скоро придет совсем другая жизнь, потому что Россия неизбежно вступит в полосу революций, долгожданных и справедливых!

Но разговор дальше не налаживался, гости постепенно разошлись. Только Люсик и Столяров задержались.

— Мы побудем еще немножко, Андреевич? — попросила девушка.— Нам с Андрюшей потолковать...

— Ты, Люсенька черноглазая, в моем доме можешь все без опаски трезвонить, тут подлых ушей нет. А мне на покой пора. С утра — к горну!

Дело у Люсик оказалось и сложным, и опасным. В подпольной организации Замоскворечья напечатаны листовки, их надо раздать отбывающим на фронт. Но как? Новобранцев переоденут, обыщут, передать прокламации можно вернее всего на вокзале, при посадке. Вот об этом и предстояло посоветоваться, поговорить.

— Ну что ж,— согласился Андрей.— Давайте пораскинем мозгами. А ты, Арбуз, что уши растопырил? Марш спать! — И, когда Пашка убрался в закуток, Андрей продолжал: — Подумаем, Шиповничек! Но знаете что? Охота бы прежде послушать, что большевики солдатам пишут.

— Сейчас! — Отвернувшись, Люсик вытащила из-под корсажа сложенную листовку. — Придвиньте, пожалуйста, Андрюша, лампу.

Пашка вплотную приник к занавеске — так будет слышно все.

— «Товарищи солдаты! — сначала тихо, а потом, увлекаясь, все громче читала Люсик.— Третий год длится мировая война, и конца ей не видно! Миллионы людей убиты и искалечены, сотни городов и сел превращены в развалины и пепелища. Каждый год новые массы людей царизм гонит на место убитых...»

Пашка встал за занавеской. Слушал, затаив дыхание.

— «...в далеком тылу солдатские семьи испытывают все тяготы нужды, голод приближается семимильными шагами, и ничем его не остановить. Обнищание и вырождение — вот что несет народам война...»

Пашка шагнул к столу, его не замечали.

— «...Таково положение во всех воюющих странах, но у нас оно просто нестерпимо. Самодержавие ведет ожесточенную войну против собственного народа... Фактически снова введено крепостное право, крестьяне под угрозой порки обязаны обрабатывать помещичьи поля... Товарищи солдаты! Ваши жертвы на фронте бессмысленны и ничем не помогут народу! Продажные писаки именуют вас «героями» и «защитниками» отечества, а в армии процветает мордобой и порка, офицерская плеть кровавыми рубцами полосует ваши спины...»

Пашка стоял уже за спиной Андрея, когда чтение прервал истерический крик:

— Не да-а-а-ам! Не да-ам!

Сидевшие за столом вскочили, оглянулись в угол. Там Андреич с трудом удерживал у кровати жену.

— Не рвите матери сердце, Андрей! — глухо сказал кузнец.

— Простите! Простите! — виновато повторяла

Люсик, ощупью отыскивая упавшее на стол пенсне.

Андрей и Пашка подбежали к мамке, кое-как успокоили, уложили.

— Извините, что так получилось, Андрюша! — вздохнула Люсик.

— А тут вашей вины нет, Люсенька. Вся вина на нем, на кровопийце всенародном! Но куда же вы? Главного-то и не обговорили. Как с листовками поступить, чтобы до солдатской души дошли?

— Узнать бы точно, с какого вокзала,— сказал Столяров. — Теперь все по ночам да тайком отправляют...

— Н-да,— согласился Андрей.— В том и закавыка!

И тут чуть слышно прозвучал тихий голос:

— А мы у казарм покараулим... И как погонят — сразу к вам, Шиповник.

— Кто это мы? — шепотом переспросила Люсик, наклоняясь к Пашке.

— Дружина! Нас много! Узнаем и прибежим, куда велите!

С минуту трое взрослых молчали, переглядываясь. Андрей улыбнулся:

— А что? Дельно! Я же говорил, Люсик, что братишка у меня — голова! Глядишь, и попадут листовки кому надо!

* * *

Ночью братья долго не могли уснуть. Андрей впервые разговаривал с Пашкой как со взрослым, на равных.

— Война, война,— раздумчиво тянул он, попыхивая самокруткой.— Эх, повалить бы нам своих кровососов, тогда народу никто не страшен! Народ, Арбузик, и есть самая главная сила! Но глядит-

то он вполглаза, а иные — вовсе слепые! И чуть голову кто из рабочих подымет, чуть прозревать начнет, тут ему царские палачишки глаза напрочь! Не моги видеть, не моги понимать! Вот, возьми, депутаты большевистские из Четвертой Думы голос против войны подняли. И тут же им — каторга. А у каждого дети, жены. Это какое же могучее сердце в груди нести нужно, чтобы на такое решиться. А они решились!

— Я все боюсь, братка, вернешься ли? — всхлипнул Пашка.

— Обязательно, Паша! Мне не вернуться никак нельзя. Мать, отец, ты! Да еще, понимаешь...

Пашка понимал — Анютка из формовочного цеха — легкие соломенные волосы, озорные глаза, цветом похожие на лесные озерца. Такие озерца — только в тысячи раз больше — видел на родине матери, на Брянщине, куда ездил с ней в детстве.

И когда уснул, эти лесные зеркала в ожерельях соснового леса ему и приснились. Медными, литыми колоннами, подпирая небо, высились сосны, а озеро между ними — словно кусок безоблачного неба, впаянный неведомым кудесником в землю...

Утром Пашка провожал Андрея в Хамовники — отец и мать пойти не могли: пропустить смену по военному положению невозможно.

На улице мамка смотрела безумными глазами. Обняв ее, Андрей решительно зашагал по сумеречной утренней улице: не к чему долгим прощанием бередить матери душу.

Конечно, провожала Андрея и Пашкина дружина.

Анютка догнала их почти у казарм. Она обхватила шею Андрея темными от формовочной земли руками.

— Андреечка, миленький! Боялась — опоздаю, не увижу!

На казарменный двор провожатых не пустили, они потолпились у ворот, постепенно разошлись. Пашка и его дружки забрались на чердак пустовавших складов фабрики Жиро и оттуда наблюдали за маршировками на плацу. Кричали унтера, бегали солдаты, кололи штыками соломенные чучела.

Оставив друзей следить за двором, Пашка ползал по пустырю: надеялся найти в деревянном заборе щелку. И нашел. В одной из досок светила дырочка, на месте выпавшего сучка. Опустился на колени, прижался глазом. Мощенный булыжником плац, кирпичные стены, а у забора — деревянное строеньице, куда то и дело подбегали солдаты.

Пашке пришлось не раз повторить призыв, прежде чем его услышал паренек с ошалелым от испуга лицом.

— Дяденька солдат! Я тут, тут! — Пашка помахал всунутым в дырочку стебельком.— Дяденька! Найди из замоскворецких Андреева! Скажи, чтоб подошел к нужнику. Скажешь, он и табачком, и хлебцем ситным поделится!

— Ладно!.. Позову, ежели отзовется...

Но ждать Пашке пришлось до вечера. Андрей пришел уже в солдатской форме, фуражку нес в руке. Остриженная голова показалась Пашке незнакомой, наголо обрили латунные кудряшки.

— Братка! Я здесь!

Сторожко глянув по сторонам, Андрей подбежал, присел у забора.

— Слушай, Арбузик! Передай Шиповнику, посадка на Брянском! Эшелон особого назначения. Понял? А вы ждите...

От казармы донесся злой окрик:

— Ты чего возле забора трешься, служивый?! Дезертировать, что ли?

Андрей выпрямился, с дерзким смешком махнул фуражкой.

— Прихватило, вашбродь, до места не донес! Похлебочка-то солдатская с гнильцой! Аль не изволили пробовать?!

— Молчать! Не то на гауптвахту отправлю!

— А какая заразница, вашбродь?! И нары те же, и кирпичек с плесенью. Одна сласть, вашбродь!

Припав к глазку, Пашка наблюдал, как Андрей уходит вразвалочку, напевая любимую: «Крутится, вертится шар голубой!» Молодец, братка! Он и тут их не шибко забоялся!

Как было уговорено, Пашка помчался в студенческую столовку — там кто-то должен ждать Пашкину весточку. Оказалось, Люсик.

— Мы тоже выяснили кое-что, Павлик,— сказала она, выслушав Пашку.— В начале эшелона пойдут три офицерских вагона, поэтому и посадка на вокзале. Но чуть позже с товарной станции отправят сплошь солдатский эшелон. На вокзал мы с Алешей пройдем, пропуска есть, а вот к другому... Листовки для него нужно передать стрелочнику Козликову...

— Так это же Витькин батька, дядя Егор! — перебил Пашка. Где листовки? Мы куда хочешь с ними проберемся!

С бережной лаской Люсик обняла Пашку.

— А не боишься, милый? Если схватят, обыщут?

— На помойке подобрал, отцу на курево. А чего там — не знаю, неграмотный...

Так пачка листовок и оказалась у Пашки за пазухой. Но Люсик предупредила, что дома их хранить нельзя, возможен обыск.

— Найду где спрятать! — ответил Пашка, вспомнив о конуре Лопуха, с которым у него давно завязалась дружба. Чтобы собака была позлее, Ершиновы держали ее на цепи впроголодь, а Пашка тайком подкармливал.

Небо грозило дождем. Спрятать листовки в щелястой конуре Пашка побоялся — не промокли бы. Завалил дровами в сарае. Потом покормил Лопуха собранными дома объедками. Ему всегда было до слез жалко пса, и тот отвечал мальчишке любовью.

Но вдруг на хозяйском этаже звякнула рама — Пашка вскочил. Облокотившись о подоконник, сверху с всегдашней усмешечкой смотрела «принцесса» Танька.

— Опять блохастого кормишь? — спросила с вызовом.— Сказала бы я о том папане, они велели бы свести псину на живодерку! Какой же сторож, если кусок из чужих рук ест? Попляшешь тогда!

Пашка растерянно молчал.

— Да не трясись ты! — фыркнула Танька.— Не скажу! Одного не пойму: как ты такую собаку обнимаешь? Блохи же!

Пашку и другое напугало: не видела ли Танька, как он листовки из-за пазухи вытаскивал? Хотя откуда ей знать про подпольные дела!

Опять кинулся к казармам, но на Калужской площади наткнулся на Ершиновых. Отец и сын Степка протаскивали через калитку большой портрет царя в позолоченной раме. Тут же суетился художник Зеркалов. Конечно, изображения само-

держца продаются повсюду, но торгаш, видать, предпочел водрузить в своем заведении портрет побольше, да написанный красками. Как же, патриот, вторая гильдия! В открытую калитку Пашка разглядел в сарае у стены еще три портрета и ряд чистых холстов.

Возле казарм было тихо. Пашка вскарабкался на чердак, раздал проголодавшимся дружкам картошку и хлеб. Темнело. Все ближе раскатывались чугунные бочки грома, вот-вот хлынет ливень.

— А может, и не погонят в непогодь? — сказал Витька.

— Дурной ты, Козлик! — Пашка отвернулся от чердачного окна.— Гроза да ливень им только на руку: провожатых меньше! Увидишь!

Так и оказалось. Около полуночи вспыхнули на плацу фонари, забили барабаны. Из казарм выскакивали под дождь солдаты. Распахнули ворота.

— Ну, дружина,— скомандовал Пашка,— наш час! Пока их выстраивают, я — к Шиповнику. А вы ждите, глядите: точно ли к Брянскому? Вдруг сначала в Крутицкие или Александровские погонят. Ты, Голыш, жди меня здесь. А вы, ребята, к депо! Там встретимся!

Но прежде чем бежать в столовку, Пашка заскочил домой взять листовки. Сидевший за ужином Андреич, похоже, уже услышал об отправке, но матери не сказал — встретил Пашку предупреждающим взглядом. И мальчишке вспомнилось ночное: «Не рвите матери сердце!»

— Садись, сынонька! — позвала мамка.

Опустошив миску, Пашка вскочил.

— Ма, Лопушку чего наберешь? Оголодал! Жадюги Ерши чуть кормят.

Взяв «собачью» миску, выскользнул во двор. Оглушая, обрушился на землю гром чудовищной силы, молния раздробила небо на огненно-красные и синие куски. Лопуха не видно, забился в конуру. Пашка прокрался вдоль дома, сунул в лаз миску. Лопух взвизгнул, благодарно лизнул руку.

Пашка покосился на окна хозяйского этажа. В одном маячил девичий силуэт. Значит, услышала-таки, как скрипнул внизу дверью. И чего она ко мне вяжется?

Окно звякнуло, распахнулось, послышался Танькин голос:

— Да вы что, папаня?! В горнице-то духота страшная, а я ни грозы, ни молнии не боюсь! Сами-то подите, ложитесь.

«Значит, не продала или не заметила! — с облегчением вздохнул Пашка.— Листовки в сохранности!»

— Опять лопоухого кормишь, а? — послышался шепот сверху.— Ой, гляди, прогонит вас папаня с квартиры!

— А тебе что? Жалеть станешь, что ли?

— А вдруг? — хихикнула Танька.

— Ври больше!

— Какие вы оба грубые! — вздохнула Танька.— Что ты, что твой красавчик брат!

Окно захлопнулось. Пашка забрал листовки и вернулся в подвал.

— Так я, ма, снова туда, караулить дальше. Может, увижу Андрюху!

— Ах, Пашенька, Пашенька! — запричитала мать.— Рубаху-то хоть надень сухую, промокнешь насквозь. Да брезентовку Андрюшину накинь, ливень страшный!

Переодевшись, Пашка выдвинул из-под кровати сундучок, нашарил на дне свисток, срезанный у Обмойкина. Авось пригодится!

Теперь — в столовку, к Люсик. Прибежав туда, Пашка из осторожности заглянул в окно. Заглянул и — пошатнулся. По комнате разгуливал офицерик с шашкой на боку и рукой на перевязи. А у стола сидела нарядная дамочка в красной жакеточке, с лицом, скрытым вуалью. У Пашки захолодело в груди. Выходит, Люсик и Столярова схватили, а здесь засада?.. Но тут же Павлик узнал в офицере Алешу, а в нарядной дамочке — Люсик. Конспирация!

Из распахнутой форточки донеслось:

— Не паникуй, пожалуйста, Люсик-джан! Новобранцев пока не вывели ни из Крутицких, ни из Александровских казарм. Нам позвонили бы! И потом, джаник, я очень верю Арбузику. Прибежит! Хотя насчет конспирации ты, пожалуй, права.

— Да, да, Алеша! — ответила Люсик.— Как член партии, я не имела права вмешивать мальчиков в рискованную операцию.

— Ну, успокойся, джаник!

Пашка не знал значения слов «джаник» и «джан», но в них звучало столько нежности, что у него странно защемило сердце. Он бросился к двери, чуть не сбив с ног тетю Дашу, вбежал.

— Выгоняют на площадь! — крикнул он.

— Ну вот видишь, Шиповничек! — улыбнулся Столяров. — Я знал, что Арбузик не подведет!.. Думаешь, Павлик, прямо на Брянский?

— А куда же? Некогда гонять из казарм в казармы!

— Спасибо, Арбузик! Итак, Шиповник, я звоню нашим. Извозчик нанят с вечера, товарищи ждут. Доставай саквояж с листовками!

Через десять минут на улице загремели колеса экипажа.

— Ваши приехали, Люсенька,— негромко окликнула тетя Даша.— А чужих никого близко не видать!

Приехавшие помогли Люсик и Столярову погрузиться.

Пашка пристроился на багажнике.

К казармам, однако, приехали, когда новобранцев с площади уже угнали. Пашка спрыгнул с запяток, подбежал к складу.

— Голыш! Куда их?!

— К Бородинскому мосту!

Выглянувший из экипажа Столяров скомандовал:

— Прыгайте на запятки, ребята! Обгоним по переулкам! Гони вовсю!

И — обогнали! На вокзальной площади мальчишки, опасаясь городовых, спрыгнули, через дыру в заборе пробрались к депо. Здесь ждали Витька и Васятка.

— Козлик! Веди к батьке!

— Да зачем? — удивился тот. — К перрону надо!

— Сейчас узнаешь! Пошли!

Старшего Козликова еще днем предупредили, и он, дежуря у стрелок, нетерпеливо поглядывал в сторону депо.

— Что долго-то? Давай, Пашунька, что послано!

Пашка вытащил из-за пазухи пакет в газетной бумаге.

— Дядя Егор! Может, мы сами? — попросил он.

— Чего это вы «сами»? — проворчал стрелоч-

ник.— Тут чужих глаз не счесть сколько! Давай солдатский подарочек!

И, как ни обидно было Пашке оставаться в стороне от дела, пришлось отдать. Егор посигналил во тьму зеленым огоньком.

— А ну брысь отсюда. Да не кучей! Напоретесь на кого, худо будет!

Таясь в тени, мальчишки прокрались к вокзалу, спрятались под настилом платформы. Ждать пришлось недолго. Открылись двери первого класса, на перрон потянулась толпа уезжающих офицеров и провожающих. Пашка сразу увидел яркую жакеточку Люсик. Рядом вышагивал Столяров, в свободной от перевязи руке нес желтый саквояж.

От депо подползал окутанный паром паровоз, и на перроне заиграл духовой оркестр. И вдруг Пашка увидел то, от чего у него перехватило дыхание. Подгоняемые офицером, полицейские катили по перрону багажные тележки. Перегораживают! Выходит, первые офицерские вагоны отрежут от солдатских? Что же будут делать Люсик и Столяров с саквояжем? К солдатским вагонам им не подойти!

И когда паровоз и состав подтянулись и закрыли от ребят платформу с отбывающими, Пашка кинулся под колеса состава. Он и сам еще не знал, что сделает, но толкала мысль: вдруг сумеет как-то помочь.

Отдышавшись, ухватился руками за край платформы, подтянулся. Перед глазами замелькали начищенные офицерские сапоги, чемоданы. Руки устали до судорог, но Пашка все смотрел и смотрел. Ага! Вон и мелькнуло желтое.

— Шиповник! Алеша!

Он перебегал под офицерскими вагонами, ждал, когда саквояж окажется ближе: ведь должны же они при посадке подойти к краю! И вот уже у самых тележек, перегородивших перрон, он увидел в толпе растерянное лицо Люсик. И снова крикнул во всю мочь:

— Люсик! Алеша!

Они услышали, подошли, до саквояжа можно дотянуться рукой. И, повиснув на левой, Пашка отчаянным рывком ухватил правой саквояж за угол и рванул на себя. И вместе с саквояжем опрокинулся под вагон, на рельсы.

А дружина, последовавшая за вожаком, уже вся здесь. Через минуту распотрошили содержимое саквояжа. Вот они, листочки с огненными словами! Пашка торопливо раздавал ребятам пачки листовок.

— Дуй, братва, по вагонам! С буферов на крыши. И ждать. Я свистну! — Он покрутил над головой свистком.

Вскоре и сам вскарабкался с буферов на крышу вагона, лежал, глядя вниз.

Грохотала медь оркестра, попы в ризах кропили вагоны.

— Благослови, господи! Даруй победу оружию...

В месиве неразличимых солдатских лиц Пашка искал глазами брата. И когда уже прозвучала команда: «По ва-агонам!» — случилось немыслимое, увидел обращенные к нему глаза Андрея. Вскочил на крыше, выхватил нагретые грудью листовки.

— Бра-атка! Братка, лови!

Листовки кружились над головами, падали в протянутые навстречу руки. Да, еще свистнуть! Свистнуть!

А потом... Очнулся в ярко освещенной комнате от резкой боли: кто-то крутил ему ухо. Оскаленный под рыжими усами рот кричал:

— Кто послал, гаденыш?! Кто...

Внезапно боль отпустила, рыжеусое лицо исчезло. Пашка услышал злобный крик:

— Балбесы! С сопляками воюете, а преступники разбегаются! Оцепить площадь! Марш все до единого...

Пашку отпустили под утро, он, конечно, правды им не сказал. На вагон забрался — скинуть брату табак да хлебушек, а листовок никаких не видел! И начальство, стоя над ним, бурчало в седые усы:

— Эх вы, ослы забубенные! Не хватает, чтобы я на старости лет с грудняками воевал! Какой с соплячишки спрос? Агитаторов упустили!

Дружина поджидала Пашку, домой шли вместе. Мамке сказали, что попал под пожарную колымагу.

— Пашенька, горе ты мое! — причитала мать, перевязывая ему ухо.

Утром на завод не пошел, все тело болело, должно быть, оглушив ударом, здорово били, пока волокли в каталажку.

А днем — неожиданная радость — Люсик.

— Не помешаю?

— Да что вы, Люсенька?! — обрадовалась мать.— Проходите!

Девушка присела у кровати.

— Мне, Павлик, твои дружки сказали, что тебя сшибла лошадь. Вот я и пришла. Принесла тебе вкусненькое.

Мамка приставила к койке табуретку, и они пили чай с принесенными девушкой пирожными.

— Спасибо вам, Люсенька,— благодарила мать.

— Не за что. Зашла проведать и пригласить Павлика по вечерам к нам в столовую на кружок. Там, в «красной» комнате, я читаю ребятам книжки, рассказываю.— Она посмотрела на женщину со странной улыбкой.— Простите... Можно, я буду называть вас майрик?

— Майрик? — удивилась та.— Но я что-то не понимаю...

— По-армянски это значит — мать, мама. Вы — добрая, вы на мою маму похожи...

— Ну и зовите, Люсенька. Мне такое от вас только в радость!

После чая, оставив гостью и сына, хозяйка занялась своими делами.

— Ты смышленый мальчик, Павлик,— говорила Люсик,— тебе обязательно нужно учиться. Больше читай, милый, у меня есть хорошие книги. Очень много дает человеку честная, правдивая книга. Как и встреча с человеком высокой, сильной души. Я встречала таких и счастлива этим! Они учат мужеству, они как святые колокола всей нашей жизни! Ты понимаешь?

— А чего ж не понять?

Скрипнула дверь. По-хозяйски топая, вошел Ершинов.

— Вы что, Семен Семеныч? — всполошилась мать.— Если насчет квартирной платы, так когда сам с завода...

— Не об том речь! — оборвал Ершинов.— Мое слово к вашему молокососу. Если, Пашка, еще станешь Лопуха кормить, за вихры оттаскаю, а пса велю на живодерку свести! Понял, шпингалет?!

— Да что вы, Семен Семеныч? — смущенно оправдывалась мать.— Да разве посмеет супротив вас? И кто наплел...

— Сам у конуры огрызки конских мослов видел. Они с неба, что ль? Мы-то конину не потребляем.— Подозрительным взглядом окинул Люсик.— Заводских навещать изволите, мамзель студенточка?.. Н-да! Из сицилисток, поди-ка?

— «Красный Крест», ваше степенство, где я состою, помогает тем, кто в беде, и в первую очередь — семьям воинов. «Красный Крест» находится под попечительством ее величества императрицы Александры Федоровны!.. О том, как вы угрожаете брату воина, защищающего родину, я доложу фрейлине ее высочества.— Девушка неторопливо застегнула жакет.— Троньте хоть пальцем семью Андреевых, и у вас будут серьезные неприятности!

Ершинов молчал, лицо его побагровело. Вызывающе поблескивая пенсне, Люсик пошла к двери. На пороге обернулась.

— Павлик Андреев! Будь спокоен, «Красный Крест» не забудет о тебе! До скорой встречи, майрик!

* * *

Андреич определил Пашку подручным к своему горну.

— Радость ты моя! — горевала мамка.— Всю бы кровушку, каплю за каплей, отдала, лишь бы не маяться тебе в кузнечном аду!

— Зря, мать! — нахмурился Андреич.— Позакалится Павел у горна — к Царевне Несмеяне сватов слать! Сказки-то помнишь?

Пашка довольно улыбнулся. В свободные часы он читал вслух пушкинские сказки — старики слушали с удовольствием.

— Будто кто золотыми молоточками слова выстукивает,— вздыхала мать. — А витязи, Пашенька, они какие из себя?

— Ну, ма, разве не понимаешь?! Витязь здоровенный, могутный, вроде Андрюхи.

— А-а-а! Вот теперь ясно. Так и звенит в ушах, так и сверкает!

С тех пор, работая по дому, частенько просила:

— Почитал бы мне, сынонька, из сказочек! Отдохнула бы малость душа...

В кузнечный цех Пашка вступил без страха — бывал и раньше. В горнах бесилось и плясало пламя. Подручные кидали в огонь железки, клещами ворочали их в огне, потом перебрасывали на наковальню. Андреич отдал сыну темные очки и рукавицы.

— Держи, Павел, Андреево наследство!

В конце недели столкнулся со Столяровым. Тот с уважением пожал помеченную ожогами руку.

— Что ж ты, кузнец, про кружок Люсин забыл? Обещал же! Они нынче собираются, приходи!

— Так мамке помочь надо: дровишки, вода, хлеба купить!

— А ты поднатужься, рабочий класс! Не пожалеешь!

Первое посещение Пашку немного обескуражило. Во дворе столовой, прежде чем постучать, заглянул в окно «красной» комнаты, где собирался кружок. И — что скрывать! — испугался. На табуретке у двери сидел полицейский! Позевывая, недовольно поглядывал на Люсик, на окружавших ее мальчишек. Ему-то что здесь нужно?

Пашка уже хотел убираться восвояси, но полицейский встал, что-то буркнув Люсик, и вышел. Заскрипело крыльцо, и хриплый голос пробасил:

— А пошла бы за меня замуж, Даша, а? Уехали бы на деревню. Смутно стало на Москве. Раньше-то наша служба в каком почете была, нынче только брань да хулу слышишь. Сицилистов развелось, узды на них нет! А в деревне-то я — козырной туз! И при чине, и карман не пустой! Поехали, а?..

— Да какая я вам невеста? — захохотала стряпуха.— Низкая я для вашего чину! Вы — околоточный, видный человек, а я?!

— И то! Ты, однако, слушай тут! Чтобы о политике ни-ни! Ни про войну, ни про царя! Доложу по начальству — прихлопнут стюденточку!

Полицейский удалился, и Пашка вышел из темноты.

— Ты, Пашуня? — окликнула Даша.— Люсенька о тебе предупредила.

В тот вечер Шиповник рассказывала о восстании Спартака, как их победили и как шесть тысяч повстанцев распяли на крестах вдоль дороги от Капуи до Рима.

Пашку рассказ потряс. Возвращаясь домой, брел словно избитый. Качалась в тучах луна, спали улицы. Но Пашка не видел ни луны, ни улиц, перед ним стеной стояли сотни крестов, растопыривших красные от крови руки... Что ж, Люсик Лисинова умела «брать за душу» — не зря подпольщики Замоскворечья считали ее лучшей пропагандисткой...

В зиму Пашка ни разу не пропустил Люсиного кружка. И день ото дня и родные, и знакомые подмечали в мальчишке перемену. Посерьезнел, повзрослел, будто кто-то наотмашь отрубил беспечальную и, не глядя на нужду, веселую пору детства. После кружка часто он провожал Люсик — было по пути — и однажды, стесняясь, сказал:

— Люсик-джан, вы как-то говорили про людей-колокола, которые зовут за собой на борьбу других. Вы сами для меня — такой колокол... Будто звенит: джан! джан!

И убежал, не дожидаясь ответа.

Жизнь его теперь катилась по новому, но уже обкатанному кругу. Днем — завод, домашние заботы в помощь матери, по ночам — непросыпный от усталости сон. И два раза в неделю — кружок, ставший окошком в мир, о котором Пашка раньше ничего не знал.

О чем бы ни шла беседа, к концу она всегда перекидывалась на войну. Зачем она? Кому нужна? За что тысячи людей калечат и убивают друг друга?.. Люсик приносила журнал «Нива», там целые страницы портретов погибших. Пашка всматривался в лица, и чувство невольной вины охватывало его. Может, они убиты такими же железками, как и те, которые он ворочал в горне и кидал под молот отцу?

Письма от Андрея приходили часто, но изрядно исчерканные цензурой,— понять, где бои, кто ранен и кто убит, невозможно. Мамка над ними плакала, украдкой целовала, заучивала с Пашкиных слов наизусть.

Ближе к весне Пашка здорово втянулся в работу, раздался в плечах. Иногда за семейным столом, будто ненароком, но с тайной гордостью клал на клеенку обожженные кулаки. На улице со спокойным презрением поглядывал на гимназистов и реалишек. И «принцесса» Танька при встречах смотрела уже без насмешки, без прежнего зазнайства.

— Ты за что на меня злишься, Пашка? — остановила она его как-то.— Я тебя, что ли, обидела чем? Или, может, считаешь, уродина? Ну, посмотри-ка!

Вскинув голову, закатила синие кукольные глаза.

— Да не-е, красивая,— протянул Пашка.— Ну, об чем нам разговаривать?

— Про чего хочешь, кузнечик! Ты книжки читать любишь. У меня, знаешь, какие интересные! Про королеву Марго, про мушкетеров...

— А это кто такие?

— Короля хранители! Смелые, кудрявенькие, на вашего Андрюху похожие.

— Мне книжки про хранителей короля не нужны! — отрезал Пашка.— У меня книги про Спартака, про Овода да «Мать» Горького! Вот это да!

— И не слыхала таких! — Танька поморщилась.— А еще сочинения Чарской и Лукашевич. Читаешь, и слезы сами катятся. Хочешь, дам?

Пашка не успел ответить — из-за угла выплыла Танькина мамаша. Возвращалась с базара, несла в корзине всякую снедь.

— О чем вы тут беседы разводите? — накинулась она на дочку.— Тебе что, Татьяна, разговаривать боле не с кем?

— А мы ничего, маманя,— прищурилась Танька.— Кузнечик мне сослепу на ногу наступил, туфлю испачкал. Я и велела картузом обмахнуть.

Пашка повернулся и зашагал к дому. Вот продажница, его же осрамила, подлая!..

Зима шла, лег снег. Как-то после кружка Люсик задержала Пашку.

— Завтра воскресенье. Ты, Павлик, кажется, свободен?

— Пока в малолетках числюсь, по праздникам дают отдых.

— Вот и славно. Слушай, милый... Ты не побоишься пойти в тюрьму?

— За что?! — удивился мальчишка.— Ничего не украл, не...

— Не за что, а зачем,— улыбнулась девушка.—

Там ведь не только воры да разбойники, а и другие сидят. Понимаешь?

— Как не понять! У нас из цеха двоих забрали. Бунтовщики!

— Так-так. И один из наших студентов сейчас в Бутырках. Завтра день свиданий и передач. Институтским пойти нельзя, приметят... Не побоишься?

— Я трус, что ли?! — обиделся Павлик.— Но как я его узнаю?

— Проще простого, Павлик! В студенческой форме и в пенсне, как у меня. Увидишь среди арестантов, подойдешь и шепнешь: «Шиповник». Никто не поймет, а он — да! Тюремщикам скажешь: брат Константина Островитянова, передачу принес. И свидания обязательно проси.

Пашка с благодарностью глянул в склоненное над ним лицо.

— Спасибо, что доверяете, Люсик-джан!

На другой день Люсик вручила ему кошелку с булками и папиросами, были там и две потрепанные книжки. Про них Люсик пояснила:

— Скажешь тихонько: «Со страницы сто двадцать шестой». Не забудешь? А про семью спрашивать станет, передай: дядя болен, но доктора обещают выздоровление.

Утром девушка проводила его до трамвая. И хотя в слове «тюрьма» Пашке всегда мерещилось что-то ужасное, он ехал с легким сердцем: на дурное Шиповник не пошлет!

У Бутырок — толкучка, будто на базаре, а комната свиданий производила угнетающее впечатление. Но когда Пашка увидел на пороге улыбающегося студента в фуражке набекрень, повеселел. Пробрался вдоль перегораживающей комнату решетки, шепнул:

— Шиповник!

— А, явился, сорванец! — обрадовался Костя.— Ну, здравствуй, братец!

За ржавыми прутьями — живые с искорками глаза, вьющаяся бородка.

Пашка пересказал заученные слова, помянул про страницу. И Островитянов бережно погладил передачу, которую держал под мышкой.

— За книжки особое спасибо, братишка! А что же сушеных ягодок не принес, шиповничка? Я по ним соскучился!

И они засмеялись понятной обоим шутке. Кругом галдели каждый о своем, надзиратели возле решетки следили, чтобы не передавали что-нибудь из рук в руки.

Костя понравился Пашке, и с тех пор он еще два раза побывал в комнате свиданий.

А вскоре ему удалось оказать Люсик более серьезную услугу.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

В кают-компании «Кораблика»

«Учиться ремеслу»

КАПИТАН: Дорогие члены команды! Разрешите представить нашего гостя, поэта Давида Самойловича Самойлова.

ЮНГА: А я читал и ваши стихи, и вашу «Книгу о русской рифме». Очень сложная, научная книга.

БОЦМАН: Уважаемый Давид Самойлович! Вы всегда научно подбираете рифмы к стихам?

Д. С. САМОЙЛОВ: Рифмы приходят сами, боцман, их нельзя вычислить.

БОЦМАН: Зачем же тогда изучать их, если все складывается само собой?

Д. С. САМОЙЛОВ: Лишь плохой поэт, как птичка: сел и запел. А хороший должен знать свое ремесло — то, как пишутся стихи. Познать их строение, законы ритма, звучащую сторону стиха — его форму. Только тогда поэт сможет говорить свободно и точно.

БОЦМАН: Вас понял: чтобы стать хорошим поэтом, надо лишь освоить ремесло.

Д. С. САМОЙЛОВ: Нет, конечно! В XIX веке в Царскосельском лицее стихосложению учили всех. И лицеист Яковлев рифмовал лучше Пушкина.

ЮНГА: Никогда не слыхал о поэте Яковлеве...

Д. С. САМОЙЛОВ: Он и не стал поэтом. Оттого, что сами по себе размер и рифма — еще не стихи. Стихотворение живет искренностью и глубиной чувств. А этого не было в стихотворных упражнениях Яковлева.

БОЦМАН: Как же вы стали поэтом? Где учились сочинять?

Д. С. САМОЙЛОВ: Первое стихотворение у меня сложилось неожиданно. Было мне семь лет. Как-то солнечным летним утром я проснулся и прочитал собственные стихи. Меня это очень удивило и обрадовало.

Осенние листья желтеть начинают,
С шумом на землю ложатся они.
Ветер их снова наверх поднимает
И кружит, как вьюгу, в ненастные дни.

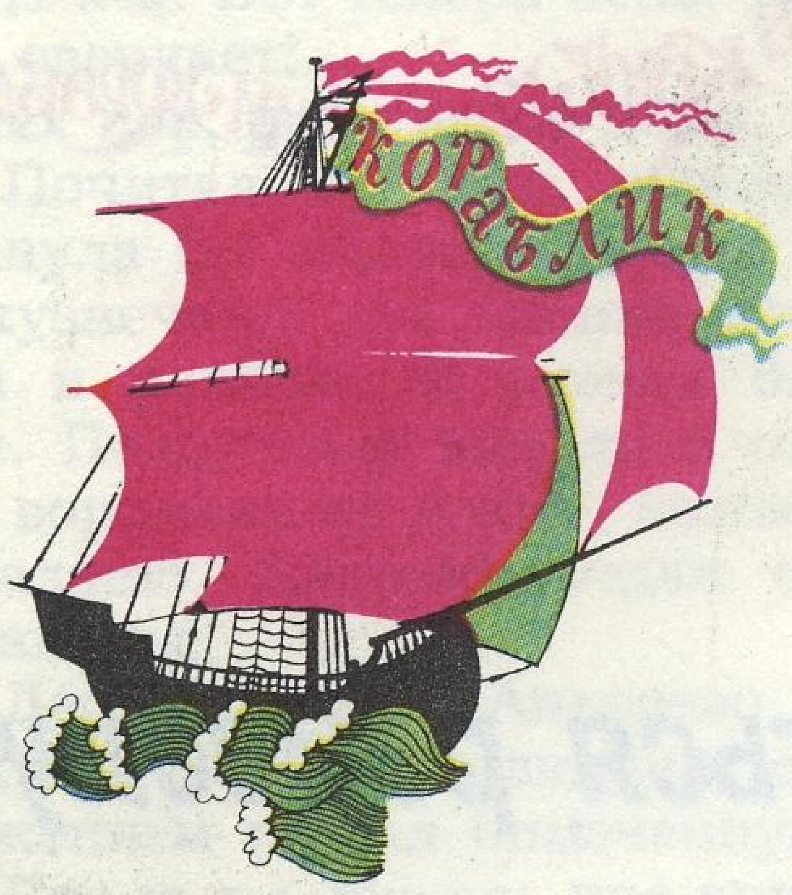
КАПИТАН: Здесь есть уже ритм, точные рифмы, художественный образ: ветер кружит листья, как вьюгу.

Д. С. САМОЙЛОВ: Ничего этого я тогда не знал. Но читать стихи очень любил. Мне нравилась их мелодичность, напевность. У меня в комнате стоял большой шкаф с книгами. И я читал из него все подряд. К семи годам знал стихи Жуковского, Крылова, Пушкина, Есенина, Гейне...

КАПИТАН: Читая стихи, вы невольно учились и писать их.

Д. С. САМОЙЛОВ: Возможно. Но в детстве, сочиняя, я стремился лишь подражать любимым поэтам. Потребность же рассказывать о своем настроении, переживаниях пришла гораздо позже. А когда это случилось, я и почувствовал, что мне не хватает знания мастерства. Стал читать о стихах, размышлять, так и «Книга о русской рифме» сложилась.

Бортжурнал ведет Н. Давыдова.



Прошлым летом «Кораблик» пустился в плавание по Волге и по притоку ее, реке Малой Кокшаге, добрался до Йошкар-Олы, столицы Марийской Автономной Советской Социалистической Республики. Там он погрузил на борт ценный груз — стихи марийских школьников.

Первое стихотворение — о хлебе. Написал его Гена НИКОЛАЕВ, восьмиклассник.

Второе — о городе. Сочинила его семиклассница Люда СМИРНОВА.

Наташа ПАНЧЁШНАЯ — москвичка, учится в школе № 825, в восьмом классе.

Нива

Трактор в поле слышу,
Пашет он, не дремлет.
И душа ликует!

На полях я вижу
Вспаханную землю.
И душа ликует!

Добрый хлеб родится,
Полюшко широко.
И душа ликует!

Нива золотится,
Хлеб дойдет до тока.
И душа ликует!

Йошкар-Ола

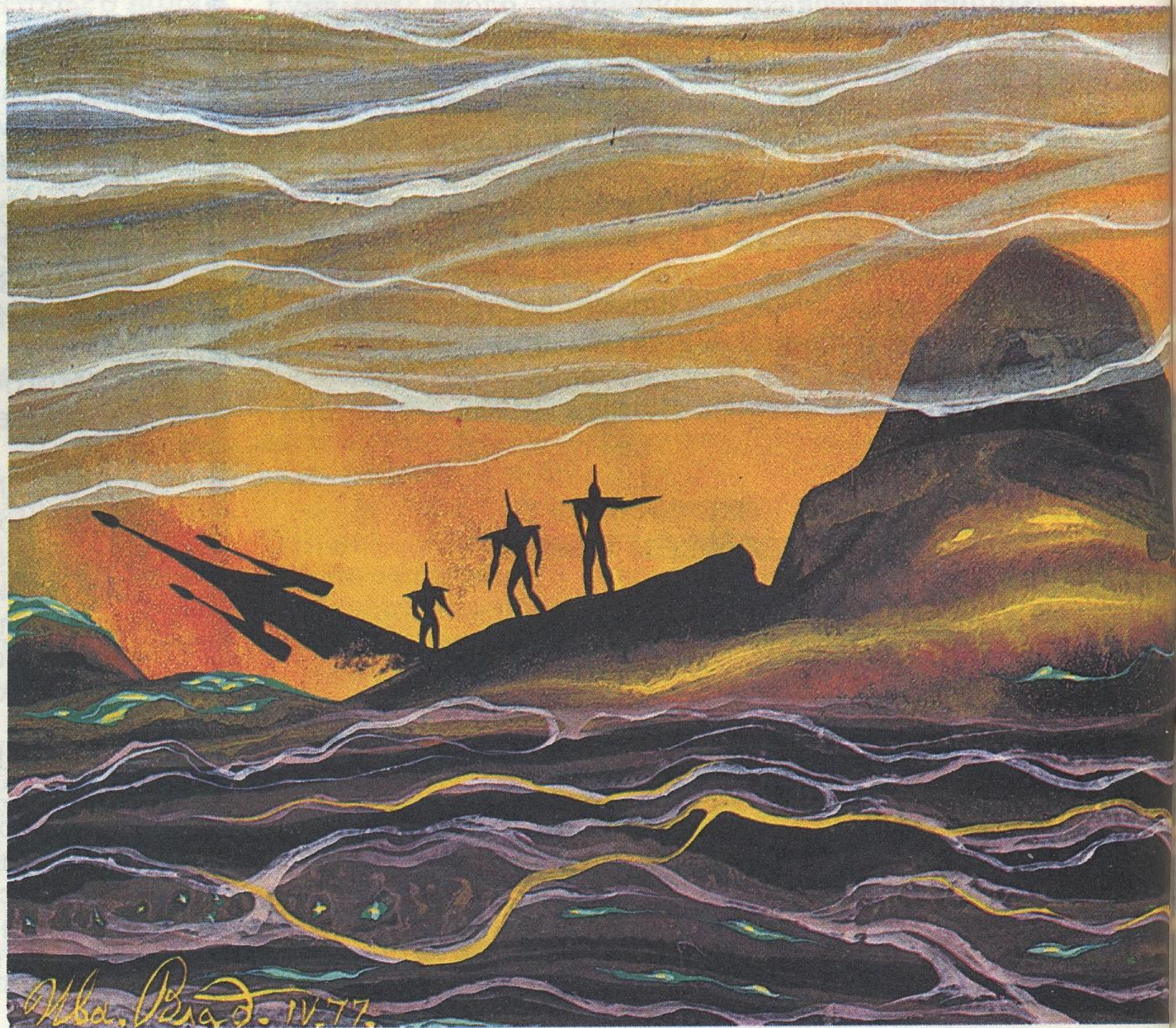
Я люблю Йошкар-Олу:
Светофоры на углу,
Зелень, розы, мостовые,
Окна, светом залитые!

Мост большой у нас один,
По нему — поток машин.
Мы до площади дойдем,
Площадь
с Лениным-вождем.

Космос

Что же такое космос?
Космос — это звезды,
Космос — это просторы
Для космических кораблей.
Что же такое космос?
Космос — это планеты.
И этот бескрайний космос
Доверили нам теперь.

В небо ушла ракета,
Огненный хвост оставив.
К новым летим планетам,
Чтобы друзей найти.
А когда мы вернемся,
Люди «спасибо» скажут.
Мир мы несем с собою,
К звездам, корабль, лети!



«ПЕРЕД СТАРТОМ».
Нарисовал Володя ИВАЩЕНКО, 15 лет.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Потом — целых два стихотворения о братьях. О старшем брате, пограничнике, который бережет страну, а значит, каждого из нас, рассказал Володя ПЕТУХОВ, ученик 9-го класса. А третьеклассник Вася ГОРДЕЕВ посвятил стихотворение младшему братишке, которого хочется беречь и охранять. Оба стихотворения получились немудреные, но добрые, искренние и поэтому понравились Капитану «Кораблика».

Как орел

Далеко, в чужом краю,
На границе служит брат.
Бережет страну свою
Нашей армии солдат.

Далеко, в чужом краю,
Брат летает, как орел.
В Красной Армии строю
Он награды приобрел.

Стасик

Это чей сынок-малютка
Протянул ручонки к нам?
Знайте, это братик Стасик,
Знайте — он уж ходит сам.

Он болтать уже умеет.
Каждый в доме ему рад.
На душе моей теплеет,
Если он мне скажет: «Брат».

«МОЛОДОЙ ТРАКТОРИСТ».
Рисунок Кати АНТИПИНОЙ, 10 лет.

Пятое стихотворение — о снеге, о начале долгой зимы. Его автор — Сергей РОЖКИН, семиклассник.

Белым-бело

Погляди на поле —
Все белым-бело.
Снег валился вволю,
К полдню намело.
Глянь на крышу дома —
Белая она,
Белые березы,
Белая сосна.

Подойди к оврагу —
Речка подо льдом.
Белою бумагой
Снег лежит на нем.
Это что за диво?
На окне узор.
До чего красиво!
Белый, белый двор.

И, наконец, последнее, оно о... котенке. О своем пушистом друге рассказала в стихах восьмиклассница Анфиса ЧИКАЕВА.

Мой котенок

В школу мне пора идти
И портфель с собой нести.
Сядет на плечо котенок,
И не хочет он сползти.

В школе я полдня всего.
Чем пока занять его?
Будет ждать он терпеливо
Возвращенья моего.

В школе время пронеслось,
Сумку вешаю на гвоздь,
Он уж снова на плечо мне,
Распушил свой белый хвост.

Принесем воды вдвоем
И чайку мы с ним попьем,
А потом вдвоем мы с ним
За уроками сидим.

Стихи марийских школьников перевела Л. ГУЛЫГА.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА» И «ПРОТИВ»

МОЯ СЕМЬЯ, когда я вырасту

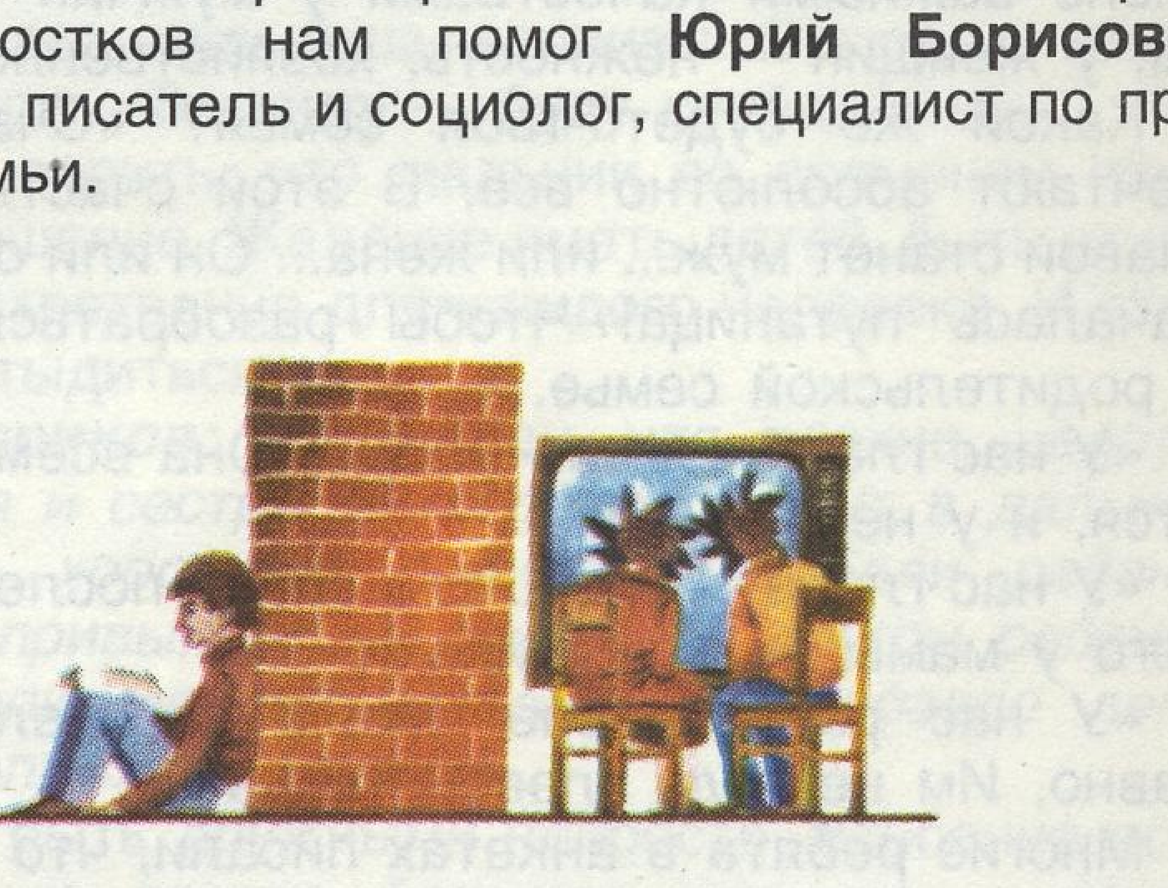
Разговор о счастье

Один мудрый человек сказал, что счастье — это когда с радостью идешь на работу и с радостью возвращаешься домой. Однако мне не доводилось слышать, чтобы в сочинении на тему «Кем ты хочешь стать?» человек тринадцати лет написал, что он хочет стать хорошим отцом и мужем или хорошей матерью и женой. А ведь понимающие, заботливые мужья, жены, отцы и матери ничуть не меньше нужны нашему обществу, чем квалифицированные специалисты.

Многие взрослые считают, что разговоры с подростками об их будущей семье преждевременны: мол, жизнь потом научит. А жизнь-то начинается не потом, она уже идет полным ходом и готовит, а лучше сказать, не готовит ребят к тем проблемам, с которыми они столкнутся в семье.

Но прежде, чем мы задумаемся о семье будущей, давайте вглядимся в своих родителей, посмотрим на самих себя и решим: хотелось бы мне, чтобы моя будущая семья была похожа на ту, в которой я живу сейчас?

Этот разговор мы начали с московскими школьниками 13—14 лет. А разобраться в мыслях и настроениях подростков нам помог **Юрий Борисович РЮРИКОВ,** писатель и социолог, специалист по проблемам семьи.



«Никому нет до меня дела»

Большинство ребят написали, что не хотели бы в будущем иметь семью, похожую на родительскую. Почему?

Многие считают, что они с родителями только смотрят телевизор, едят и убираются в квартире. Никакими другими делами вместе не занимаются и общих интересов не имеют.

«Я провожу с родителями немало времени, но мы сидим по своим комнатам и почти не разговариваем. Любые беседы переходят в нравоучения, а потом в ссоры».

«Родители не интересуются моими делами, мы почти не общаемся. Разговариваем только о каких-то мелочах».

Между родными людьми нет понимания... Дети обвиняют в этом родителей. Конечно, легче свалить вину на маму и папу. Но ведь и дети не гости, а полноправные члены семьи. И потому они так же, как и взрослые, виноваты в том, что жизнь в их семье неинтересная, что каждый думает только о себе и не пытается понять другого.

***Ю. Б. Рюриков:** «Не надо жаловаться, что нет общих дел, ребятам надо искать их. «Мама, давай вместе сошьем платье, у меня не получается». «Папа, мне так хочется покататься с тобой на лыжах». «Давайте я куплю билеты в кино. И в воскресенье сходим вместе».*

Даже если родителям некогда и они сперва отмахнутся, все равно им будет приятно твое желание быть с ними вместе. Может быть, не сразу, но жизнь в семье изменится, она станет добрее, интереснее, хотя бы потому, что ты будешь делать ее такой».

Многие ребята жалуются на то, что родители требуют от них полного подчинения.

«Моей маме трудно что-либо доказать. Она всегда права. И я должен ее слушаться, хотя все чаще и чаще мне этого не хочется».

«Очень трудно выполнять требования родителей. Стыдно сказать, но я каждый день занимаюсь бессмысленным делом — два раза мою полы во всей квартире, хотя у нас нет ни маленьких детей, ни животных, а обувь все снимают вообще перед входной дверью».

Как же действовать, если родители не идут на уступки и никогда не признают себя неправыми? Объявить бойкот? Или что-нибудь вроде «сделаю маме хуже — отморожу себе пальчик?». А может быть, выбросить половую тряпку? Пусть кричат-надрываются, не пускают в кино, не покупают платьев! Или убежать из дома? Вот уж тогда они забеспокоятся, поймут, что нельзя мной командовать, что у меня тоже характер.

Стоит ли обострять отношения? Уверены — не стоит! Какими бы ни были родители, все равно они самые родные и близкие люди. И вступать с ними в войну просто жестоко. Тем более что в этой войне не будет победителей. Какая бы сторона ни взяла верх, кто-то будет унижен, кому-то будет плохо. А раз плохо одному, вряд ли так уж хорошо может быть другому.

***Ю. Б. Рюриков:** «Я бы посоветовал в любой, даже самой неприятной ситуации найти что-то хорошее. Выполняйте то, что родители вас просят выполнить. И говорите себе: «Я не хочу это делать, но я сделаю, чтобы родители были довольны, чтобы им было приятно. Я заставляю себя и тем самым тренирую свою волю. Я закаляюсь».*

Счастье в семье наступает только тогда, когда каждый старается больше отдать, чем получить. К сожалению, многие ребята, наоборот, считают, что все им обязаны. Обязаны о них заботиться, думать, им угождать. Сегодня, завтра, всегда... Вряд ли такие люди смогут создать счастливую семью.

«Мне и так их заботы хватает»

Но не все обижены невниманием родителей.

«Я не хотела бы проводить с родителями времени больше, чем сейчас. Мне и так их заботы хватает».

У этой девочки много дел: спортивная секция, музыкальная школа, друзья, общественная работа. И то, что у нее почти не остается времени для дома,— естественно. Непонятно другое: почему отношения с родителями она рассматривает только как их заботу о себе? Хватает заботы — значит, хватает общения. К сожалению, у многих сыновей и дочерей не возникает вопроса: «А родителям-то хватает нашей нежности, нашей доброты и заботы о них?»

Ю. Б. Рюриков: *«Во многих семьях дети превратились в иждивенцев. Такие потребительские отношения разъедают семью и не принесут в будущем счастья. В капиталистических странах, например, очень рано приучают детей к труду, к самостоятельному зарабатыванию денег. Даже миллионеры не дают своим детям на карманные расходы, а требуют, чтобы подростки зарабатывали себе сами.*

У нас, к сожалению, еще очень распространен тип семьи, который социологи называют детоцентристским. В таких семьях в центре стоят дети, и родители тратят массу сил на то, чтобы детям было хорошо, другими словами, становятся рабами детей».

Ребята, не миритесь с положением «царьков»! Отказывайтесь от своих «престолов»! Они усложняют жизнь не только родителям, но и вам самим. Привыкнув к «трону», воздвигнутому обожающими вас родственниками, вы захотите таскать его за собой всюду: в школу, на работу, в будущую семью. А это, поверьте, слишком тяжелая ноша, к тому же вызывающая неприязнь окружающих.

«Доброта и терпимость»

Итак, большинство ребят не хотят, чтобы их семьи были похожи на родительские. Какой же они представляют свою будущую семью?

На вопрос: «Какие качества, по-твоему, должны быть у мужа, жены, отца, матери?» — почти все ребята ответили: доброта и терпимость. Такого серьезного и взрослого ответа мы, честно говоря, не ожидали.

Но оказалось, что радость наша преждевременна. Подростки наделяли этими чертами не столько себя, сколько других членов своей семьи. «У меня, мол, их может и не быть, но вот у нее (у него) — обязательно».

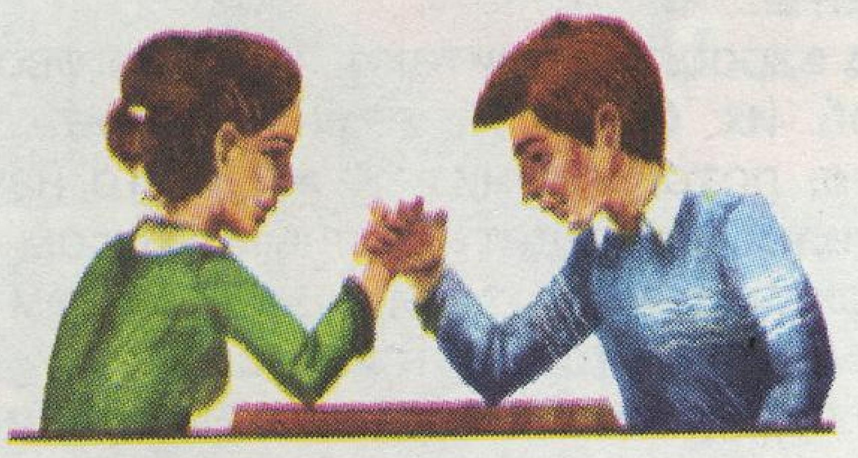
Что получается, когда к другим людям требования гораздо выше, чем к себе, можно судить хотя бы по этому высказыванию:

«Я всегда думала, что мои родители самые лучшие, а сейчас вижу, что это не так. У них много нехороших черт, которые меня раздражают. Я делаю им замечания, что выводит их из себя».

В 13—14 лет человек начинает понимать, что родители у него не самые умные и не самые красивые, как казалось прежде. Конечно, хорошо бы иметь идеальных родителей, а в дальнейшем — идеальных мужа, жену, детей. Но так не бывает. И стремление подогнать близких людей к выдуманному тобой идеалу рождает только взаимное раздражение.

Ю. Б. Рюриков: *«Критиковать родных, в том числе и родителей, можно. Но критика не должна превращаться в мелкое одергивание, в злорадство. Воспринимать родных такими, какие они есть, видеть в них прежде всего достоинства, а не недостатки, уметь многое прощать — в этом, наверное, и заключается доброта и терпимость».*

Кстати, та девочка, которая делает замечания своим родителям, тоже считает доброту и терпимость основными качествами мужа, жены, отца, матери. Но вряд ли она будет доброй и терпеливой женой, если не начнет воспитывать в себе эти черты характера уже сейчас. Как? Пусть подумает сама.



Кто у нас глава семьи?

Помимо доброты и терпимости, ребята считают очень важными качествами у мужчин — смелость, ум; у женщин — нежность, хозяйственность.

Какой же будет твоя семья? «Счастливой» — мечтают абсолютно все. В этой счастливой семье главой станет муж... или жена... Он или она? Вот уже началась путаница! Чтобы разобраться, вернемся к родительской семье.

«У нас глава семьи — мама. Она всем распоряжается, и у нее деньги».

«У нас глава — папа. Его слово последнее. После него у мамы не спрашивают».

«У нас равноправие. Моим родителям все все равно. Им некогда главенствовать».

Многие ребята в анкетах писали, что в их семьях есть лидер: папа, а чаще мама. Но, независимо от того, кто именно главенствует в их семье, почти все мальчики хотят быть главой в своих будущих семьях, а большинство девочек не хотят. Наверное, хорошо, что мальчики собираются взять на себя большую ответственность: ведь главенство ко многому обязывает. И замечательно, что девочки согласны добровольно отдать бразды правления в руки мужчин и чувствовать себя слабым полом.

Вы, конечно, знаете, что в истории человечества были разные эпохи: матриархат — власть женщин и патриархат — власть мужчин. Но, может быть, главенство одного и подчинение ему других не единственно возможная форма существования семьи?

Что по этому поводу думают ученые?

Ю. Б. Рюриков: *«Близится новая эра в семейных отношениях — биархат, и от нас с вами зависит, как скоро она наступит.*

Что такое биархальная семья? Это семья, где нет постоянного лидера, а есть временные. То отец, то мать. Там, где кто-то из них лучше и больше разбирается, он и будет первым и главным. И тогда никто в семье не почувствует себя зависимым. Мне кажется, что такие взаимоотношения сделают

семью гармоничной, в ней будет значительно меньше конфликтов. Кстати, и детей в биархальной семье будет оптимальное количество: двое-трое».

«Детский» вопрос...

Мелькают цифры — два, три, четыре, два, шесть... Чаще всего два, очень редко один. И только единственный раз на вопрос: «Сколько ты хочешь иметь детей?» — дан ответ: «Детей иметь совсем не хочу».

Почему четырнадцатилетний мальчик так написал? Это ясно из его ответов на другие вопросы.

«У меня есть младшая сестра, ей всего пять лет. Но я не пользуюсь у нее ни авторитетом, ни уважением. Я, старший брат, вынужден выполнять любую ее прихоть, постоянно с ней баловаться, лишь бы она не плакала. Я ни минуты не могу побыть один, когда она дома».

Судя по нашим опросам, те ребята, которые росли вместе с братьями и сестрами, все же хотят иметь нескольких детей. Значит, этот мальчик — исключение из правил? Здорово же ему досадила сестренка, если теперь парню кажется, что малыши — это одни лишь капризы. Отсюда и возникает протест: «Вырасту — буду свободным».

Хочется верить, что мальчик со временем изменит свое решение. Желание иметь детей, быть отцом, матерью естественно для каждого человека. И этого не стоит стыдиться.

***Ю. Б. Рюриков:** «Я уверен, что плохие, недружные братья и сестры никогда не смогут в дальнейшем стать хорошими родителями. Если ребенок с детства привыкает заботиться о другом ребенке, старшем или младшем, ему будет гораздо легче войти в роль отца, матери».*

Но ведь быть дружными непросто, особенно если у братьев и сестер большая разница в годах. Нелегко быть старшим, да и младшим быть не сахар.

«Меня всегда выпихивают из комнаты, когда к старшей сестре приходят гости, а ведь мне уже 13!»

«Мой старший брат меня любит, но почему-то во дворе делает вид, что я не имею к нему никакого отношения. А дома требует полного подчинения».

***Ю. Б. Рюриков:** «Все эти трудности преодолеваются при одном условии: взаимном уважении. Пятилетняя сестра хочет, чтобы с ней все время баловались,— брату ни в коем случае не стоит выполнять ее капризы, но и унижать, отпихивать не нужно. Надо переключить внимание девочки на какие-то дела, которые нужны всей семье.*

А младшим, наверное, необходимо избавиться от излишней назойливости. Если хочешь общаться со старшими, постарайся их чем-то заинтересовать».

Итак, мы пришли к выводу: по тому, как ты относишься к своей семье сегодня, видно, каким семьянином ты станешь завтра. Поэтому, представляя свою будущую семью счастливой, старайся вносить радость в сегодняшний дом.

Но ведь бывает, что ребята, не знающие родительской любви и ласки, вырастают в прекрасных отцов, мужей, матерей? Бывает. А как объяснить, почему у хороших, любящих родителей вырастают легкомысленные дети, бросающие своих детей?

Да, не все вопросы мы прояснили сегодня. Рано нам ставить точку в разговоре. Но продолжить дискуссию мы хотим с твоей помощью, читатель.

О. ХМЕЛЕВА.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята, если вы хотите принять участие в нашем разговоре «Моя семья, когда я вырасту», пришлите свои ответы на вопросы:

1. Хотел бы я, чтобы моя будущая семья была похожа на ту, в которой я живу сейчас? Почему?

2. Какими я представляю своего будущего мужа (жену), отца (мать) своих детей?

3. Хотел бы я быть главой семьи?

4. Сколько у меня будет детей, когда я вырасту?

Письмо можно не подписывать, но хорошо, если каждый автор расскажет о себе: сколько ему лет, мальчик он или девочка, с кем живет...

На конверте укажите девиз: «СЕМЬЯ».

Рисунки И. ПАНКОВА.

ВПЕРВЫЕ В «ПИОНЕРЕ»

Елена ГАБОВА

Рисунок К. ОРЛОВА.

Папа шестиклассника Саньки Рогожкина был лысым. Ну совершенно! И это в его неполные тридцать шесть лет. Однажды в автобусе какая-то малолетняя пассажирка с бантиками обозвала его дедушкой да еще и место хотела уступить. Санька расстроился. У него даже руки зачесались — так хотелось оборвать пассажирке бантики.

— Не очень-то приятно быть дедушкой в тридцать шесть лет,— говорил папа, грустно улыбаясь.

Он гладил свою блестящую, как шар, голову и вздыхал.

Маме тоже не нравилась папина гладкая голова. Однажды она сказала, что знай она, как быстро папа облысеет, не вышла бы за него замуж. Сказала, конечно, в шутку. Даже Санька это понял. А папа посмеялся, но потом вовсе загрустил.

— Нет ничего глупее, друг мой Санька, чем быть лысым,— сказал он.

Санька так переживал за папу, что незаметно для себя стал с завистью поглядывать на всех волосатых пап и даже осуждать тех, кто носил слишком уж буйные шевелюры. «Ишь,— ворчал он,— отрастили. А про лысых, наверно, и не подумают...»

И вот как-то в Санькину голову пришла идея: надо изобрести средство от облысения!

Он записался в школьный химический кружок, и день за днем упорно смешивал одни вещества с другими в самых невероятных комбинациях. Допоздна он что-то растирал, размешивал, подогревал.

Санька жалел, что в химический кружок не приняли ни одного лысого. Нет, их, конечно, взяли бы, но они не просились. Так что препараты он испытывал на себе. Иногда все обходилось, а иной раз Санька по нескольку дней не мог оттереть подбородок, который становился то синеватым, то зеленоватым, а то вдруг розовым в желтый горошек.

Были, конечно, неприятности, но Санька все сносил ради своей мечты.

Однажды он особенно долго возился над мазью. Она вышла ярко-зеленого цвета. Тяжело вздохнув, он мужественно помазал ею подбородок. Вынул из кармана зеркальце, с которым не расставался, и долго в него смотрелся. Ничего на подбородке не росло, только кожа слегка зудела.

На следующий день после звонка на первый урок, когда все не только расселись по своим местам, но даже успокоились, в дверь шестого «А» просунулась голова с отвратительной рыжей бородой. Борода торчала неровными клочками и по бокам закручивалась колечками.

— Вам кого? — строго спросила учительница ботаники Оксана Петровна.

— Можно войти? — сказал бородатый тип испуганным Санькиным голосом.

— Рогожкин, что за маскарад? — испуганно закричала Оксана Петровна. — Сейчас же убери эту гадость!

— Она... она не убирается.

— Нет, вы посмотрите на него! Сними немедленно эту паклю, а то я отправлю тебя к директору!

— Не снима-ается! — вовсе заныл Санька и утер нос кончиком бороды.

Тут класс опомнился, и все буквально покатились со смеху.

— Эй, Рогожкин, чем клеил? — громче всех кричал Толька Малышев.— Эпоксидкой?

— Нет, вы только посмотрите! — Учительница шагнула к Саньке и довольно неаккуратно дернула его за бороду.

— Ой! — завопил тот.— Больно!

Оксана Петровна сделала круглые глаза.

— Потря... потря... — она даже побледнела,— ...сающе!

С опаской пройдя мимо Саньки, она кинулась вон из класса.

Медсестра Тамара Федоровна прибежала в ту минуту, когда Санька выл от боли: каждый желал убедиться, что борода настоящая. Толька Малышев убеждался дольше всех.

— Тамара Федоровна, это... это...— бормотала перепуганная учительница.— Вы не поверите.

— Посмотрим, посмотрим...— озабоченно сказала Тамара Федоровна, приближаясь к Саньке не то чтобы с опаской, но как-то бочком.— Бывает, бывает... Я думаю, для начала сбрить. Да, да, именно сбрить. Ну, а там дальше понаблюдаем... возможно, стационар.

— Диетическое питание,— подсказала Оксана Петровна.

— Возможно, возможно... обязательно...

— Где я брить буду? — шмыгнул носом Санька.

— В парикмахерской, разумеется. Детской. Нет, детская не возьмется... Пойдешь во взрослую.

— Не пойду! — замотал головой Санька.— Я в школу-то еле пробрался, чтоб никто не видел.

— Вам надо решиться,— терпеливо сказала Тамара Федоровна, невольно перейдя на «вы» — из-за бороды, конечно.— Я вас провожу.

— Не пойду! — заныл Санька.— Смеяться будут!

— Настоящий пионер не должен бояться сбривать бороду,— пришла на выручку Оксана Петровна.

Весть о Санькиной бороде быстро разнеслась по школе. На перемене в класс заходили поодиночке, толпами и организованными экскурсиями.

Санька стоял в углу класса затравленный и не знал, куда бежать.

Одни смотрели на Саньку со страхом, другие с любопытством, третьи твердили, что это шарлатанство.

На уроке математики вместе с учительницей Кирой Николаевной в кабинет решительно вошел директор, не очень решительно — завуч и совсем робко — старшая пионервожатая.

— Что тут у вас? — спросил директор.

— У нас борода,— сказал Толька Малышев.

— Так.— Директор осуждающе посмотрел на Санькину паклю.— Уже до бороды докатились.

— Вот именно! — поддакнула завуч.— Дальше, по-моему, некуда.

— А ведь ты пионер, Рогожкин,— покачала головой старшая пионервожатая.

— Вы проверяли, действительно настоящая? — спросил у ребят директор.

— Да, дергали! — закричали ребята.

— Плохо дергали! — сказал директор и решительно направился к Саньке.

— А-а! — заорал Санька и пулей вылетел из класса.

Он добежал до ближайшего телефона-автомата и позвонил отцу на работу.

— Пап, я нашел средство! — заговорил он, всхлипывая.— У меня выросла борода.

Папа почему-то не удивился. Он вздохнул в трубку и грустно сказал:

— Пускай растет, друг мой Санька.— И вдруг, словно опомнившись, закричал: — Как?! Серьезно? Нашел средство? Хорошо растет?

— Клочками,— всхлипнул Санька.

— Ничего! — бодро сказал папа.— Поздравляю! Беги домой, я сейчас выезжаю.

Папа был веселым, каким Санька его не помнил. Он сначала натер свою блестящую голову ядовито-зеленой мазью, а потом взялся за бритье Санькиной бороды.

— Это, мой друг Санька, твой первый научный подвиг,— горделиво сказал он, упорно водя электробритвой по щекам сына.— А из-за бороды ты не переживай. Я тебе вот эту самую электробритву подарю.

Наутро голову Рогожкина-старшего украшала великолепная рыжая шевелюра. Он не отходил от зеркала, опоздал на работу и все спрашивал у мамы:

— Ну как?

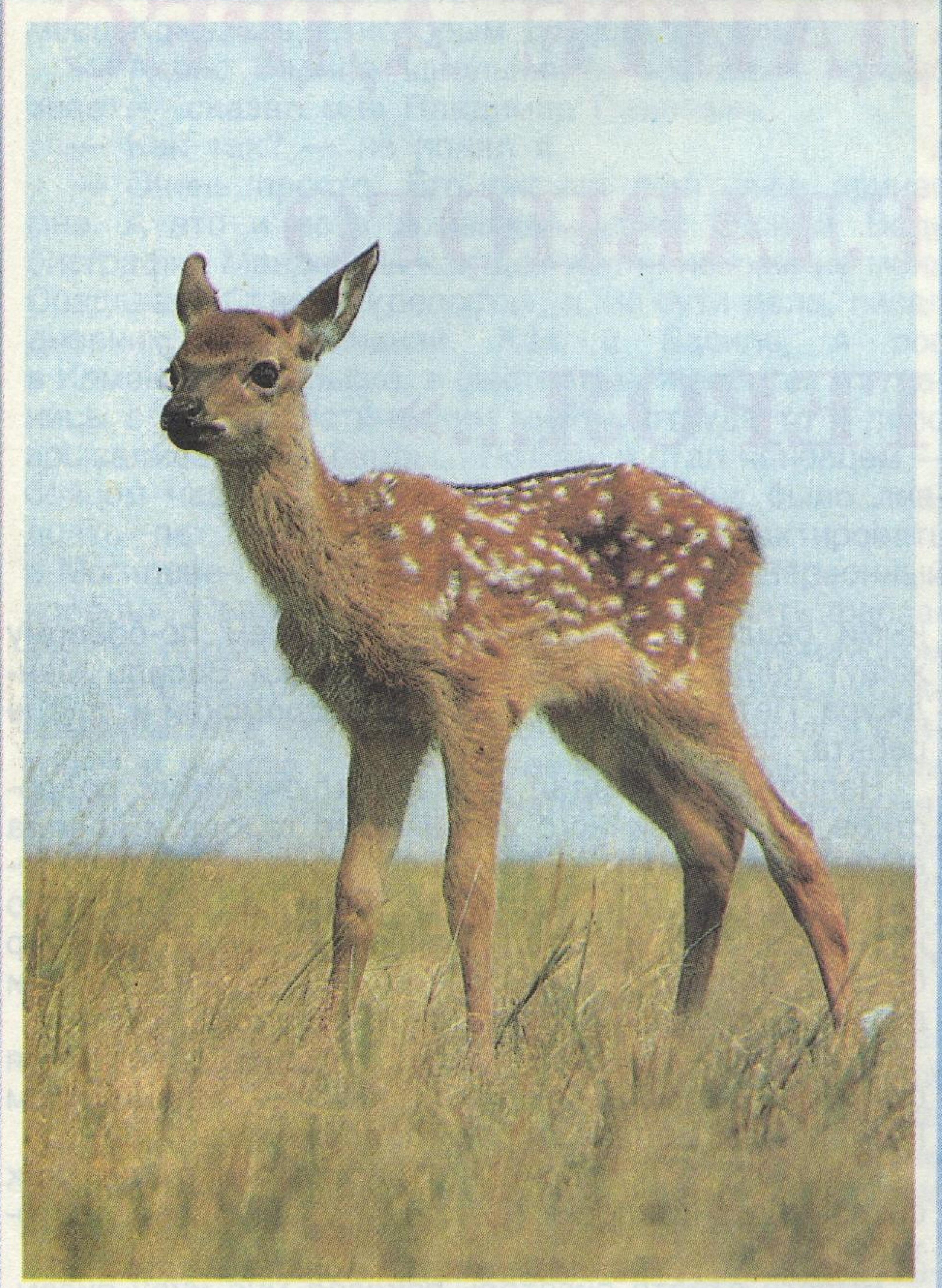
Электробритва же Саньке так и не понадобилась. После бритья борода у него не росла ровно семь лет.

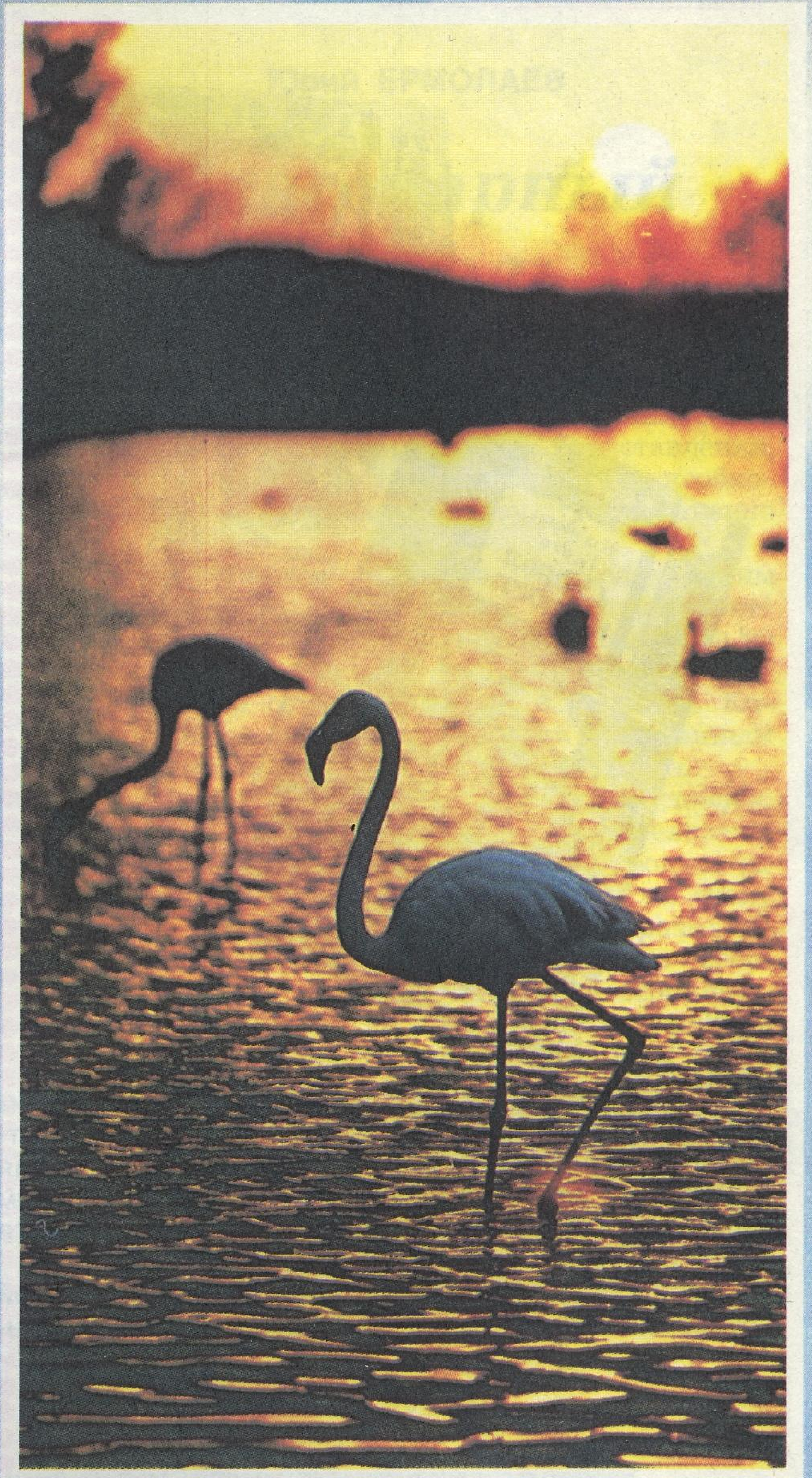
А папе, чтобы вновь не облысеть, приходилось теперь по утрам мазать свою голову Санькиной мазью. Но он, надо сказать, на это вовсе не жаловался.

Возле дома Африка

Ну где, скажите, могут так легко и беззаботно нестись по степи зебры Чапмана? Думаете, только в Африке? Ничего подобного! Есть место и поближе. И называется оно Аскания-Нова. От Одессы туда можно добраться на автобусе, а из Каховки — вообще рукой подать.

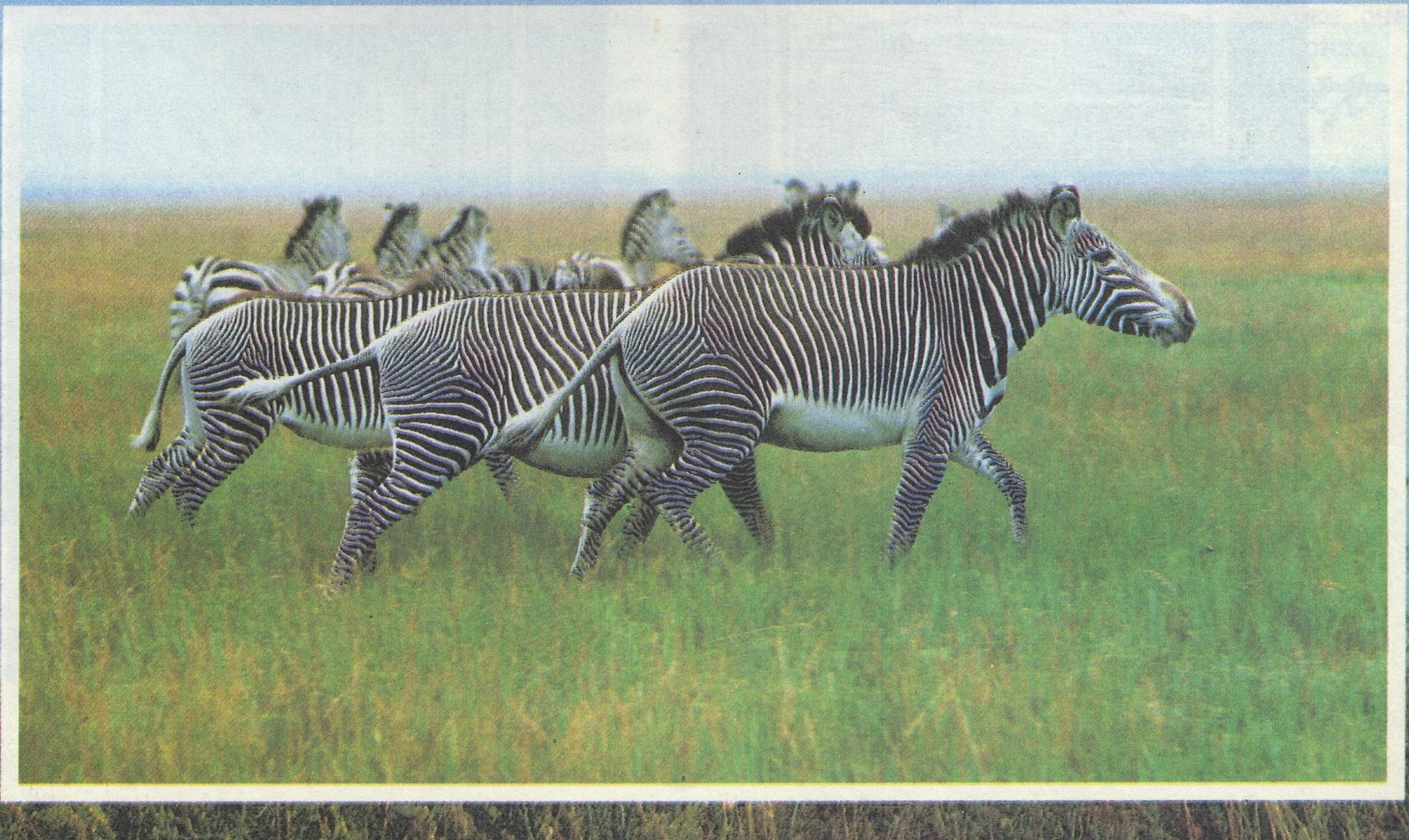
Уже почти сто лет существует в Аскании-Нова зоопарк, где на воле живут самые разные животные и птицы. И работает научно-исследо-



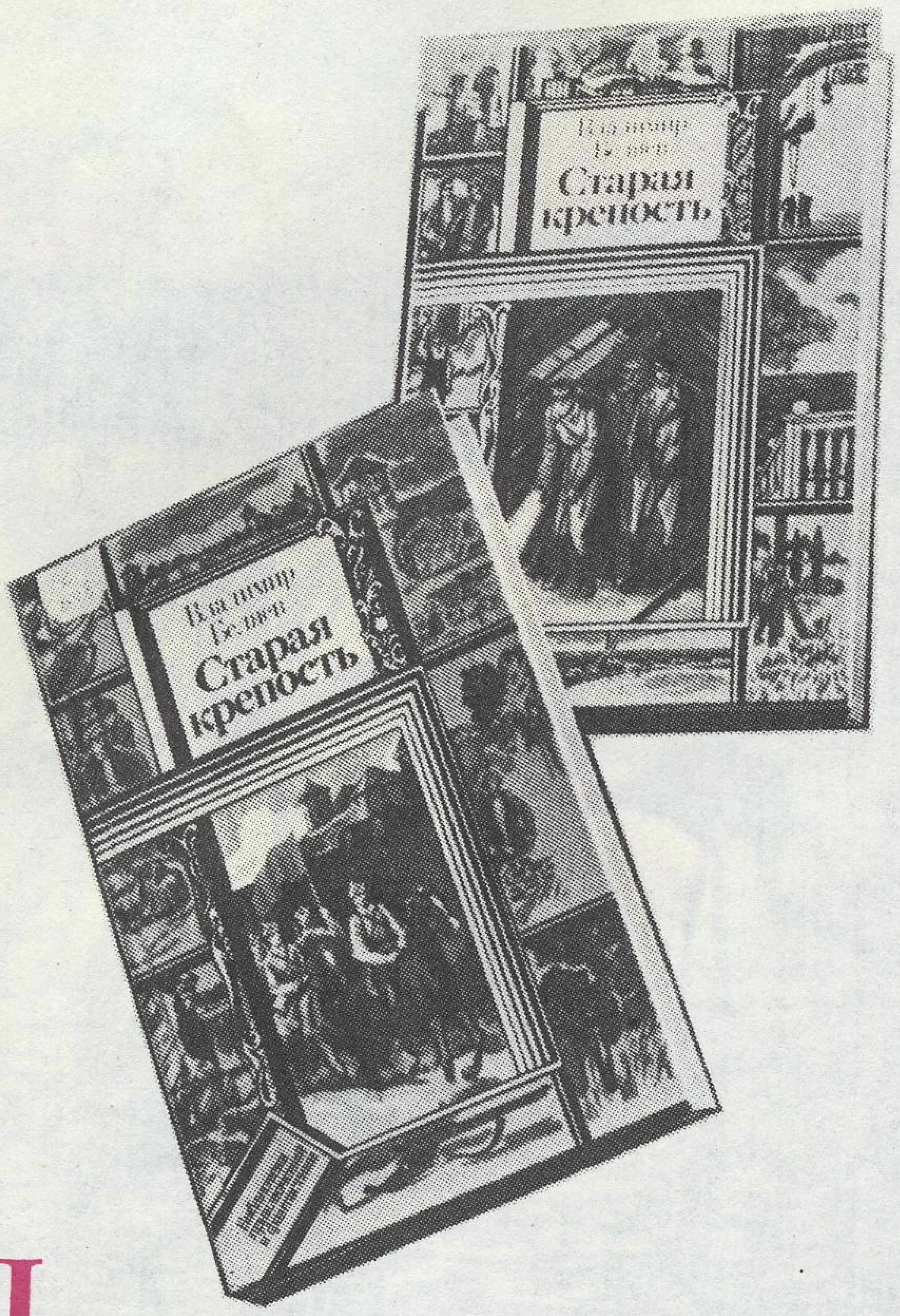


вательский институт, в котором изучают диковинных зверей. Как, к примеру, акклиматизируется в украинской степи антилопа канна? Или, скажем, чем отличается африканский страус от его австралийского собрата? Ученым это очень нужно знать. А ребятам там просто интересно. Потому что Африка, она — вон где! Когда еще туда попадешь?! А Аскания-Нова — рядом. Съездил — и как будто в Африке побывал.

Фотографии Р. ПАПИКЬЯНА.



«ДАЙТЕ АДРЕС ГЛАВНОГО ГЕРОЯ...»



До сих пор не могу забыть, как с нарастающим волнением, не отрываясь, день и ночь читал я в детстве, еще до войны, замечательную книгу «Старая крепость», вернее, первую часть ее, ибо целиком трилогия была издана значительно позже, спустя пять лет после разгрома фашизма.

Верилось, на свете и на самом деле есть такой чудесный город — с древней крепостью, таинственными башнями над скалами, и в нем по-боевому живут очень симпатичные мальчишки Василь Манджура, Петр Маремуха, Юзик Стародомский и другие ребята.

Напряженно следил я за приключениями подростков из пограничного украинского города, и крепла во мне уверенность — такую правдивую, такую увлекательную книгу не напишешь, если сам всего этого не видел и не испытал. Наверное, думал я, автор близко знаком с теми, о ком пишет, жил с ними в одном городе. Спросить бы его самого об этом.

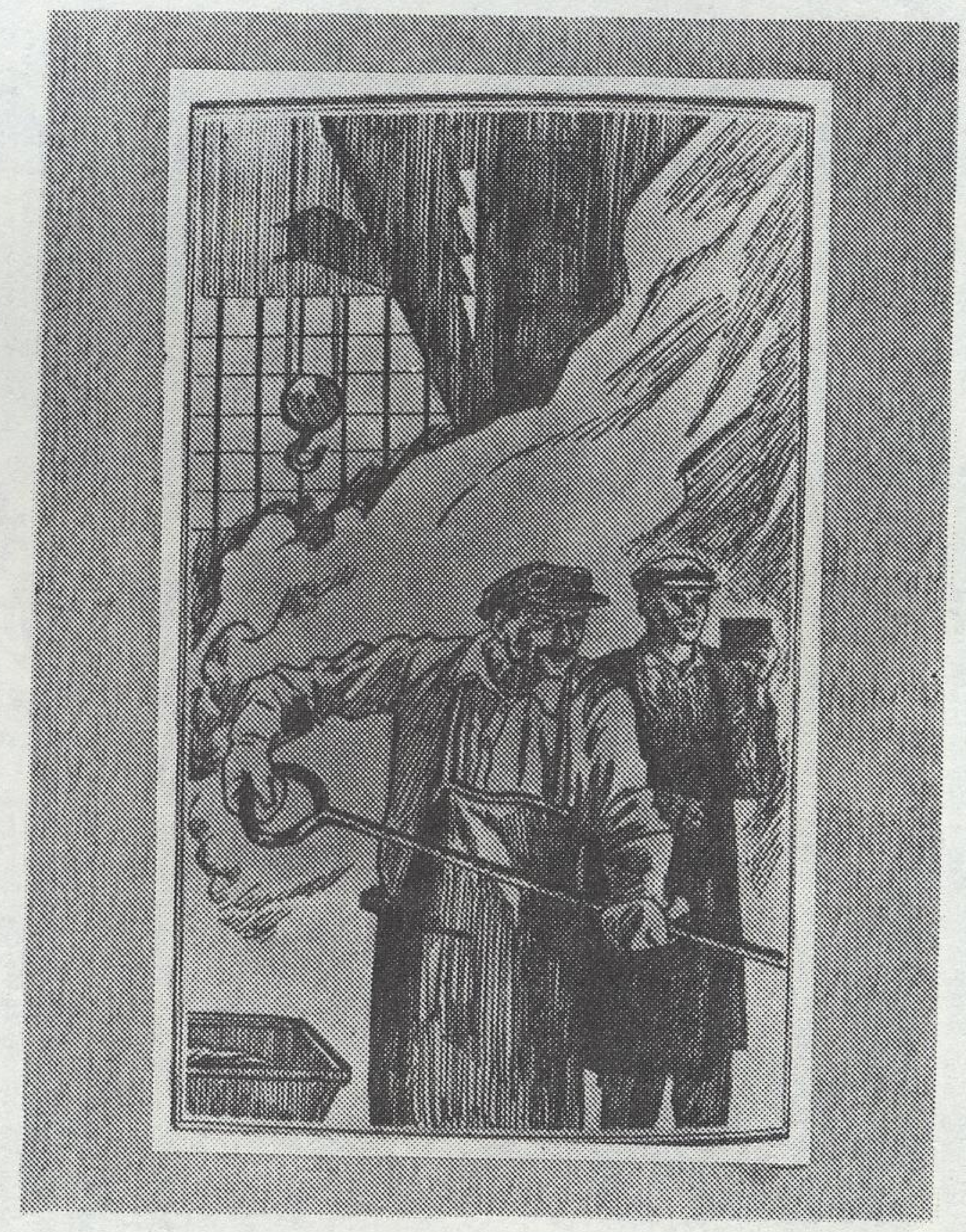
И надо же тому случиться: судьба свела меня близко с автором любимой книги — Владимиром Павловичем Беляевым. Мы подружились.

Однажды я попросил его рассказать о том, как создавалась трилогия и есть ли у ее героев прототипы.

Вместо ответа писатель показал мне кипу писем, полученных от читателей, и свои ответы на них.

Конечно же, чаще всего ребята спрашивают о судьбе Василя Манджуры, от имени которого идет повествование в «Старой крепости». Двенадцатилетний мальчик из Львова так и написал:

«Хочу дружить и переписываться с Василем Манджурой. Убедительно прошу вас, товарищ писатель, дайте домашний адрес главного героя «Старой кре-



пости»! А еще сообщите, жив ли сейчас красноармеец Кожухарь, с которым дружил Василь?»

— Адрес Василя школьник и без меня хорошо знает,— сказал мне Владимир Павлович.

— Как так? — не понял я.

— Очень просто. Его письмо почтальон принес мне. А это и есть домашний адрес Василя. Ведь биография Манджуры как две капли похожа на мою. Создавая «Старую крепость», я, по сути дела, писал дневник воспоминаний. Как и Василь, я рос в Каменец-Подольске, в шестнадцати верстах от границы с капиталистическим миром, откуда то и дело врывались к нам банды... Потому и стал чоновцем — бойцом частей особого назначения. Мне было двадцать лет, когда меня направили редактировать в Могилеве-Подольске выездную газету «Червонный кордон». Правда, до этого я успел окончить фабзавуч и поработать литейщиком на Первомайском заводе в Бердянске. Так вот, в Могилевском окружном комитете партии мне выдали автомашину и винтовку, и вместе с рабочими-печатниками мы ездили в пограничные села, где началась коллективизация, и номер за номером выпускали газету. Это было очень трудное время. Сопротивлялись рождению колхозов кулаки, рядом с нашей выездной редакцией свирепствовала банда атамана Козака. Вот и стояли у наборных касс винтовки. Перо и штык...

Так начиналась комсомольская биография писателя. Отблеск тех дней ярко отразился в «Старой крепости». Да и все другие книги Владимира Беляева — а написал он их за свою долгую жизнь немало! — рождены непосредственным участием автора в важнейших событиях своего времени.

В годы Великой Отечественной войны, оказавшись в осажденном Ленинграде, он, как и в юности, снова взял в руки винтовку, добровольцем отправился защищать город. Строил оборонные рубежи, нес патрульную службу в истребительном батальоне, а по ночам писал для газеты «Ленинградская правда» и столичных журналов «Огонек» и «Смена» статьи о мужестве ленинградцев. Нередко по радио на всю страну разносился его уверенный голос, призывавший к священной битве с ненавистными захватчиками. И тут, в страшных условиях блокады, он мужественно сражался с врагом, приравняв перо к солдатскому штыку.

О многом вспомнил в тот вечер Владимир Павлович, воскрешая, эпизод за эпизодом, свою былую жизнь, похожую на жизнь его главного литературного героя. Когда стало совсем темно и мы зажгли свет, в комнату вошел молодой чернобровый парень с комсомольским значком на лацкане пиджака.

— Александр Кожухарь,— представился он.—

В моей памяти сразу всплыл веселый образ ординарца начальника конной разведки из беляевской трилогии — у него была точно такая же фамилия. И я удивленно произнес:

— Фамилия ваша мне с детства знакома...

Владимир Павлович перебил меня:

— Это сын героя моей книги Феофана Кожухаря. Молодой украинский ученый. Приехал в Москву на комсомольский съезд.— И обратился к гостю с вопросом:

— Ну и как она выглядит теперь, моя родная крепость? Поди, по-прежнему пацаны атакуют ее?

— Конечно, Владимир Павлович! Когда бы ни приехал туда, там все время мальчишки.

Уже полвека прошло с той поры, как состоялось первое знакомство с героями «Старой крепости». А книга живет полнокровной жизнью. Живут и ее герои. И до сих пор в их адрес идут ребячьи письма.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

Юрий ЕРМОЛАЕВ

Благодарный зритель

Школьный драмкружок ставил пьесу. На другой день после спектакля старшеклассник Костя Рогов, он же режиссер представления, собрал всех его участников и, выждав необходимую для эффекта паузу, торжественно объявил:

— Сыгранная нами пьеса принесла многим нашим зрителям большое удовольствие! В подтверждение этого я прочитаю вам одно из писем наших зрителей.

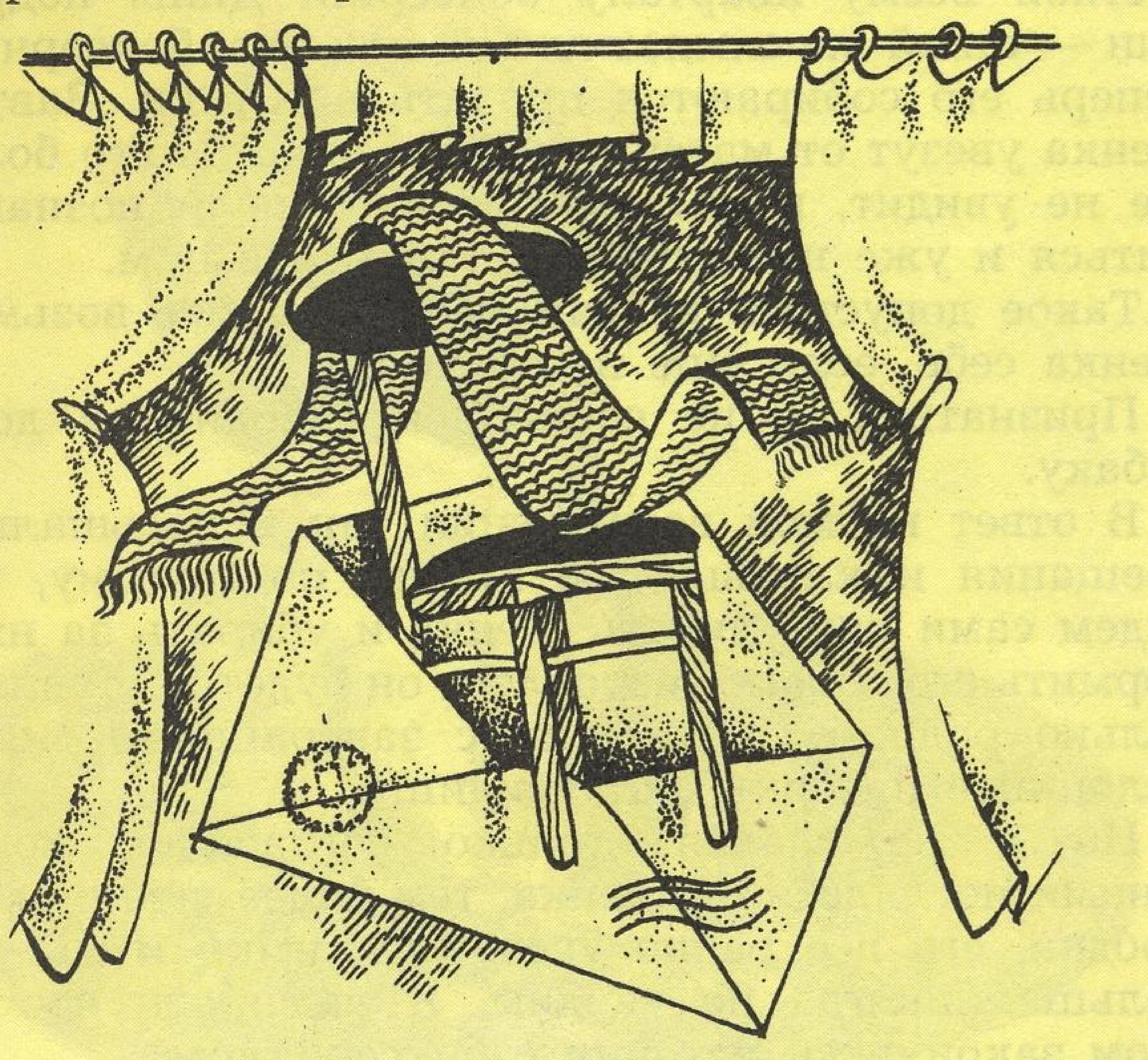
Участники спектакля затаили дыхание. Костя потряс вынутым из кармана исписанным тетрадным листком и стал громко читать:

— «Приношу вам, ребятки, огромное спасибо за то, что пригласили меня, старого человека, посмотреть ваш спектакль. Я была тронута до слез, особенно после того места, когда на сцену вбежала героиня вашей постановки, размахивая моим шерстяным шарфом. Ведь всего несколько дней назад я ужасно расстроилась, когда не нашла своего любимого шарфа в комоде, думала, что потеряла его. И вдруг такая радость, шарф нашелся! Надо отметить, что ваш режиссер прекрасно чувствует, как надо относиться к таким вещам. Он заставил моего внука, игравшего одноклассника героини, взять у нее шарф и бережно повесить его на спинку стула, чего в обычных условиях, то есть в жизни, мой внук никогда не делает...»

Костя оторвался от письма и поднял вверх указательный палец:

— Написано-то как: «Огромное спасибо...», «Режиссер прекрасно чувствует...», «Тронута до слез...». Сразу видно, что человек разбирается в искусстве.

— «...Если будете ставить что-нибудь еще, не забудьте снова позвать меня. Может быть, на вашем втором представлении я отыщу свое махровое полотенце, которое мне тоже очень дорого. Ваша зрительница бабушка Тоня».



Более полувека назад в «Пионер» пришел шестнадцатилетний парнишка. Он принес стихи. Стихи напечатали, а юному поэту предложили стать корреспондентом журнала. Отсюда, из «Пионера», он перешел в «Пионерскую правду», позже — в «Комсомолку», а из нее — строить первую очередь московского метро.

Звали паренька Женя Долматовский.

Кто теперь не знает этого имени?!

Евгений Долматовский — автор десятков поэтических книг, поэт, без преувеличения, известнейший.

Включите радио, и, весьма вероятно, вы услышите песню, им написанную.

Кроме стихов и песен, Евгений Долматовский написал несколько книг прозы. «Автографы победы», «Было», «Зеленая Брама» — книги о войне. Поэт защищал Сталинград, штурмовал Берлин, был дважды ранен. Во многих фронтовых и центральных газетах появлялись его стихи, очерки, репортажи с передовой.

Сегодня Евгений Долматовский — заместитель председателя Советского комитета защиты мира, профессор Литературного института. И вот среди серьезных дел, среди работы над взрослыми произведениями, поэт написал рассказы о собаках и принес к нам в «Пионер».

Читаешь эти рассказы и вдруг видишь, что они вовсе даже и не о собаках, а о людях написаны, о человеческой доброте, о любви друг к другу. Надеемся, рассказы помогут вам глубже понять природу, почувствовать, что человек неотделим от нее, он ее частица, а не суровый властитель.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

СОБАКИ НАШЕГО ДВОРА

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ГЛАВА СЕМЬИ

Дети прибежали с улицы запыхавшиеся, взволнованные: в доме, который напротив нашего, у известной всему кварталу боксерши Дины подрос сын — такой же симпатичный, как она, боксерчик. Теперь его собираются продать в Химки. Завтра щенка увезут от матери, и Дина никогда его больше не увидит, и мы тоже — не успели познакомиться и уже навсегда расстанемся с ним.

Такое допустить невозможно! Давайте возьмем щенка себе, если еще не поздно.

Признаться, я не собирался заводить в доме собаку.

В ответ на мои возражения так и посыпались обещания и клятвы: все пойдет по-другому, мы будем сами прогуливать щенка и убирать за ним, кормить его и мыть, взрослым он будет доставлять только радость, а отметки с завтрашнего дня — сплошные пятерки, вот увидишь.

Но я не сдался, только согласился пойти с ними поглядеть на щенка, тем более что он уже продан, его все равно увезут в Химки и мы его больше никогда не увидим. Я надеялся, что на этом закончится история с боксерчиком.

Мы отправились в дом напротив, к хозяевам Дины и щенка. К нам присоединилось еще несколько соседских мальчишек.

Нашему визиту никто не радовался. Хозяева были явно расстроены предстоящим расставанием со щенком, а Дина, все чувствуя и понимая, сидела вконец опечаленная. Думаете, собаки ничего не понимают?

Щенок крендельком свернулся на диване и с любопытством поглядывал на нас своими фиолетовыми глазами.

Хозяева Дины гладили щенка и в некоторой растерянности объясняли нашей делегации:

— Щенок уже продан, мы его тем людям давно обещали.

— Да разве можно отдавать собаку нашего двора? Вы разве не видите, что Дина в большом расстройстве? Можно ли отнимать сына у матери?

— Завтра приедет новый хозяин, его даже предупредить невозможно, у них нет телефона.

— Вот видите! Собачка привыкла к телефону, а теперь ей предстоит жить без него.

Под этим нарастающим давлением хозяева боксеров совсем растерялись:

— Собачка стоит больших денег. А нам с вас брать как-то неловко...

— Мы соберем, даже не будем просить у родителей, весь двор примет участие.

Оборона, кажется, дрогнула... Сейчас они уступят щенка...

А ведь как-то неудобно брать за щенка деньги с людей, которых каждое утро встречаешь на автобусной остановке. Хозяева совсем растерялись...

Вмешавшись в этот разговор, маленькая Оля предложила:

— А вы отдайте щенка за так. Вам будет приятно совершить благородный поступок, а боксерша Дина сможет каждый день встречаться на бульваре со своим сыночком.

Но оказывается, «за так» отдавать щенков не принято — это традиция.

— Тогда вот как поступим: вы заплатите мне за щенка символический серебряный рубль,— сказала хозяйка.

Я нащупал в кармане монеты. Среди них, на счастье, оказался серебряный рубль, выпущенный к Олимпиаде. Я хотел его подарить одному приятелю, собирающему коллекцию. Но я и об этом забыл, и о том, что собаки заводить не собираюсь, ведь пошел только взглянуть на щенка, которого увозят в Химки.

Ребята схватили щенка, понесли его, опасаясь, что хозяева вдруг передумают. Только спросили, есть ли у него имя. Оказывается, он — Марсик.

Щенком не налюбуешься. Умнейшая морда, лобик в морщинках — собака мыслит. Окраска, или, как про собак говорят, окрас золотисто-коричневый.

И вот он уже на нашем диване. Озирается по сторонам. И мы все на него уставились.

Первый вечер с Марсом мы провели в возбужденных рассуждениях и спорах, а щенок аккуратно свернулся в старой кепке и поглядывал на людей с откровенным любопытством — чего это они расшумелись?

Марс очень быстро подрос и переселился в картонную коробку из-под ботинок. Он не знал никаких забот: его кормили, выгуливали, с ним беседовали, с ним возились все. Даже грозная бабушка, кажется, полюбила Марса и, хотя по-прежнему называла только Барбосом, откладывала для него лучшие кусочки мяса.

Наступила мучительная неделя. Как положено боксеру в определенном возрасте, надо было подрезать Марсу уши, да еще так, чтобы они торчали уголками. Был приглашен ветеринар. Он явился с «дипломатом» в руке и деловито сказал еще в передней: «Кому тут у вас купировать уши?»

Детей увели в цирк, наша столовая превратилась в операционную, а потом никто не спал до вторника, пока Марс с ушами, заклеенными пластырем, стоически переносил страдания.

Так уж получилось, что я всегда считал себя главой семьи, властителем, королем нашего трехкомнатного государства. Правда, на ту же роль претендовали и бабушка, и мама. Я иногда умело отходил в тень, чтобы они тешили себя временным ощущением, что главные — они. Но с появлением в нашем доме Марса они окончательно потеряли надежду на главенство. И, кажется, я тоже. Потому что главным стал Марс.

Между прочим, чем быстрей он рос, не по дням, а по часам увеличиваясь в размерах, тем устойчивей его имя обретало уменьшительное звучание. Из Марса он становился Марсиком, не знаю, как уж перенося эту совсем кошачью кличку.

— Тише, Марсик спит.

— Пора Марсика кормить.

— Кто поведет Марсика на прогулку?

Щенок, превращаясь в пса, чувствовал всеобщее внимание и, по-моему, лукаво поглядывал на нас своими умными, с возрастом менявшими цвет глазами — из фиолетовых они превращались в коричневые: ну, люди, что вы еще мне предложите?

Марс установил в доме свои порядки. Раньше мы ходили в кино всем семейством, во главе со мной. Теперь это невозможно: Марсик будет скучать, кому-то надо остаться с ним. Кроме всего прочего, у щенка меняются зубы, и он тренируется — найдет туфлю или ботинок и грызет, доводя обувь до состояния полнейшей негодности. Но недисциплинированным его не назовешь: можете поставить на стул, ну, скажем, тарелку с пирожками, боксер сядет напротив, уставится на тарелку и будет ждать, когда же наконец его угостят.

Все мы, уходя из дому, стали спешить с возвращением. Это счастье — знать, что тебя ждут!

Когда кабина останавливалась на нашем этаже, Марс принимался весело лаять, а уж откроется дверь — бросался в объятия, выискивая мгновение, чтобы поцеловать. А потом принимался носиться по квартире, доводя себя до полного изнеможения. Валился, едва дыша, на ковер, чуть ли не погружаясь в обморок. Скажите, случалось ли, чтобы друг-человек на радостях, что вас увидел, падал в обморок?

Боксер наш не терпит размолвок, пререканий, не говоря уже о ссорах,— они в семье случаются, чего греха таить. В предгрозовой обстановке он, как любят выражаться спортивные комментаторы, полностью овладевает инициативой. Он мечется между повздорившими, хватает их за рукава и тянет друг к другу, не успокаивается до тех пор, пока они не возьмутся за руки, не улыбнутся ему, а потом и друг другу.

Правда, мирит он только людей. Стоит во дворе подраться собакам, наш пес мчится в самый эпицентр схватки, кидается в опасную собачью круговерть. Не пытайтесь оттащить его — я однажды попробовал и отделался, к счастью, лишь порванным рукавом пиджака. Пес, правда, после очень переживал, извинялся, отводил глаза: что

поделаешь, древние инстинкты прочней современной дисциплины!

Дети научили Марса разговаривать по телефону. Вот раздался звонок, снимаем трубку и прикладываем ее к остроконечному уху. Тогда надо сказать на другом конце провода: «Это ты, Марсик? Здравствуй. Как поживаешь?»

Пес внимательно слушает, нагнув свою массивную голову, потом несколько раз лает и отходит. Поговорили — и хватит. Он не любит, когда висят на телефоне, болтают без смысла и без конца.

Как я уже сказал, рос Марсик стремительно, и вот уже превратился в настоящего боксера — широкогрудого, мускулистого, быстрого, неугомонного. По двору он носился кругами, наверное, приближаясь к первой космической скорости, однако ни на секунду не выпуская из поля зрения того, кто его сегодня выгуливает. Мне кажется, больше всего в жизни он боялся потеряться.

Раз в году мы водим его на диспансеризацию и на прививки в районную ветеринарную лечебницу. Там всегда очередь — взрослые и дети — кто с кошкой, кто с попугаем, кто со щенком. Я там видел однажды даже обезьяну. Мы занимаем очередь. Марсик сидит смиренно, посматривает по сторонам, не задирается, даже если рядом из сумки выглядывает суровая кошачья морда.

Чего он не любит — так это прививок. Завидев шприц, рвется из рук, прыгает к дверям. Ну, а кто любит прививки? Но необходимо перетерпеть. Вернувшись из ветеринарной лечебницы, пес дня два лежит в углу, переживает. Даже отказывается есть. Мне кажется, он гордый и считает унижением, когда его там, где хвост, укололи шприцем. Но постепенно пес отходит, веселеет, становится прежним.

Учебный год завершился. Лето! Ребята отправляются в пионерский лагерь. У родителей тоже есть возможность провести отпуск в санатории. Предлагали путевку в Крым. Бабушка согласна остаться с Марсиком. «Не беспокойтесь, я лучше вас поухаживаю за собакой»,— говорит она.

Но никуда не поеду я. Разве я могу оставить Марсика?

У ЖУЧКИ МЕНЯЕТСЯ ХАРАКТЕР

Наша соседка, гражданка Касаткина, наверное, была бы совсем одинока, если бы не находилась при ней неотлучно ее воспитанница и любимица Жучка, длинная черная такса. Имя Жучка досталось таксе случайно — собак этой породы называют иностранными именами, чтобы подчеркнуть их значительность, что ли.

Таинственная личность эта Жучка, честное слово! Она ни на кого не смотрела, никого не замечала, кроме своей хозяйки, а та, в свою очередь, ни на кого, кроме своей приземистой спутницы, не обращала внимания. Я уверен, что они понимали друг друга с полуслова, точнее, с полувзгляда, потому что никто не слышал, чтобы гражданка Касаткина разговаривала с Жучкой или подавала ей какую-нибудь команду. Собака и без слов слушалась и вообще вела себя безукоризненно.

Впрочем, могу судить исключительно по нашим встречам во дворе, я в их квартире никогда не бывал. Сужу даже не по встречам, а по своим наблюдениям издалека: дело в том, что хозяйка, прогуливая Жучку, выбирала самый безлюдный, заросший травой и кустарником уголок нашего просторного двора.

Хозяйка приносила раскладной стульчик, какой в «Детском мире» продают для дошкольников, присаживалась, задумавшись, замкнувшись, а такса Жучка неподалеку передвигалась в густой траве, как подводная лодка-субмарина в водорослях Саргассова моря.

Такса... Ее коротконогость позволительно было бы принять за уродство, если бы мы не знали, что это древние порода и род: Жучкины предки изображены на картинах художников прошлых веков — они всегда стоят у ног королей и маркизов, не доставая до их панталон, отороченных искусно выписанными кружевами и бантами. Около собак стоят коротенькие наследные принцы, дети со старческими лицами, серьезными, как у карликов. Сходите в Пушкинский музей, на Волхонку, сами убедитесь.

Стоило моему Марсу или какой-нибудь другой собаке нашего двора приблизиться к зоне, облюбованной для прогулок гражданкой Касаткиной, как раздавался ее вежливый, но требовательный голос: будьте любезны, уберите вашу собачку. Приходилось удовлетворять эту просьбу. Если бы на нас прикрикнули, разве мы послушались бы!

Зимой нелюдимая Жучка даже внешне весьма отличалась от других собак на прогулке: на ней был теплый жилет, сконструированный, по-видимому, из суконного старушечьего платка с бахромой.

Собакам одежда не положена — достаточно ошейника. Так что четвероногие собратья приближались к Жучке, чтобы подивиться ее наряду. И опять раздавался добрый, но твердый голос хозяйки таксы: ступайте своей дорогой, не мешайте Жучке заниматься важными делами.

Я никак не могу уяснить себе, нравилась ли Жучке ее отчужденная жизнь. Чтобы понять собаку, необходимо встретиться с ней глазами. Это и в отношении людей правильно, а в общении с собаками просто необходимо. Кстати, учти: если ты не злой человек, а на тебя набросилась собака — постарайся изловчиться и заглянуть ей в глаза, и чтоб ее взгляд встретился с твоим. Если сумеешь, собака тотчас же забудет о нападении, прекратит лаять и скалиться, завиляет хвостом. Разумеется, если ты — хороший, добрый человек, а не злыдень. Это крайне важное условие, касающееся общения не только с собаками. Впрочем, за тигра и медведя я не ручаюсь: вопрос еще не изучен.

Такса, не зная никого, кроме хозяйки, казалась беспрекословно послушной. Так продолжалось не день и не два, а осенью и зимой, в общем, всегда.

Тут в нашем дворе произошли некоторые события.

Во-первых, к гражданке Касаткиной прибыл из Новосибирска провести в Москве каникулы племянник Никита, очень шустрый школьник.

А во-вторых, к числу прогуливающихся собак присоединилась еще одна такса — по имени Черномор. Говорят, первоначально песика назвали Черномордик, но это было слишком длинное для собаки имя, более подходящее для щенка, чем для взрослого пса. Получилось так — собака выросла и удлинилась, а имя ее укоротилось.

Теперь Жучку стал выводить этот самый приехавший из Новосибирска Никита, как он говорил, чтоб немного разгрузить тетю. А она сидела дома и перепечатывала на своей старой машинке чужие рукописи.

Гражданка Касаткина знать не знала, что ее родственник из Новосибирска сам любит свободу и готов раздарить ее всем окружающим, и поэтому, выходя во двор, отстегивает поводок от ошейника Жучки, носится с ней по всем дорожкам наперегонки, познакомил ее с Черномором, и они теперь неразлучны. Вы знаете — там, где две собаки, там и три, и четыре. Вокруг таксы, еще недавно слывшей отшельницей, образовалась целая собачья компания.

К началу учебного года Никита отбыл в свой Новосибирск, и тетке в любую погоду и три раза в день волей-неволей пришлось вновь прогуливать свою таксу.

Возвратившись с вокзала, несколько возбужденная расставанием с племянником, она повела Жучку на вечернюю прогулку. Неожиданно такса и ее владелица оказались окружены собаками: тут были и суетливый новичок Черномор, и мой общительный Марс, и еще разные четвероногие соседи по микрорайону. Одинокая женщина предприняла попытку увести Жучку в глубь двора, в те кусты, где они в недавние времена отшельничали. Жучка упиралась, не слушалась. Хозяйка и просила, и приказывала, и даже угрожала. Но Жучка выказывала несвойственное ей упрямство. Она ни за что не желала расставаться с дружной компанией собак.

Новая эпоха началась с момента отъезда Никиты, к прошлому возврата уже не было. Жучка, оказавшаяся очень общительной, как сказал профессор из четвертого подъезда, контактной собакой, устанавливала теперь свой порядок. Хозяйке пришлось смириться, я бы даже сказал, подчиниться. Вокруг Жучки в мгновение собиралась собачья компания, а вокруг собачьей — людская. Ведь все собачники друг с другом знакомы, их сближают общие интересы, начинающиеся с разговора о собаках, а затем распространяющиеся вширь и вглубь. О своих собаках никто не говорит плохо, само собой получается, что и о чужих тоже. Прогулки с собаками успокаивают нервы, блокируют все житейские неприятности, без которых жизнь вообще-то не обходится.

Нелюдимая гражданка Касаткина первое время молча стояла, окруженная людьми и собаками. Она и на машинке дома стучала бесстрастно, не думая о тексте и его смысле.

Постепенно и она втянулась в наши неопределенные и необязательные беседы. Поначалу только кивала головой, а потом и сама разговорилась. Мы раньше только слышали от нее вежливую, но непреклонную фразу — чтоб увели собачку, а тут оказалось, что у нее приятный, ласковый голос. Мы увидели на ее лице, бледном и казавшемся нам бесстрастным, хорошую улыбку. Она как бы ожила, вышла из своего заторможенного состояния. Она мягко включалась в разговоры, мы услышали ее тонкие и своеобразные суждения о самых разных делах и событиях.

Вот какая история. Раньше гражданка Касаткина общалась исключительно со своей Жучкой, а теперь у нее появились собеседники, более того — хорошие знакомые и добрые друзья. Кажется, и характер у нее изменился.

Во время этих человеческих бесед наши собаки общались, так сказать, по своим интересам. Такса Жучка основное внимание уделяла товарищу по породе — суетливому Черномору, это понятно. Но и моему Марсу она улыбалась, я заметил. И с другими собаками была на короткой ноге. (Так можно было бы выразиться, если бы не стандарт породы — такие короткие ноги!)

Написав этот рассказ, я решил дать его перепечатать на машинке гражданке Касаткиной. На следующий день она вернула мне рукопись и три красиво отпечатанных экземпляра. Я ждал, что она похвалит меня или поругает, смутится или обрадуется. Но она просто отдала мне работу, и я понял, что она по-прежнему печатает «вслепую», не вчитываясь в текст, так привыкла.

КАК КОШКА С СОБАКОЙ

В нашем языке, в русской речи (впрочем, так и у других народов) существуют поговорки, пословицы, присловья, являющиеся готовыми образами. Они сконструированы из нескольких слов в определенной последовательности, в раз и навсегда установленном порядке, и способны сжато и определенно объяснить то или иное явление или событие. Поводы и обстоятельства могут быть самые разные, но смысл един. Если, например, мы скажем «живут, как кошка с собакой», уже не требуется никаких подробностей: ссорятся, цапаются, неспособны, как пишется в газетах, мирно сосуществовать. Несовместимость, и все тут!

Но эту поговорку, эту формулу отношений я готов опровергнуть на примере, свидетелем которого был сам.

У Сидориных в третьем подъезде появилось

сразу много новых забот: кошка родила котят, все хлопотали над ними, слепыми, беспомощными, а тут новое дело: мальчик Олег принес с улицы крохотного щенка. Котят пообещали соседям, как только они прозреют и станут на ноги, в семье останется лишь один котенок — этого вполне достаточно.

Никто не мог с определенностью ответить, как несчастный щенок оказался на улице, да еще и в дождь. Не знаю, не понимаю, но и поверить не могу, что хорошие люди бросили щенка на произвол судьбы. Не успев сделать первых шагов, щенок уже узнал человеческую черствость, а может быть, даже подлость.

Олег не мог пройти мимо, ты ж понимаешь.

Когда он явился домой и вытащил из ранца еще не прозревшее, походящее на крота существо, начались неприятности: тут с котятами хлопот не оберешься, а ты еще принес щенка. У кого ты его взял? Отнеси его обратно!

Никто мне его не давал. Его бросили. Некуда нести его обратно! На улицу? На бульвар? Нет уж, если вы отказываете в убежище щенку, я вам тоже, вероятно, не нужен. Гоните нас вместе. Я уйду, пожалуйста! Мы будем жить на бульварной скамейке, как изгнанники или как безработные на капиталистическом Западе. Будет жара, дождь, скоро и снег пойдет. Пусть все прохожие видят, как бабушка и родители жестоко обошлись со своим единственным сыном и внуком и его верным, ни в чем не повинным псом. Люди не позволят нам умереть от голода и жажды, не дадут закоченеть, а вам будет стыдно и страшно.

Поговорили на высоких нотах, но до неразрешимого конфликта между поколениями все-таки не дошло. Бабушка дрогнула первой, ворча она принесла миску молока и подставила ее щенку. А он, оказывается, еще не умеет лакать. Возникла проблема соски, но папа резко и определенно сказал, что у него завтра доклад и он ни за что не пойдет в аптеку за соской, а Олегу надо заниматься.

Пришлось положить щенка в плетеную корзину, где ворочались, потягиваясь и пиная друг друга, новорожденные котята.

Щенок был побольше котенка, но ненамного. Когда кошка, худая и озабоченная, забралась в корзину, чтобы кормить свое семейство, щенок тоже прилежно принялся сосать.

Потеха! Четыре котенка и щенок. Кормятся на общих основаниях. Наверное, кошка и чувствовала, и понимала, что около нее лишнее дитя, но материнство переполняло ее, его хватило бы еще на многих зверей.

Зверей? Правильно ли я называю котят и щенка зверями? Или лучше сказать — домашние животные? Но домашними животными считают и корову, и овцу, а кошка и собака — это звери; их предки хоть и далекие, но и поныне существуют. Загляните в книгу по зоологии. Семейство кошачьих — это тигр, лев, гепард, леопард — все хищники. Это и рысь, и пума — пород предостаточно.

А собаки? Они ведут свое происхождение от волков и шакалов. Но с человеком они дружат давно, наверное, раньше кошек. На каком основании я смею это утверждать? На том, что на наскальных рисунках первых людей (петроглифах), относящихся к древнейшим временам, можно увидеть рядом с изображением человека изображение собаки.

Несовместимость кошки и собаки ведет свое начало от противоборства хищников. Тигр и волк? Леопард и шакал? Да разве можно представить себе их дружбу?!

Народ зря, без прочных оснований не создает пословиц и поговорок. Уж если существует выражение «как кошка с собакой», его можно считать образным определением непримиримой вражды.

А тут в корзинке лежали, согревая друг друга боками, котята и щенок, а похудевшая от забот кошка вылизывала их на равных своим жестким, шершавым, а для них, наверное, нежным языком.

Так они существовали первое время, сначала слепые, а когда чуточку подросли, раскрыли глазенки, то не удивились, посмотрев друг на друга.

Трех котят роздали в разные семьи, как обещали. Остались в доме один котенок и песик. Они перестали сосать материнское молоко, твердо стали на ноги. Выкормившая их кошка потеряла к ним всякий интерес и вообще вскоре ушла из дома, и больше ее не видели. Говорят, поселилась в подвале продуктового магазина, где много мышей и часто разливают на каменном полу молоко.

Остались вдвоем подросшие кошка и собака. Они спали на коврике в передней, как в раннем

детстве, согревая друг друга. Ели из одной миски — презабавное зрелище, я вам скажу.

Взрослые к ним привыкли, перестали удивляться, почти не замечали их присутствия, тем более что их сын Олег Сидорин, человек, весьма загруженный школьными делами, все равно взял все заботы о животных на себя.

Через несколько месяцев произошло вот что: котенок вырос до размеров взрослой кошки — не большой, не маленькой, такой, как ей положено быть. А вот определить, какой породы тот крохотный пушистый щенок, было никак невозможно, никаких документов и просто предварительных сведений, как мы уже знаем, не было... И вот щенок стал расти быстро, чтоб не сказать, стремительно. Не успели мы оглянуться, как он превратился в крупного лохматого пса, да еще и с бородой.

Пес, конечно, общался с собаками нашего двора, но к своей молочной сестре относился ласково и внимательно. Пса выводили на прогулку, кошка выбегала следом. Кошка с песьей компанией не связывалась, посиживала в сторонке, посматривала по сторонам своими круглыми голубыми глазами. Собачьи дела ее совершенно не интересовали, но посмей кто-либо из дворовых собак тявкнуть в ее сторону, пес мгновенно реагировал — наступал на обидчика, и тот мгновенно ретировался, противно поджав хвост и подхалимски улыбаясь. Великанский рост и очевидное могущество молочного брата сразу отрезвляли тех, кто осмеливался подтвердить всем известную поговорку об отношениях кошки с собакой.

Так живут они и сегодня у Сидориных в третьем подъезде. Я вчера вечером заходил к Олегу. Вся семья смотрела телевизор, кошка с собакой, казалось, тоже.

ДОМОЙ

Рыжий сеттер по имени Лорд — живое пламя нашего двора. Я приноравливаюсь вывести своего Марсика в тот час, когда предположительно будет на прогулке этот великолепный представитель охотничьих пород. Какая умная, неправдоподобно красивая морда — хочется назвать ее не мордой, а лицом. Могучий лоб мыслителя, глаза словно из темного янтаря, висячие добрые уши. На нем не просто шерсть — шелковистая царственная мантия.

Мы с Марсом выходим не только гулять, но и любоваться Лордом.

Вот он показался у подъезда, и сразу — в бег, стремительный и прямолинейный. Кажется, у пса впереди — цель, и ему надо домчаться до нее как можно скорей. Но вот двор пересечен по диагона-

ли. Лорд застывает, словно бы задумывается. А может быть, на самом деле размышляет, принимает решение.

Еще миг, и он, назначив себе новое направление, мчится в противоположную сторону.

Охотничья собака... Лорд не станет преследовать кошек, подстерегать нервных ворон или разгонять флегматичных голубей. Вообще он знает свое место: на охоте главная роль принадлежит охотнику, собака лишь помогает, выполняя все команды. Зачем же гоняться за тенями в квадрате городского двора? Все навыки и чутье сеттера проверяются на охоте, а это древнее занятие становится все менее современным, особенно у нас — горожан.

Собак охотничьих пород в нашем дворе немало. Впрочем, в древности, еще не разделенные на породы, все собаки сопровождали человека на охоте; сторожить его жилище стали в другую эпоху, а уж служить для забавы и украшения — в сравнительно недавние века.

Ныне, в конце двадцатого столетия, что-то нечасто вижу я в нашем дворе, на нашей улице охотника в грубой куртке, подпоясанной лентой патронов,и резиновых сапогах, с огромной сумкой, украшенной кожаными шнурками, к которым будут приторочены подстреленные утки или зайцы... Стерлась терминология — ягдташ, патронташ — теперь просто сумки.

А уж о шляпе с узкими полями и пестрым пером и говорить нечего, охотничий традиционный головной убор просто исчез — его увидишь разве что на гравюрах, на полотнах старинной живописи.

Я поинтересовался, когда в последний раз участвовал в охоте наш огненный красавец — ирландский сеттер. Оказалось, ни разу за три года своей собачьей жизни, проще говоря, никогда.

А вдруг он ничего не умеет?

Сохранил ли он и передались ли ему охотничьи инстинкты предков?

Жаль, что такая породистая охотничья собака используется не по назначению!

Однако Петр Палыч, хозяин сеттера, любит рассказывать с оттенком гордости и хвастовства, что у него есть знакомый егерь, вот скоро будет разрешена охота, и они с Лордом поедут на выходные в Конаковский район Калининской области, где Лорд уж — будьте уверены — проявит свои врожденные способности. Приходите тогда на жаркое!

Долго мы ждали обещанного, и вот, наконец, из своего четвертого подъезда торжественно вышел Петр Палыч с заплечным мешком, в старом ватнике и шапке-ушанке не по сезону, в тренировочных панталонах с почти генеральскими лампасами, в заимствованных у сына кроссовках гигантского размера, одетых на носки домашней вязки. Примитивной охотничьей амуниции, даже резиновых сапог, у Петра Палыча не нашлось.

Охотник вел своего Лорда на новом, крепком брезентовом поводке военно-зеленого цвета.

Они отбыли на Ленинградский вокзал.

К тому времени мы уже довольно много знали о Лорде. Он не просто сеттер, а ирландский, не рыжий, как нам по неведению кажется, а красный, то есть красного окраса (не цвета, а окраса!), что он гораздо знатнее английского сеттера и шотландского, что он отлично выслеживает водоплавающую дичь, смело бросается в холодную воду, безошибочно находит подраненную утку в камышах.

Все это так, ирландский сеттер — лучший охотник, но наш, горожанин... Лорд никогда в охоте не участвовал. Как он проявит себя в Конаковском районе? Дальше события развивались так: Петр Палыч к рабочему понедельнику вернулся без Лорда. Оказалось, что охотничьих инстинктов недостаточно, Лорду нужно пройти определенную школу, именуемую охотничьим натаскиванием, а несмышлеными горожанами — дрессировкой. Егерь взялся обучить его всем премудростям, чтобы Петр Палыч приехал через две недели: он своего сеттера не узнает, когда они вновь отправятся на охоту.

Ирландский сеттер, видимо, подслушал разговоры и очень загрустил.

Петр Палыч собрался ехать в Конаково, набил дробью картонные патроны, но тут его сделали председателем окружной комиссии по выборам, где в субботу и воскресенье самая горячая работа. Необходимо поехать за Лордом, но у сына — подготовка к Спартакиаде. Было написано письмо егерю, но ответ что-то не приходил. В конце концов егерь мог бы приехать в Москву вернуть собаку — ведь от Конакова до Москвы лишь двести километров.

Ни Петру Палычу, ни его сыну не пришлось, однако, ехать за своей собакой.

Читатель, прошу не волноваться! У этой истории не будет трагического исхода!

Уже начиналась третья неделя разлуки, когда в нашем дворе объявился тощий хромающий пес с грязно-бурой свалявшейся шерстью, с опущенным хвостом и понурой головой. Он доковылял до четвертого подъезда, сел, застыл, не шевелясь, ни на кого не глядя.

Я вывел на прогулку своего Марса и не сразу узнал в несчастном ободранном псе всеобщего любимца — красного ирландского сеттера.

— Лорд! — позвал я, но пес не обернулся, не обратил на нас никакого внимания.

Дело было вечером, Петру Палычу надлежало отправиться в агитпункт на заседание избирательной комиссии. Он вышел из подъезда, неся в обеих руках папки со списками избирателей.

Надо было видеть, как пес и человек бросились навстречу друг другу.

Лорд подскакивал, норовя поцеловать хозяина в губы. Петр Палыч опустился на сырой асфальт на колени, обнимая своего пса.

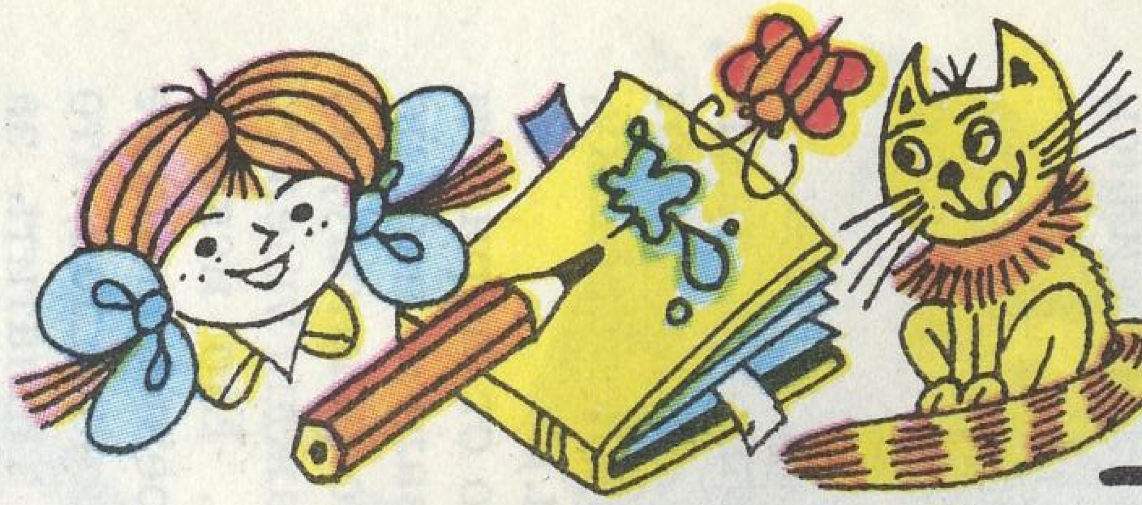
Я присутствовал при этой сцене и видел, как из коричнево-янтарных глаз сеттера каплями падали слезы! (Надеюсь, вы знаете, что собаки умеют плакать — но не по пустякам и не понарошку, а всерьез — от горя либо от радости.)

На следующий день пришло письмо от егеря. Он сообщал хозяину собаки, что ухаживал за ней, по всем правилам натаскивал, кормил по рациону, но пес тосковал, даже выл ночами и однажды ушел со двора, чтобы больше не вернуться. Его искали и егерь, и его дрессированные и тренированные охотничьи собаки, но тщетно. Егерь казнился, что недосмотрел, заявлял о готовности заплатить за пропавшую собаку, успевшую проявить недюжинные способности на охоте.

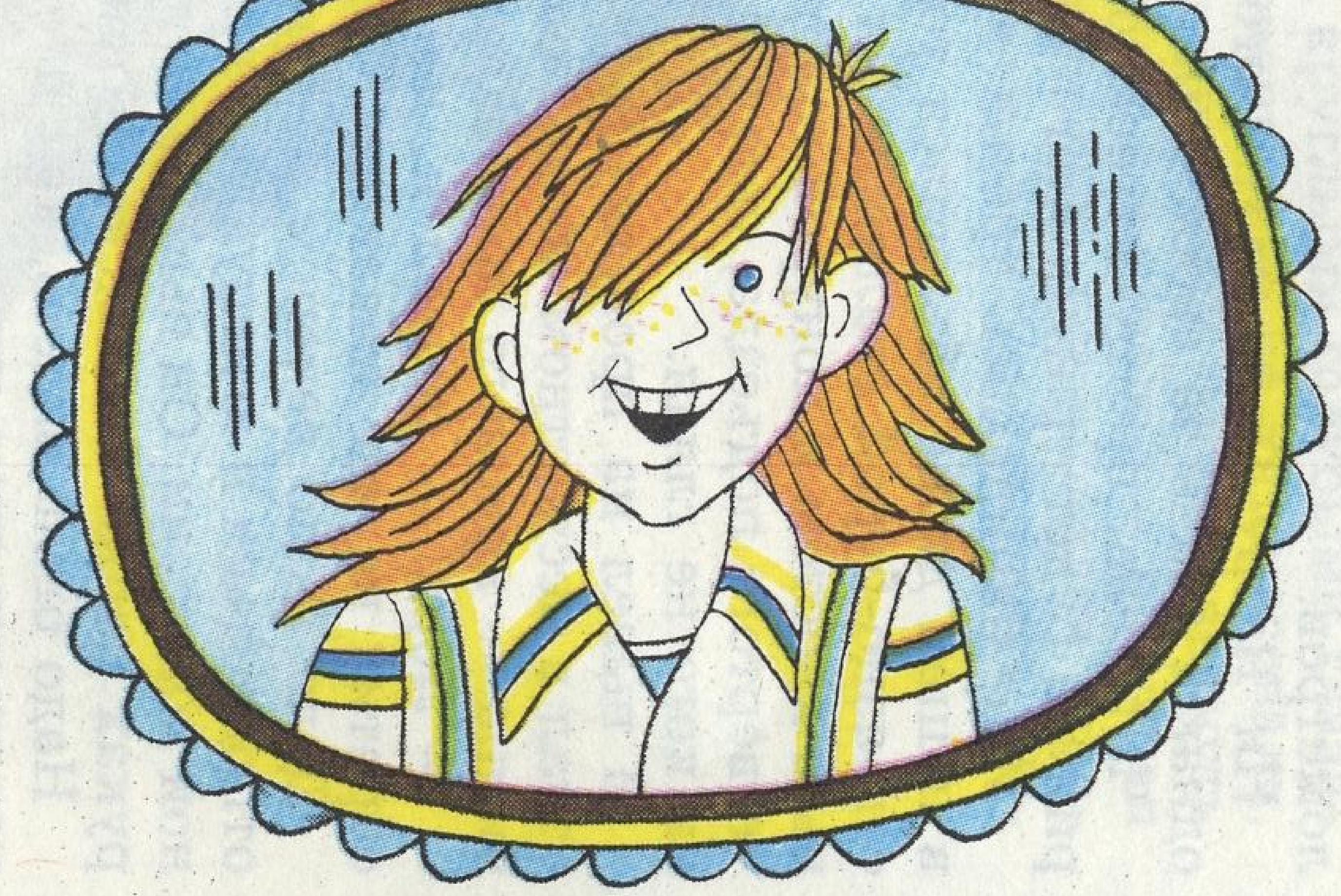
А Лорд тем временем, посвежевший, вымытый и вычесанный, улыбаясь (ты же знаешь, что собаки умеют улыбаться!), возлежал в комнате на коврике и ждал возвращения Петра Палыча с работы.

Как он нашел и проделал путь от Конакова до Москвы, остается загадкой.

Если бы собака умела говорить!



Переменка



Наш календарь

В декабре исполняется ровно год с тех пор, как Кирюша Д. в последний раз посетил парикмахерскую.

* * *

А годы идут...

В мире прекрасного

Наконец-то Наташа П. узнала дорогу в городскую картинную галерею: рядом с галереей открылась дискотека.

* * *

Вчера ногтями на руках и на ногах была поцарапана дверь в Московскую консерваторию имени П. И. Чайковского.

Родителям так и не удалось затащить Гришу П. на «Концерт для фортепьяно с оркестром» Эдварда Грига.

Объявления

Все есть. Ничего не требуется. Ничего не хочу. Никуда не тороплюсь. Никуда не стремлюсь...

ПРОСЬБА НЕ БУДИТЬ. Лена М.

* * *

Танька! Все кончено! Забудь меня! Выбрось из головы и вычеркни из сердца! Не ищи меня нигде, так как я 24.12.87 буду одиноко стоять у афишного щита кинотеатра «Планета» с 9.00 до 21.00.

Забывший тебя Юра Ч.

Знаете ли вы...

...Что участники рок-группы «BABE» всю свою музыку записывают на пилораме одной деревообрабатывающей фирмы?

* * *

...Что в классе на потолке ничего не написано?

Полезные советы

Никогда не жалуйтесь на своих одноклассников ни учителям, ни тем более директору школы и завучу.

Пишите сразу жалобу в Организацию Объединенных Наций.

* * *

Если вас отогнали от телевизора, потому что вам нужно делать уроки, не унижайтесь и не проситесь обратно. Лучше гордо сядьте спиной к телевизору и поставьте перед собой зеркало.

Спрашивайте — отвечаем

Учитель. Скажи нам, какое значение рыбы имеют в жизни человека?

Ученик. Рыб варят, жарят, коптят, засаливают. Из них делают консервы «Сельдь иваси», «Тюлька в томате», «Скумбрия», «Шпротный паштет»

Учитель. Так... А еще?

Ученик. А еще когда в школе нанервничаешься, придешь домой, посмотришь в аквариум, и на душе сразу становится легко-легко.

* * *

Учитель. Ребята, каждый из вас мечтает кем-то стать. Вот ты, Петя, кем мечтаешь стать?

Ученик. Мечтателем.

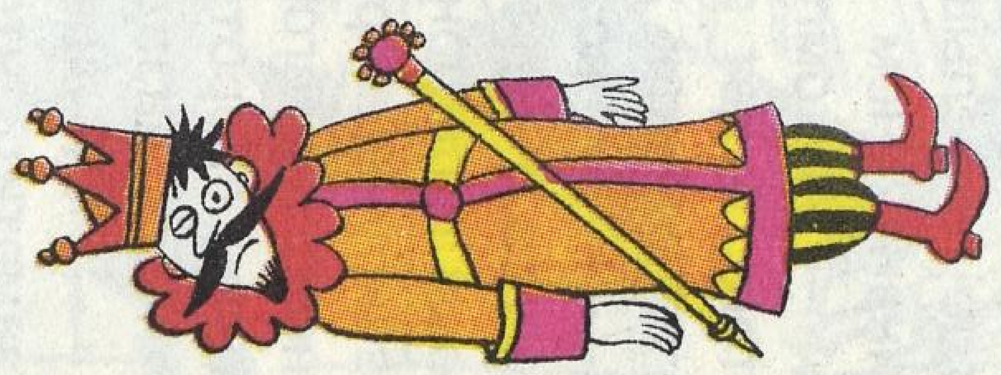
Прислали Юлия Кострова из Челябинска,
а также Оля и Таня из 61-й школы г. Туапсе.

Рекорды «Переменки»

Алеша В. 1 год и 5 месяцев клянчил у родителей двухкассетник «Шарп». Это ровно на два месяца превышает его же рекорд, когда он же и у них же клянчил однокассетник «Тоника».

* * *

Марина С. смотрела кинокартину «Анжелика и король» 1282 раза, что на 997 раз больше, чем все, вместе взятые, билетеры всех кинотеатров.



ПЕРЛовая книга

«Кошка мяукала и в то же время лаяла на собаку».

«Мальчик ел мороженое и таял во рту».

«Недалеко от парка распространился дворец».

«В Африке проживают гориллы до самых мартышек».

ПЕРЛы отыскали
С. Цупруненко из Донецкой области,
Жанна и Оксана из Москвы, некто из БССР,
пожелавший остаться неизвестным,
и Надя Шмелева
из поселка Оссора Камчатской области.

«Переменку» сочинил Е. ШАБЕЛЬНИК.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Случайные числа

— Чип, а не скучно вам, компьютерам, все время иметь дело с числами? Все заранее известно, никаких неожиданностей и случайностей.

— А ты знаешь, что самые сложные задачи, которые решаются на компьютерах — называются они моделирование больших систем,— основаны именно на случайных числах?

— Как это? Я думаю, что чем сложнее система, тем больше приходится считать. А при чем же тут случайные числа?

— Случайные числа не нужны для точных расчетов, но они нужны, чтобы моделировать **случайные** процессы. А таких процессов великое множество: почти все явления природы и человеческой жизни. Например, голубой цвет неба связан с тем, что лучи других цветов, сильнее рассеиваясь на случайно расположенных молекулах в атмосфере, не достигают наших глаз. Другой пример, из жизни. Как прогнозировать образование очередей или транспортных пробок? Это тоже случайные процессы, поскольку каждый человек принимает решения по одному ему известным соображениям.

— Так что же, получается полный хаос? — Сережа вставил новое слово, которое он недавно где-то услышал.— Может быть так, а может быть иначе? Чем же тут поможет компьютер?

— А компьютер поможет сосчитать вероятности того, будет это так или иначе.

— И как же компьютер это сделает?

— Ну, возьмем простой пример случайного процесса. Когда ты после телефонного разговора вешаешь телефонную трубку, ты обычно не смотришь, как закручен провод, верно? Поэтому после каждого нового разговора он может либо закрутиться еще на один оборот, либо остаться на месте, либо раскрутиться назад на один оборот.

— Он еще может совсем раскрутиться, если папа заметит, что провод слишком сильно закрутился, и не поленится его раскрутить.

— Давай для начала пренебрежем таким редким событием, а остальные три варианта — шаг вперед, шаг назад и шаг на месте — будем считать равновероятными. Это целая наука, как получать на компьютере случайные числа,— для этого лучшие программисты придумывают самые быстрые алгоритмы. Ну, а мы с тобой можем воспользоваться сейчас игральным кубиком. На нем ведь шесть чисел: 1, 2, 3, 4, 5, 6. Давай будем делать шаг назад, если на кубике выпадет 1 или 2, оставаться на месте, если это 3 или 4, и делать шаг вперед, если это 5 или 6.

— Давай. Ты будешь складывать шаги, а я буду кидать кубик, — оживился Сережа, которому немного наскучили лекции Чипа и захотелось поиграть.

Сережа бросил кубик. Выпало 5, и он крикнул Чипу: «Вперед!» «Один!» — крикнул в ответ Чип.

Сережа кинул кубик еще раз. «Стой!»— крикнул он, потому что выпало 3. «Один!»— повторил Чип предыдущий счет. Дальше дело пошло быстрее: «Вперед!» «Два». «Назад!» «Один». «Стой!» «Один» «Вперед!» «Два». «Вперед!» «Три». «Стой!» «Три». «Вперед!» «Четыре». «Назад!» «Три».

— Ну, что,— сказал Чип,— мы бросили кубик 10 раз и сдвинулись вперед на 3 шага. Значит, провод закрутился бы на 3 оборота. Будем считать, что после каждых 10 звонков папа проверяет провод и раскручивает его. Начнем все сначала.

Они кинули кубик еще 10 раз. Теперь получилось в сумме 2 шага назад, то есть провод закрутился бы

на два оборота в другую сторону. Еще и еще кидали они кубик, и получилось, что за 10 бросаний кубика суммарное число шагов бывало в среднем 3—4, а направление бывало разным — иногда вперед, а иногда назад. Всего они сделали 10 опытов по 10 бросаний, и в 5 опытах было положительное направление, в 4 — отрицательное, а в одном опыте после всех 10 бросаний кубика получился нуль, так что провод совсем бы не закрутился. Но это, конечно, была редкая удача.

— Видишь,— сказал Чип,— кое-что мы поняли. Ваш телефонный провод будет со временем закручиваться, иногда в одну, а иногда в другую сторону, но количество оборотов будет расти, так что папе время от времени придется его раскручивать обратно. А если бы мы с тобой бросили кубик миллиард раз вместо ста, то смогли бы точно подсчитать, как величина закрутки зависит от времени и как часто папе придется раскручивать провод. Вот для того, чтобы быстро сделать миллиард таких испытаний, и нужен компьютер. Кстати, в этом простом случае и без компьютера можно предсказать, что величина закрутки провода будет расти, как корень квадратный из времени.

— Давай теперь сделаем что-нибудь смешное, я хочу немного посмеяться, а то надоело с числами возиться.

— Ты любишь играть в чепуху? Это когда несколько человек пишут каждый свой рассказ, меняясь по кругу бумажками после каждого слова и загибая бумажки, чтобы не подглядывать.

— Да, здорово было бы сыграть, только нас всего двое — так неинтересно!

— А вот с помощью случайных чисел можно играть в чепуху даже одному. Сочиняешь шесть разных рассказов, а потом составляешь один, по очереди выдергивая слова из случайно выбранного рассказа. А из какого рассказа выдернуть очередное слово, решаешь, бросая игральный кубик.

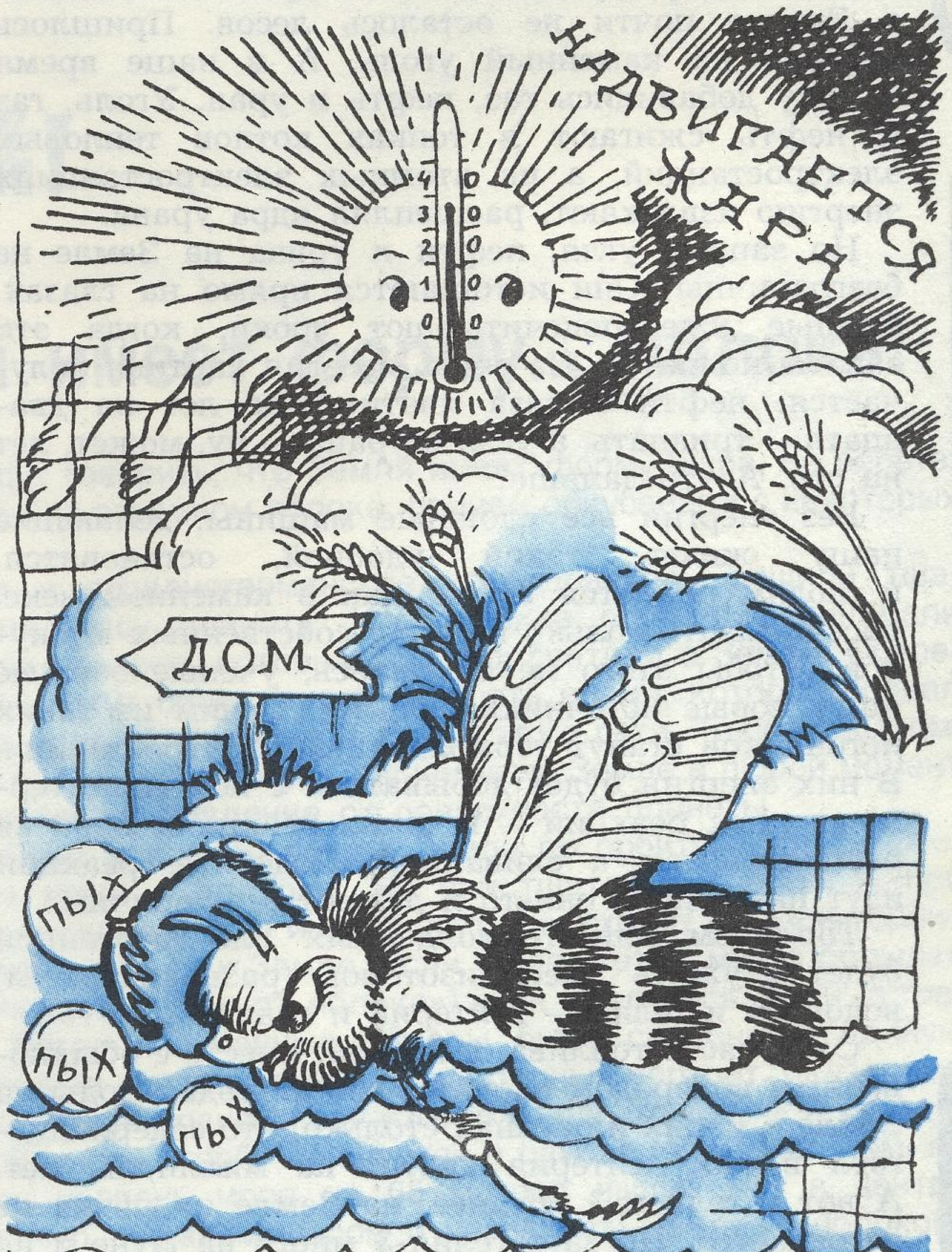
Они взялись за дело и скоро сочинили шесть коротких рассказов.

1. Шел снег. Усталый мальчик брел из школы домой насвистывая.
2. Была жара. Веселый воробышек прыгал с ветки на ветку чирикая.
3. Моросил дождь. Огромный кит плыл из моря в океан пыхтя.
4. Лил дождь. Свирепый динозавр выползал из болота рыча.
5. Стоял туман. Сверкающий автомобиль мчался из города на дачу гудя.
6. Надвигалась буря. Озабоченный шмель летел с поля в сад жужжа.

В каждом рассказе было по 10 слов, так что кубик опять пришлось бросать 10 раз. У Чипа получилось: «Стоял снег. Веселый динозавр прыгал с ветки на дачу насвистывая». А у Сережи: «Надвигалась жара. Свирепый шмель плыл с поля домой пыхтя».

Отсмеявшись над своими рассказами, Чип и Сережа придумали такое задание для читателей: сочинить смешную игру, где применялся бы принцип случайных чисел. Лучшая игра будет опубликована в журнале. На конверте укажите: **«Случайные числа»**.

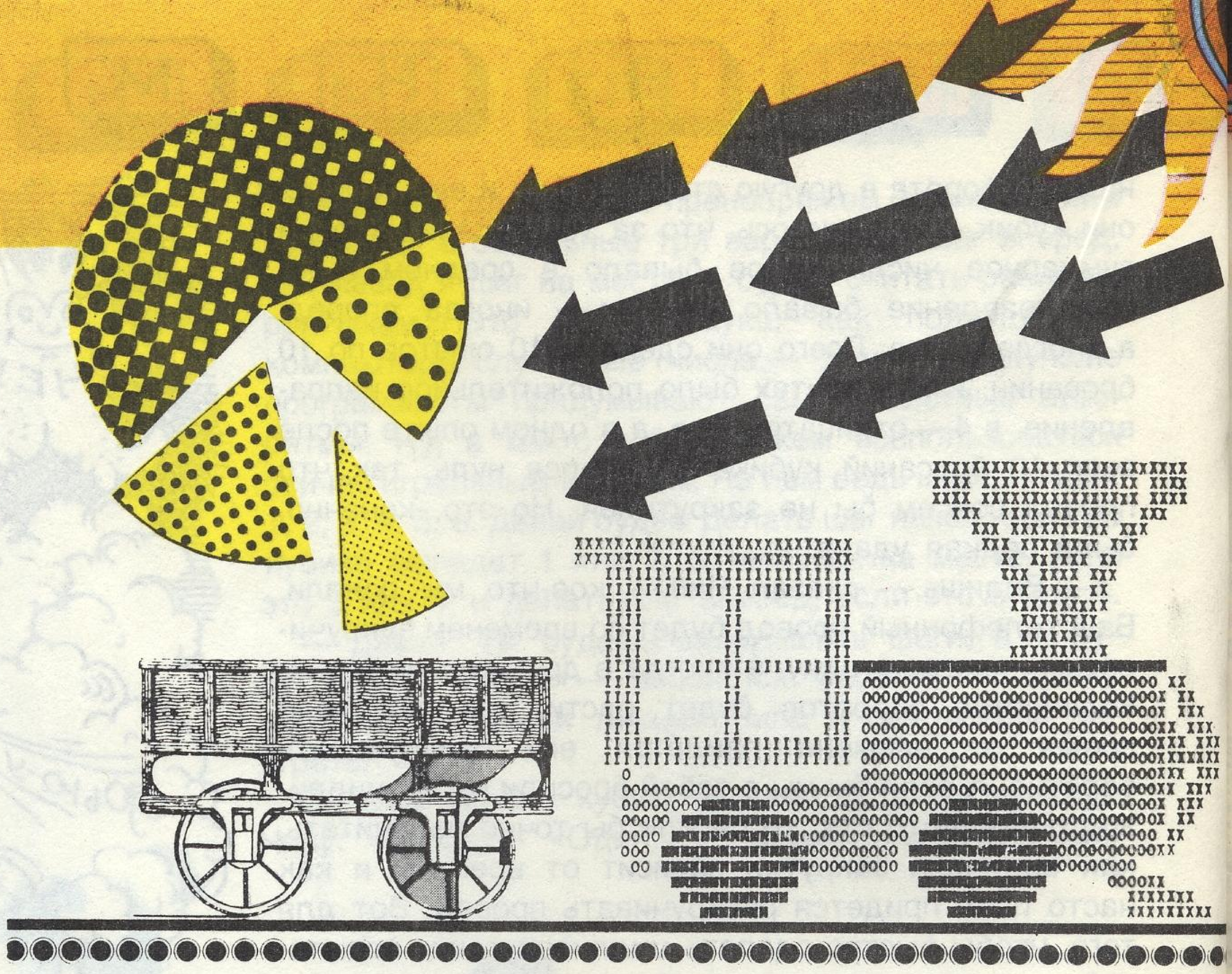
Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.



НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет **В. НИКИТИНА.**

Рисунки **Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.**



Тайны раскрытые и нераскрытые

ТОПЛИВО С ЛУНЫ

С тех пор как люди начали использовать в работе и в быту машины, им требуется все больше топлива, чтобы приводить все эти машины в движение.

Сначала топливом служили дрова. Ими топили котлы паровых машин, паровозов и пароходов. Но вот к концу прошлого века дрова кончились, в Европе почти не осталось лесов. Пришлось перейти на каменный уголь. А в наше время к нему добавились газ, нефть и уран. Уголь, газ и нефть сжигают в топках котлов тепловых электростанций, а на атомных электростанциях энергию извлекают, расщепляя ядра урана.

Но запасы угля, нефти и урана на Земле не безграничны. Они истощаются прямо на глазах. Ученые уже подсчитывают сроки, когда эти запасы кончатся. Не очень веселая картина получается: нефти и газа хватит еще лет на двадцать — тридцать, а угля и урана — ну, может, лет на сто. А что дальше?

Без энергии все сложные машины, делающие нашу жизнь такой удобной, остановятся, и людям придется снова, как в каменном веке, рассчитывать только на силу собственных мускулов. Чтобы этого не случилось, ученые заранее ищут новые источники энергии. Одним из таких источников станут термоядерные электростанции. В них энергия будет добываться с помощью термоядерных реакций — в таких реакциях ядра не расщепляются, а сливаются. Подобные реакции идут на Солнце, они-то и делают его горячим.

Топливом для термоядерных электростанций будет служить смесь изотопов (разновидностей) водорода и гелия — дейтерий и гелий-3.

Одна часть топлива, дейтерий, вместе с обыкновенным водородом входит в состав воды. Воды на Земле в морях и океанах столько, что содержащегося в них дейтерия хватит на миллионы лет. А вот с гелием-3 труднее, на Земле он почти не встречается. Но зато гелия-3 много на Луне и на Юпитере, Сатурне, Нептуне.

На Луну гелий-3 попадает с солнечным ветром. Так называют поток газа, выбрасываемый во время вспышек на Солнце. Солнечный ветер долетает и до Земли тоже. Но тут его задерживают верхние слои атмосферы, и мы обнаруживаем его только по полярным сияниям. А на Луне атмосферы нет. Частицы газа, прилетевшие с солнечным ветром, поглощаются лунным грунтом и накапливаются в нем. Когда советские луноходы добыли образцы лунного грунта и привезли их на Землю, то среди твердых веществ в них обнаружили и частицы газов водорода и гелия.

Если подсчитать, сколько же всего гелия-3 содержится в лунном грунте, получится замечательная цифра — один миллион тонн. Этого хватит для выработки энергии на Земле на тысячи лет.

Но не слишком ли это дорого — доставлять на Землю топливо с Луны? Оказывается, нет. Чтобы доставить на Луну экскаваторы и бульдозеры, построить завод по переработке лунного грунта, извлечь из него гелий-3 и доставить его на Землю, потребуется в 250 раз меньше энергии, чем ее будет получено из лунного гелия на земных термоядерных электростанциях.

Это потому, что гелия-3 нужно не так уж и много. Если привезти за один рейс с Луны, скажем, 30 тонн гелия, то его хватит, чтобы снабжать энергией всю Землю несколько месяцев. Еще более грандиозны запасы гелия-3 на больших планетах Солнечной системы. Там его целые моря. Прилетай и черпай ведрами! Значит, как только земная техника позволит добывать и привозить гелий с этих далеких планет, Земля будет обеспечена топливом на многие миллионы лет.

Когда же наступит это прекрасное будущее? По-видимому, в самом начале следующего, XXI века. За оставшееся время нужно решить множество сложных проблем: суметь «поджечь» термоядерную реакцию дейтерия с гелием-3, а она начинается при температуре 800 миллионов градусов, изобрести и построить ракеты, в десятки раз более мощные, чем те, что имеются сегодня, долететь до далеких планет... Дел много. И ты, читающий эти строки, успеешь принять участие в этой замечательной работе.

Г. СТЕПАНОВ

ым ветром.
аемый во
етер доле-
держивают
киваем его
Луне атмо-
с солнеч-
грунтом
луноходы
езли их на
их обнару-
я.
о гелия-3
я замеча-
Этого хва-
на тысячи

тавлять на
ет. Чтобы
ульдозеры,
го грунта,
на Землю,
, чем ее
мных тер-

е так уж
Луны, ска-
снабжать
щев. Еще
больших
лые моря.
ак только
привозить
ет обеспе-

ущее? По-
XXI века.
множество
ермоядер-
а начина-
градусов,
раз более
олететь до
ющий эти
й замеча-

СТЕПАНОВ

$NO-SO_2$

зачем? почему?

Сорок газов в нашем доме

Изменился ли воздух с тех пор, как человек жил в каменном веке?

Роман КОТЕЛЬНИКОВ, г. Котово Волгоградской области.

Вопрос Романа припомнился мне во время поездки в Братиславу, на международную химическую ярмарку «Инхеба-87». В легких, уютных павильонах на берегу Дуная все было, как обычно на ярмарках: яркие плакаты, броско оформленные стенды, толпы ваших сверстников, которым любопытно все на свете. В воздухе носился запах вкуснейших сосисок, какой, понятно, и не снился жителям каменного века. И как славно было бы, если бы других изменений в атмосфере с тех пор не произошло!

Но они, увы, произошли. Об этом напоминал изящный приборчик, выставленный в павильоне ЧССР; на табличке около него значилось: предназначен для поиска в воздухе оксидов азота — соединений азота с кислородом. Зачем это нужно, не понял бы не только житель палеолита, но даже химик прошлого века. Ведь этих самых оксидов в атмосфере быть не должно, они появляются там разве что после ударов молнии.

Точнее сказать — появлялись. Теперь, к сожалению, оксиды азота и серы, метан, аммиак и другие далеко не безопасные газы находятся в атмосфере больших городов почти постоянно. Не в таких уж больших, но довольно неприятных количествах. Их выделяют моторы, топки электростанций и прочие технические устройства. Потому-то и можно сказать: воздух, которым дышали наши предки, был не такой, как сейчас; в нем отсутствовали десятки газов, «выдыхаемых» индустрией.

Для того-то и требуются устройства вроде чехословацкого прибора, награжденного, кстати, медалью «Золотая Инхеба-87», чтобы проверять, не слишком ли промышленность раздышалась, не пора ли принимать меры против загрязнения воздуха.

В. ПОЛИЩУК

Самый-самый!

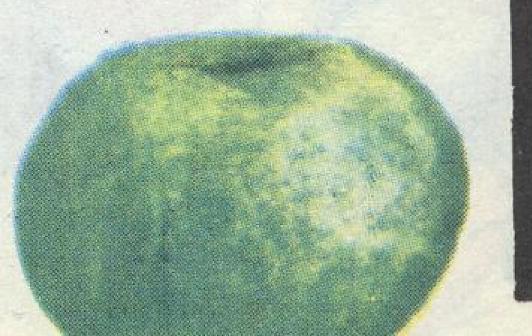
Земля имеет форму... яблока!

Если вам будут говорить, что Земля имеет форму шара, не верьте: мы с вами живем на огромном яблоке, причем обкусанном с некоторых сторон.

Швейцарские и западногерманские исследователи решили тщательно обмерить нашу планету. Космические спутники принимали и отражали лучи лазеров, которыми на них светили с Земли. Современные приборы могут очень точно измерять время, которое провел лазерный луч в пути до спутника и длину этого пути. Таким образом, спутник летает себе вокруг Земли, а ученые на Земле в любой момент знают очень точно его удаление от поверхности планеты.

Обычно спутники движутся вокруг Земли по орбитам, напоминающим вытянутые круги — эллипсы. Но при тщательных обмерах при помощи лазера оказалось, что иногда спутники сходят со своих орбит и могут чуть приблизиться к Земле, если у нее в этом месте большая «впадина» («откусили кусок от яблока»), или удалиться, если встретится «горб». Когда полученные обмеры были сведены в единую картину, то есть был создан земной скульптурный портрет, оказалось, что поверхность нашей планеты вся изборождена «горбами» и «впадинами». Самый большой «горб» обнаружен в районе Исландии. Там, по мнению ученых, уровень моря на 65 метров выше, чем в центре Атлантики. Так что никаким шаром и не пахнет: Земля — яблоко!

А. СЕМЕНОВ



Где мы были, что мы видели

КРОШКИ-КОНИ

На поле царило оживление. Расхаживали чем-то важным занятые люди, кто-то проверял установленные тут и там препятствия, у невысокой изгороди толпились зрители...

Наконец из репродуктора донеслись звуки марша, и на поле выехала четверка нарядных всадников — в белоснежных камзолах и алых картузах. Прозвучала команда, и началось спортивное представление. Кони на легкой рыси слаженно и быстро перестраивались, менялись местами, выполняли замысловатые вольты и вертушки. Не успели смолкнуть аплодисменты зрителей, как всадники, рассыпавшись по полю, стали один за другим посылать своих коней на препятствия. Кони взмывали в воздух и чисто, не задев жердей копытами, преодолевали их.

В этом конноспортивном празднике не усмотришь ничего необычного, если бы... Если бы летающие чудо-кони с густыми, былинными гривами не были по пояс взрослому человеку, если бы умелые и отважные всадники не были десятилетними мальчишками ростом чуть повыше своих коней.

Все очень просто. Видел я выступление питомцев пони-клуба, который уже несколько лет работает при Всесоюзном научно-исследовательском институте коневодства в поселке Дивово под Рязанью. Члены клуба — ребята от девяти до тринадцати лет, есть, впрочем, среди них и младше: при мне четырехлетняя наездница Настя прекрасно управлялась с вороным Матвеем. Конечно, мальчишки и девчонки не только катаются, но и кормят, чистят маленьких лошадок. «Кто не работает, тот не ездит» — это главное правило пони-клуба безоговорочно выполняют все ребята.

Руководитель клуба научный сотрудник института Елена Борисовна Дубровская рассказывала мне, что прошлым летом в Эстонии проходили первые всесоюзные соревнования маленьких всадников на маленьких конях. И ее питомцы стали победителями и в групповой манежной езде, и в вольтижировке.

Что ж, спортивная езда на пони дело и впрямь увлекательное. Да и просто прокатиться по кругу в таратайке никто не откажется. Только при чем здесь Институт коневодства, зачем ученым, которые совершенствуют рабочих и спортивных лошадей, решают серьезные задачи животноводства, эта детская забава?

Вот зачем. Директор института доктор сельскохозяйственных наук Анатолий Никитович Кашаров утверждает, что кони, даже в наш век тракторов и самосвалов, очень помогают в колхозах и совхозах, приносят стране сотни миллионов

Домашняя лаборатория

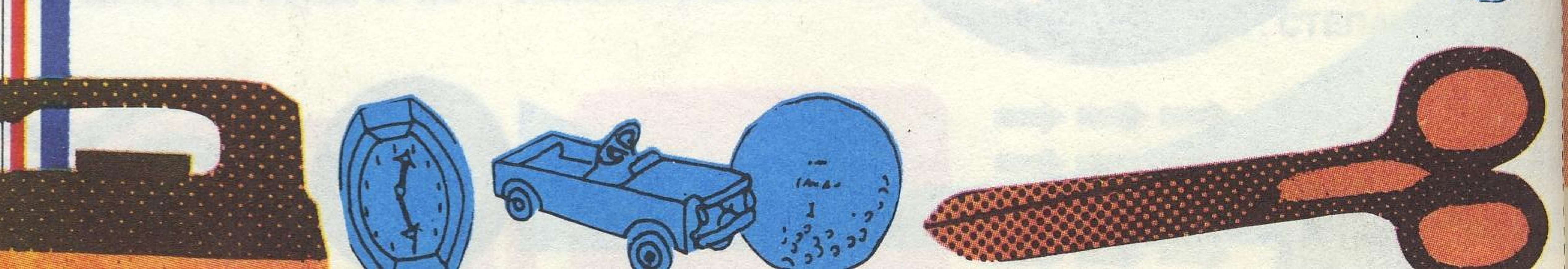
Вверх дном

Хочешь на несколько минут стать фокусником и удивить своих друзей?

Возьми обычный стакан, наполни его доверху водой, затем накрой листком из тетради, прижми листок рукой и переверни. Как будто ничего особенного: лежит на ладони лист бумаги, прижатый стаканом с водой. Но самое главное произойдет тогда, когда ты свободной рукой поднимешь стакан за донышко и...

В том-то и дело, что вода не выльется, ее не пустит плотно прижавшийся лист бумаги. Удивительно? На первый взгляд, конечно. А если подумать и поискать ту невидимую силу, что держит бумагу? Вероятно, эта сила действует снизу, и она явно больше того давления, что оказывает вода на тетрадный листок. Но снизу вроде бы и нет ничего, один воздух? Вот он-то как раз и прижимает бумагу.

Мы все живем под большим столбом воздуха, который давит на Землю. Силу этого давления можно сравнить с давлением десятиметрового водяного столба или столбика ртути, высотой около 760 миллиметров. Молекулы воздуха беспорядоч-



рублей дохода. Так что люди, знающие толк в лошадях, очень нужны. И их надо учить с детства — чтобы могли и коня подковать, и запрячь рабочую лошадь в телегу. А для обучения удобнее всего крошки-пони.

Но это даже не самое главное. В Институте коневодства глубоко и всесторонне изучают лошадей — интереснейший объект для биологов. А пони — тоже лошади, только маленькие. И появились они, считают ученые, на клочках суши, омываемых со всех сторон морями, то есть в суровых условиях — каменистая земля, скудная растительность, нехватка корма. Есть легенда, откуда взялись маленькие кони на одном безлюдном островке в Северной Атлантике. В средние века затонул корабль с настоящими, большими лошадьми. Несколько коней спаслись, доплыли до суши. Прошли десятилетия, как-то люди высадились на остров и нашли там табун пони.

Пони выносливы и неприхотливы. Они помогали крестьянам возделывать скупую каменистую землю, они работали на шахтах, где в узких и низких подземных коридорах не протиснется большая лошадь. И лишь потом пони стали детской забавой. Селекционеры отбирали лошадок поменьше, и сейчас есть совсем маленькие кони — размером с небольшую собаку.

Но пони как были, так и остались настоящими конями. И для ученых-иппологов (иппология — наука о лошадях, от греческого слова hippos — лошадь) они удобный объект исследования: их просто содержать, им надо совсем немного корма.

Мне рассказали об одном исследовании, где роль пони достаточно важна. У ценных пород лошадей должна быть определенная масть. Как она передается от родителей к жеребенку, как наследуется, почему столько разномастных лошадей — все это серьезные научные и практические вопросы. Наследование масти изучают по племенным книгам, где записано происхождение каждого породистого жеребца, каждой известной коневодам кобылы. А потом, сделав вывод, какой ген важнее для получения той или иной масти, ученые стремятся проверить свои заключения на опыте. Дело это непростое. Если получится жеребенок незапланированной масти, его уже не перекрасишь. А пони как раз и нужны яркие и разномастные — для зоопарков и цирков. Чем причудливее получится масть, тем лучше. Так что ученым нечего бояться ошибки в опыте с пони.

Однако и это не все. Сейчас всё чаще говорят о том, что маленькие лошадки вновь могут стать незаменимыми помощниками человека — в саду, огороде, недалекой поездке с небольшим грузом. Право, не заводить же могучий трактор, чтобы перепахать несколько грядок?!

...Издалека мне показалось, что на лугу пасутся обыкновенные лошади. Но вдруг щелкнул кнут, и через несколько секунд несколько десятков рыжих, гнедых, вороных, серых, буланых, чубарых, караковых, пегих лошадок промчались мимо — взрослые, ростом мне по пояс, жеребята — чуть выше колена. Толкая друг друга, они влились в ворота левады.

У маленьких коней начался обед.

М. КРИВИЧ

но движутся, мечутся в разные стороны. Поэтому давление в какой-либо точке над Землей и справа, и слева, и сверху, и снизу одинаково.

Но вернемся к стакану. На листок бумаги снизу воздух оказывает давление, равное, допустим, действию 10-метрового столба воды, а сверху — лишь небольшой, сантиметров 15—20 столбик.

Напоследок еще один фокус. Повтори все то же самое, затем поставь стакан с бумагой вверх дном на стол и осторожно выдерни листок. Красивое получится зрелище — полный стакан воды, только перевернутый. Как же его снять, чтобы не устроить потоп? Подумай сам.

Л. ВИКТОРОВА

Знаешь?

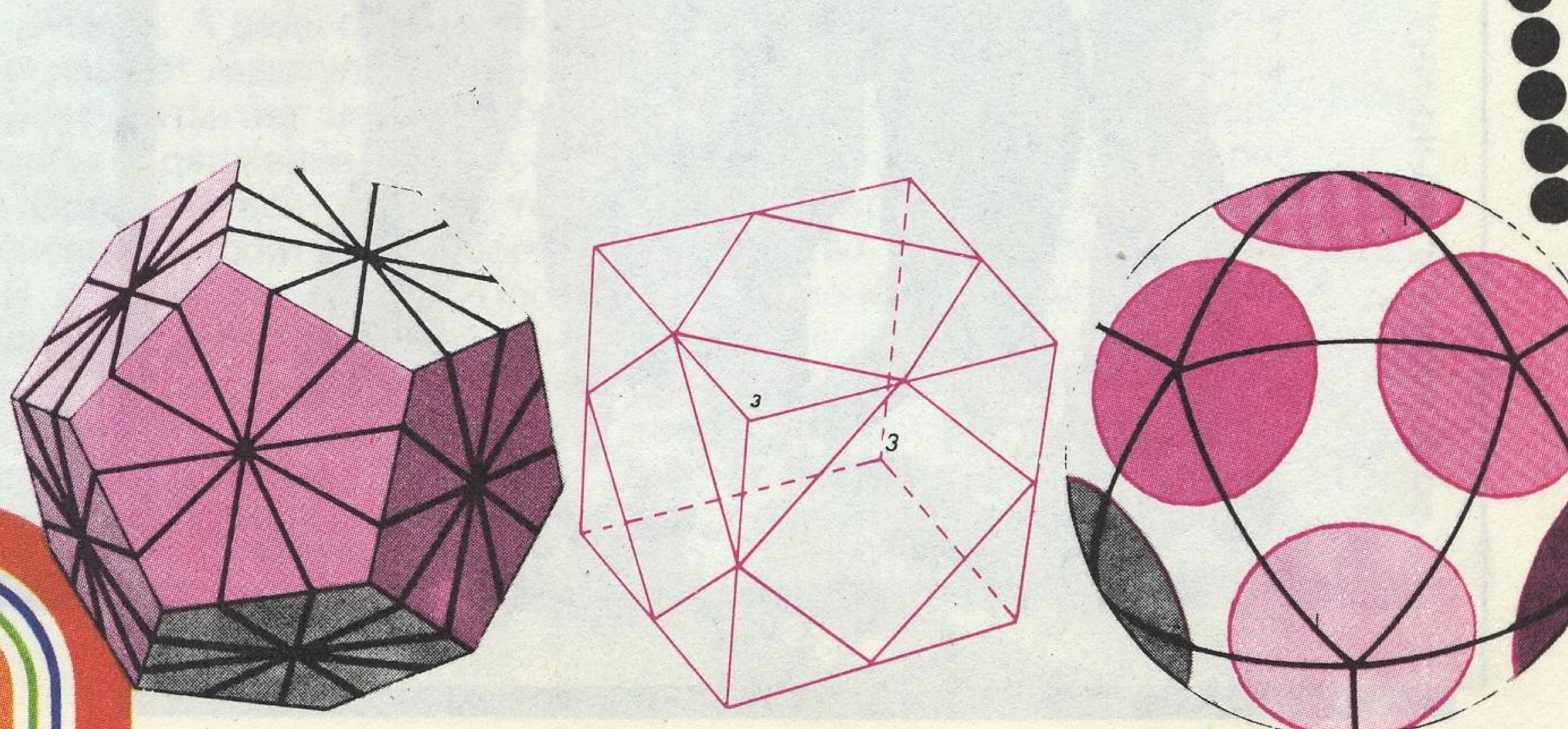
Из лунного грунта можно делать бетон.

* * *

Если не чистить зубы, во рту заведутся бактерии более тысячи разновидностей.

* * *

У Вселенной может быть несколько сот измерений.



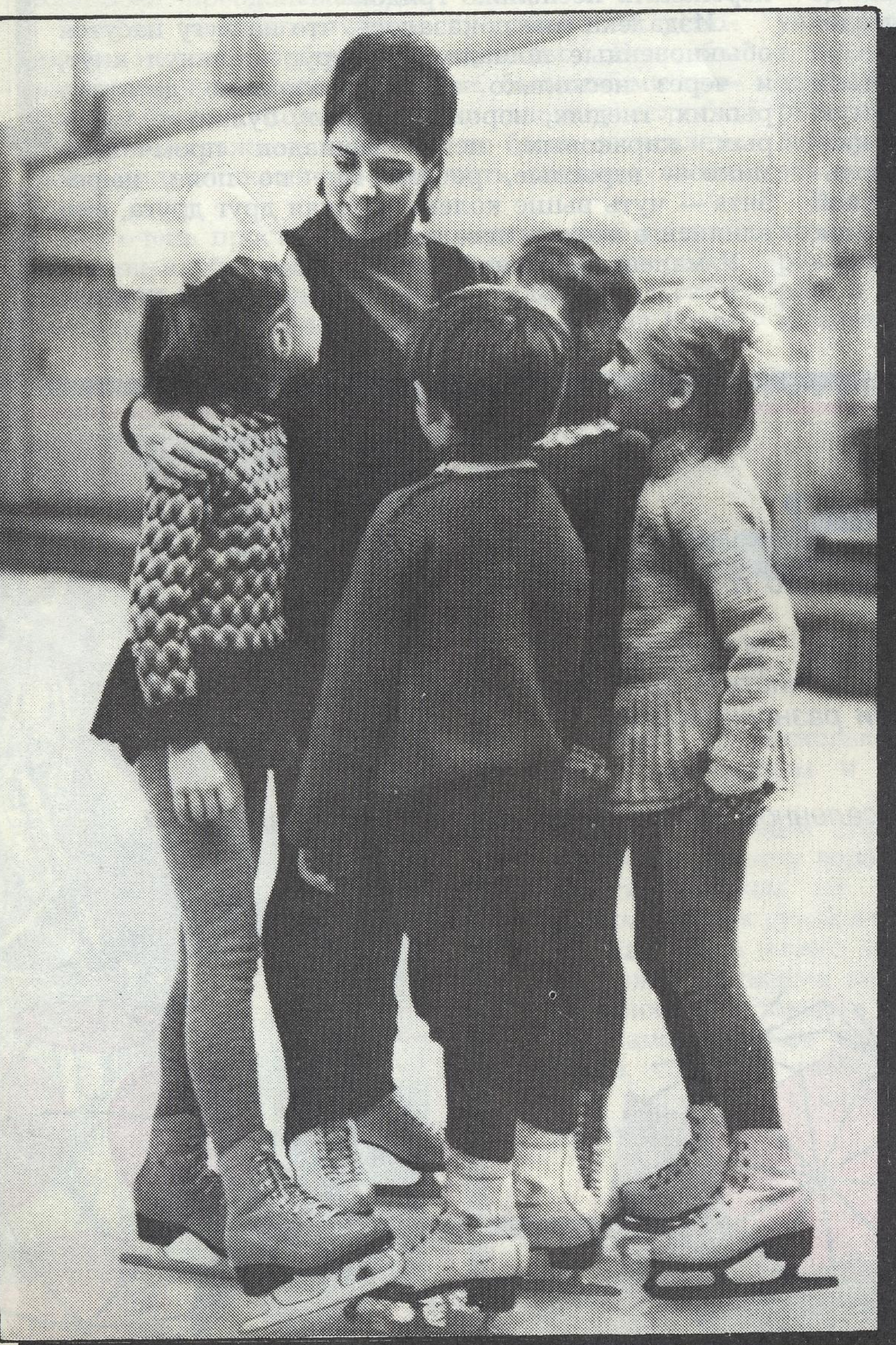
«Пионер»ский

СПОРТЗАЛ

Первым гостем «Пионер»ского спортзала» был рекордсмен мира по прыжкам с шестом Сергей Бубка. Сегодня новая встреча — с Ириной Константиновной Родниной, которую спортивные журналисты из разных стран единодушно провозгласили «лучшей фигуристкой всех времен». Двенадцать лет подряд не знала она поражений на крупнейших соревнованиях в стране и за рубежом. Трижды побеждала на Олимпиадах, двадцать четыре медали высшей пробы привозила с чемпионатов мира и Европы!

Сегодня у прославленной спортсменки новые заботы: она работает с молодыми фигуристами, учит их всему, что знает и умеет сама.

Ирина Роднина: «ОСТАНОВИТЬСЯ — ЗНАЧИТ ПРОИГРАТЬ»



Знаете, предложение журнала стать гостьей «Пионер»ского спортзала» я приняла не сразу. Новые звезды успели взойти на спортивном небосклоне, другие имена скандируют восторженные трибуны. И потом, что считать главным в разговоре с вами? Пусть не сочтут меня нескромной, но о нашем с Сашей спортивном пути уже рассказано немало. Манить читателя блеском золотых медалей, очарованием «Калинки», звуками гимна и медленно плывущим к куполу алым полотнищем?

Не хочу давать вам и весьма «оригинальных» советов типа «трудись — и ты всего достигнешь, покоришь любые вершины». Истина бесспорная, но мне кажется, что я не буду первой, кто вам ее сообщает. И все же... И все же давайте поговорим! Были в моей жизни и радости большие, и печали немалые, но я расскажу вам о том, что считаю главным в своей судьбе,— о ПРЕОДОЛЕНИИ.

...Едва ли не главные воспоминания моего детства — о болезнях. Сперва замучили простуды. Дальше — больше: привязались воспаления легких, одно за другим. Томительные дни, недели, месяцы в постели. Микстуры, таблетки, бесконечное напяливание на себя теплых одежек, словом, все, из чего состоит быт не самого здорового человека. А потом в семье решили бороться с моими недугами другим способом: движение и свежий воздух — едва ли не последнее средство. И вот я уже на катке в старинном московском парке на Таганке. Знаю, знаю, читатель, ты уже улыбаешься, правда? Вот сейчас, мол, Роднина скажет: «И тут...» Да нет, долго еще пришлось ждать этого «и тут». На первых порах мне все доставалось куда труднее, чем здоровым сверстницам. Что я тогда испытывала, знают многие девочки, кому недостает ловкости, выносливости, изящества в движениях, кто, съежившись под насмешливыми взглядами одноклассниц, на уроке физкультуры медленно идет к гимнастическому снаряду. Но мой им совет: не робейте! Не бой-

тесь, что засмеют, а главное — не приучайте себя к мысли, что вам не дано стать легкой, непринужденной в движениях, грациозной. Не трусьте и не ленитесь, работайте — как бы вам ни было трудно, как бы ни расстраивали неудачи и как бы ни был силен соблазн все бросить и жить, как живется. Я ведь и сама через это прошла, и самая первая моя победа — это победа над собой. Какое же это было счастье, когда наконец-то удалось догнать подружек по спортивной секции, и тренер Зинаида Ивановна Подгорнова в числе лучших учениц рекомендовала меня на искусственный каток в Марьиной Роще. Еще бы! Это ведь была великая честь — тогда в Москве искусственного льда не хватало даже для чемпионов.

А каток оказался чуть больше обыкновенной комнаты. И чтобы выполнить прыжок на коньках, надо было разбегаться еще на деревянном полу, а после приземления снова выкатываться на пол. Это требовало предельного внимания: чуть отвлечешься — и полетишь вверх тормашками. Но нет худа без добра: именно там, в Марьиной Роще, я и научилась контролировать каждое свое движение.

Рассказываю это специально для тех ребят — а мне не раз доводилось их встречать,— которые рассуждают: вы, мол, создайте нам условия, а уж потом мы вам покажем! Так вот, никто из нас ни на каких особенных условиях не настаивал. Это считалось нескромным, неприличным. Помню, как много лет спустя мы с Алексеем Улановым, уже став мастерами спорта, готовились к дебюту на европейском первенстве: под ясным небом, на маленьком ледовом пятачке, в крепенький морозец и колючий ветерок. Чтобы не замерзнуть, тренировались с удвоенной энергией. Да так подготовились, что с первого захода завоевали чемпионский титул, хотя публика отчаянно «болела» против нас и судьи поначалу были не особенно благосклонны да и на чемпионате-то мы одни оказались, без тренера.

Но главные испытания еще только начинались. Вы, конечно, слышали о таком городе — Калгари: в феврале будущего года в нем состоится зимняя Олимпиада. А мне когда-то довелось выступать здесь на чемпионате мира. Подготовились вроде бы неплохо, да обстановка не самая подходящая — высокогорье, при сильных нагрузках буквально задыхаешься от недостатка кислорода, слабеешь. Раньше у нас с Алексеем падений не было, а здесь едва ли не на последней тренировке он, выполняя сложный элемент, не удержал меня на вытянутых руках... В больнице доктор был категоричен: полный покой, с сотрясением мозга шутки плохи! Неужели вся работа — наша и всех, кто нам помогал,— насмарку?! Почувствовала, что с такими мыслями лежать в постели будет куда мучительнее, чем снова выйти на жесткий лед. Наутро потихоньку ускользнула из палаты — и на каток. Как выступали, почти не помню. Но держалась изо всех сил, до конца. И лишь потом, раскланиваясь перед публикой, не выдержала и опустилась на колени... А на высшей ступеньке пьедестала почета мы уже стояли крепко!

Бороться с неурядицами, которые идут как бы извне, трудно, но — можно. Не получается сложный элемент — повторяй его до автоматизма; больно — терпи; не очень объективны судьи — покори их своим мастерством; плохо принимают зрители — и к ним можно подобрать ключик. Порой все это, вместе взятое, одолеть куда легче, чем один-единственный раз справиться с собой.

...Моим новым партнером стал Александр Зайцев, вчерашний перворазрядник-одиночник. А впереди — очередной мировой чемпионат. Пропустить его — значит отстать от соперников, поди-ка потом догони! А выступать — это за полгода, что называется, «с нуля» подготовить сверхсложную программу. И все-таки взялись за дело.

А потом была Братислава, напряженнейший чемпионат мира. Сперва все шло великолепно. И вдруг посреди произвольной композиции внезапно оборвалась музыка. А ведь она не просто украшает выступление, но и задает ритм, на нее как бы нанизаны движения фигуристов. Остановиться? Но как тогда снова настроиться на борьбу? И я крикнула Саше: «Продолжай! Катайся и напевай мелодию!» Так мы сообща и допели свою программу до конца, до самого последнего такта, а замечательные братиславские болельщики дружно нам в этом помогали... Как утверждают, это было едва ли не наше лучшее выступление на соревнованиях.

Иногда мы подумывали: что еще людям надо? За долгие годы в спорте всего навидались, почти все испытали. Не пора ли заканчивать — красиво, по-чемпионски, в зените славы? Порой одолевала такая усталость, что хотелось не медля забросить фигурное катание. Но...

Каждый день мы получали десятки писем. Многие я храню до сих пор. Вот одно из них, из Львовской области: «Я инвалид первой группы. Неизлечимое заболевание суставов приковало меня к постели. Жить помогают хорошие песни, книги и вы, Ирина и Саша. Вы лучше любых лекарств помогаете побороть отчаяние. Спасибо вам, мои родные!» Или вот это — от школьницы из Перми: «Ваши фотографии лежат у меня на столе. Когда я прихожу из школы, я рассказываю вам о прожитом дне, делюсь своими мыслями. И мне кажется, что вы мне отвечаете — иногда веселой, дружеской улыбкой, а иногда укоризненной — когда я поступаю неправильно, не так, как должен поступать мужественный, честный человек...» Мы перечитывали такие письма и чувствовали: наши выступления нужны людям. А если так — рано думать про усталость. Надо работать дальше.

Были впоследствии новые состязания, были трудные победы, словом, была наша обычная работа. Но пришла и пора прощания. Нелегким оно оказалось. Нелегким — и все же радостным: нам не было стыдно за все, что удалось сделать. И вот сейчас, заканчивая нашу беседу, я снова и снова задаю себе вопрос: что больше всего помогало нам в нелегком пути? Чувство огромной ответственности перед людьми, перед Родиной. Немалый каждодневный труд, без послаблений и скидок на усталость. Уважение к соперникам. И еще одно, о чем я хочу сказать особо. Не страшно, если чего-то не знаешь и не умеешь. Гораздо опаснее, если ты решил: все вершины покорены, совершенство достигнуто, больше учиться не́чему. Ни одного сезона мы не начинали без новых сложных элементов. Потому что твердо знали: остановиться — значит проиграть!

Записал С. ШАЧИН.

Фотография А. БОЧИНИНА.

десятое занятие

КЛУБ СИЛАЧЕЙ

Что значит «очень сильный человек»? Конечно, это тот, кто сильнее других в любом деле, за которое берется. Вроде бы каждому ясно. Но, оказывается, таких людей на свете... вообще нет.

Почему? Да потому, что существуют разные виды силы и для каждого дела требуется своя. Возьмем, например, штангистов. Они способны проявлять свою максимальную силу всего 8—10 секунд. А если нужно 2, 3, 5 минут? Для этого требуется уже другой вид силы — силовая выносливость. В ней штангисты «не сильны»: явное преимущество имеют борцы, акробаты, гимнасты. Есть и такой вид силы, когда всю ее нужно уметь выплеснуть не за минуты или секунды, а за одно мгновение. Это быстрая или взрывная сила, в которой и штангисты и борцы значительно уступают боксерам, метателям, прыгунам. Короче, видов силы много, и ни один, даже самый выдающийся силач в мире не может обладать всеми видами сразу. Так уж устроен наш организм.

От чего же зависит преимущество в том или ином виде силы? Прежде всего от врожденных особенностей нервной системы и строения мышц. У одних людей мышцы от природы сильнее, у других — выносливее, у третьих — быстрее. Но полученное от природы — это только задатки силы. Развить же тот или иной ее вид можно лишь упорными тренировками. Причем для каждого вида силы тренировки «свои».

Вот, например, занимаясь физической культурой, ты ежедневно поднимаешь за тренировку 150 кг. Но если ты будешь поднимать 3 раза по 50 кг — у тебя начнет расти максимальная сила, если 30 раз по 5 кг — силовая выносливость, а если резко бросать 150 раз по 1 кг — станет прибавляться быстрая сила. Именно так, только, конечно, в более сложных упражнениях, совершенствуют разные виды силы настоящие атлеты, мастера спорта, чемпионы и рекордсмены мира.

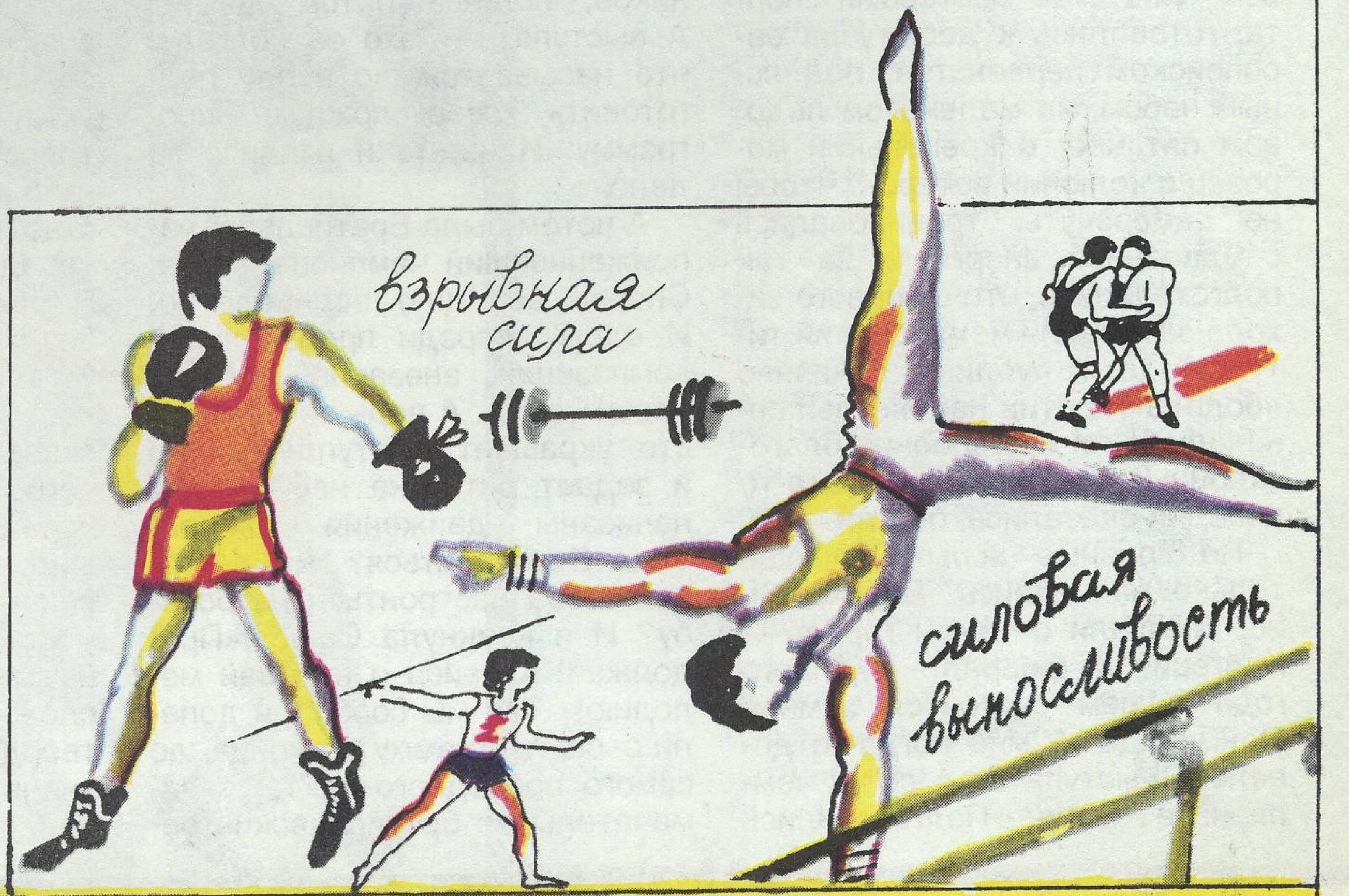
А как же быть начинающим спортсменам и тем, кто просто хочет стать сильным? Им прежде всего необходимо заложить прочный фундамент для развития силы. Для создания этого фундамента можно использовать наш основной комплекс из двадцати упражнений. В первый год занятий выполнять его нужно так, как описано в журнале, начиная с трех упражнений и постепенно прибавляя остальные. На второй год занятий нагрузку следует постепенно увеличивать. Добиться этого можно двумя путями: большее количество раз повторять каждое упражнение или сократить время на их выполнение, то есть выполнять упражнения энергичнее.

Советую тебе сначала в течение трех-четырех месяцев в два раза увеличить число повторов каждого упражнения, а затем стараться выполнять весь комплекс быстрее на 10—15 минут. При этом не забывай, что силовые упражнения приносят особенно большую пользу, если сочетаются с лыжными походами, бегом, плаванием, спортивными играми.

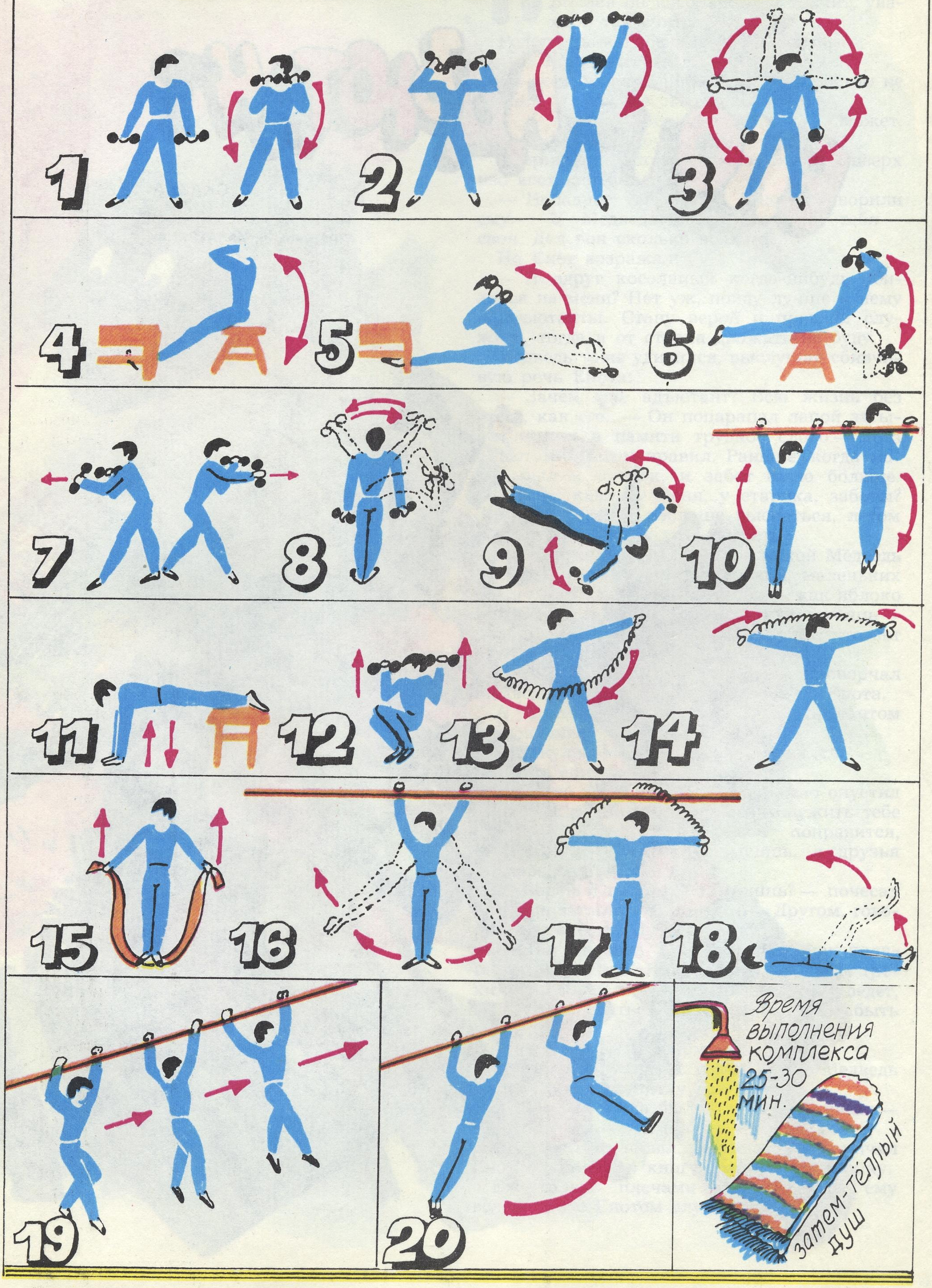
Через два года регулярных занятий твоя сила вырастет настолько, что ты смело можешь идти в настоящую спортивную секцию. Станешь ли ты дальше развивать максимальную силу, силовую выносливость или взрывную силу, будет зависеть от того, к какому виду спорта лежит у тебя душа. Выберешь ты футбол или хоккей, плавание или бокс, теннис или тяжелую атлетику — не так уж важно. Главное, ты станешь сильным человеком, и это пригодится тебе всегда.

Приводя основной комплекс из двадцати упражнений, напоминаю, что учащимся 4-х классов рекомендуется выполнять каждое упражнение 2—3 раза, а 5—6-х классов — до пяти раз. Общее время выполнения всего комплекса до 25—30 минут. После выполнения всех упражнений желательно принять теплый душ и растереться махровым полотенцем. Желаю успеха!

М. ЗАЛЕССКИЙ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



Комплекс упражнений



Светлана ЛЕТТ

ЕНОТ-АДЪЮТАНТ

СКАЗКА

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Надумал Енот-полоскун адъютантом стать. У кого? Да у Медведя, конечно. Почему, спросите, именно у Медведя? Боялся он косолапого, а значит, уважал, так считал Енот.

Родственники посмеивались над ним:

— Какой из тебя адъютант?

На рост, видимо, намекали: мол, ростом не вышел, а туда же, на службу метит.

— А что? — обижался Енот.— Я, может, еще долго расти буду, какие мои годы?

И приподнимался на носки, тянулся вверх изо всех силенок.

— Неладное ты затеял, Енот,— говорили ему.— У Медведя своя жизнь, у тебя — своя. Дел вон сколько всяких!

Но Енот возражал:

— А вдруг косолапый когда-нибудь обидится на меня? Нет уж, пойду лучше к нему в адъютанты. Стану верой и правдой служить, тогда и от страха дрожать не буду.

Медведь тоже удивился, выслушав сбивчивую речь Енота:

— Зачем мне адъютант? Всю жизнь без этого, как его...— Он поцарапал лапой затылок, теряя в памяти трудное слово.— ...без адъютанта лесом правил. Раньше, когда молод был и крепок, и забот было больше. А сейчас какие у меня, у старика, заботы? Зимой в берлоге послаще выспаться, летом старые кости на солнце погреть.

А у Енота одна мысль: вон какой Медведь большой, а он, Енот, маленький, маленьких обидеть легко. Раз-два — и обида, как яблоко на ветке, вызрела. Хочешь — жуй, хочешь — подальше спрячь, пусть все думают, что нет у тебя никакой обиды.

— Вот пристал, как репей,— проворчал Медведь и, махнув лапой, пошел от Енота. А Енот следом бежит, уже адъютантом себя видит.

Оглянулся Медведь, опять удивился:

— Ты еще здесь?

— А где же мне быть? — скромно опустил глаза Енот.— Верой и правдой служить тебе буду. А если служба моя понравится, в должности, может, повысишь, в друзья произведешь.

— Верой и правдой, говоришь? — почесал Медведь затылок, задумался.— Другом, говоришь, станешь? Ну коли так...

И стал служить Енот исправно, как полагается, преданно. Книгу завел, туда все грехи обитателей леса записывает, учет ведет, чтобы не сбиться ненароком, не забыть чего.

Пришел к Ежу, вспомнил:

— Ты, Еж, виноват перед нами: Медведь о твои колючки пятку наколол.

— Так это когда было — три года назад,— удивился Еж.— Он про то и забыл вовсе.

— Ничего не забыл, не забыл! — закричал Енот и записал в книгу Ежовую промашку.

Еж только плечами пожал, глядя ему вслед: что с Енотом случилось?

Где Ежу понять, что Енот верой и правдой службу свою вершит.

Белку встретил, книгу открыл, очки со лба на нос сдвинул.

— Ты,— говорит,— тоже перед нами виновата, как ни крути хвостом.

— Что ты, Енотик! — рассыпала смешок Белка.— Я уж и не припомню вины своей. Не было ее, видать. У меня память хорошая.

— А кто в Медведя шишкой запустил? — так и подпрыгнул от радости Енот. От радости, потому что его память крепче Белкиной оказалась.

— Ну и что, Енотик! — снова засмеялась хохотушка-Белка, и пушистый ее хвост мазнул Енота по носу.— Я ж промахнулась тогда.

— Тогда промахнулась, в другой раз непременно попадешь,— уверенно предсказал ей меткость Енот и возмутился: — Не щекочи мне нос хвостом, а то я чихать начну!

— Чихни, чихни! — захлопала в ладоши Белка.— Я горчичники в лесной аптеке купила, быстро тебя вылечу, Енотик! Обожаю всех лечить.

Енот еще больше рассердился, ногами затопал, книгу чуть не уронил.

— Я горчичники,— закричал,— терпеть не могу! У меня от них температура поднимается!

Книгу под мышку сунул и пошел прочь от насмешливой Белки.

Устал Енот, нелегка адъютантская служба. Присел на пенек отдохнуть и видит: на цветке медуницы Бабочка-переливница пляшет. То на месте потопчется, то покружится, а то вдруг взлетит, сверкнув яркими крыльями. После трудной службы Еноту ее танец — в радость. Но тут взгляд Енота упал на книгу, которую он держал под мышкой.

— Эй, Переливница! — сердито закричал Енот.— А ведь ты тоже перед нами, выходит, виноватая!

Бабочка от недоумения прекратила свой грациозный танец, зависла над травой, уставилась на Енота большими выпуклыми глазами.

— Чего глядишь? — заерзал на пне Енот.— Ветер крыльями сотворяла?

Бабочка пошевелила усиками, улыбнулась.

— Какой от меня ветер Медведю? Мне даже с самым маленьким вентилятором не тягаться...

Но Енот ее не дослушал.

— А зачем,— кричит,— переливаешься? Зачем свои переливы-разливы прямо в глаза пускаешь? Знаешь, что от лишних переливов ослепнуть можно?

Бабочка вздохнула:

— Я переливов своих не считала, не знаю, какие лишние. Это, видно, от солнца зависит: оно на чешуйках моих играет.

Полистал Медведь книгу, спросил:

— А чего ты, Енот, к Ежу придираешься? Вы же с ним вроде тезки — на одну букву у вас имена начинаются.

— Ничего подобного,— проворчал Енот.— В моем имени буква «е» красуется, а он «ё» себе прихватил. Думает, если с точками наверху, то и красивее.

Медведь подумал, согласился: и в самом деле, чем «ё» лучше «е»?

— А с Белкой чего не поладил? Вы же, кажется, друзьями были?

— Она при каждой встрече обещает со всех сторон горчичниками меня обклеить. Я этого терпеть не могу.

Хохотнул Медведь, представив Енота в горчичниках.

— Ну а Бабочка, малость этакая, чем тебе не угодила? — поинтересовался.

— Пляшет много,— пробурчал Енот.— В глазах от нее рябит-мельтешит.

И так вышло, что за Медведя вроде душой болел-хлопотал Енот, а на деле оказалось, свои обиды скопил.

Медведь на зимнюю спячку решил пораньше завалиться, Енот его за шерсть подергал:

— Погоди! А когда же с обидчиками рассчитаемся?

Медведь покружил у берлоги, подумал и предложил:

— Давай делами весной займемся.

Енот решил и зимой верой и правдой служить. Глаз не сомкнул, пока Медведь спал, паутину по углам обрывал, а пауков в коробку от кроссовок складывал и бормотал над ними:

— Вот проснется Медведь, он со всеми обидчиками рассчитается. И вас не забудет, плетуны несчастные!

Пауки молчали, лишь шелестели в коробке, тяжко вздыхали и изредка о чем-то шептались.

Но Енот, как ни прислушивался к их шепоту, расслышать не сумел ни одного словечка и еще больше обиделся на пауков: могли бы и погромче шептаться.

А проснулся Медведь, Енот сразу к нему:

— Пойдем порядок наводить!

— Погоди,— не понял Медведь,— какой такой порядок?

Тут Енот и напомнил ему об их осеннем разговоре да еще и коробку с пауками подсунул, пожаловался на их тихий шепот. Медведь долго разглядывал Енота, заодно и коробку. А потом сказал:

— Не знаю, как ты, Енот, а я ведь все расслышал, о чем шепчутся пауки. А говорят они такие слова: «Зачем Медведю Енот-адъютант? Да он ему житья не даст со своими обидами. Изведет беднягу, некогда ему будет лесными делами заниматься...»

— Так ведь верой и правдой...— чуть не заплакал Енот, вдруг понимая, что служба его на том и кончилась.

НАЧАЛА

Посмотри на эти фотографии: каждая из них — начало увлекательнейшей истории.

...УЕХАЛ от бабы Груни сын в город: «Мама, я квартиру получил. Одна-то справишься с хозяйством?» «А как же? — вздохнула баба Груня.— Ране, помоложе была, управлялась».

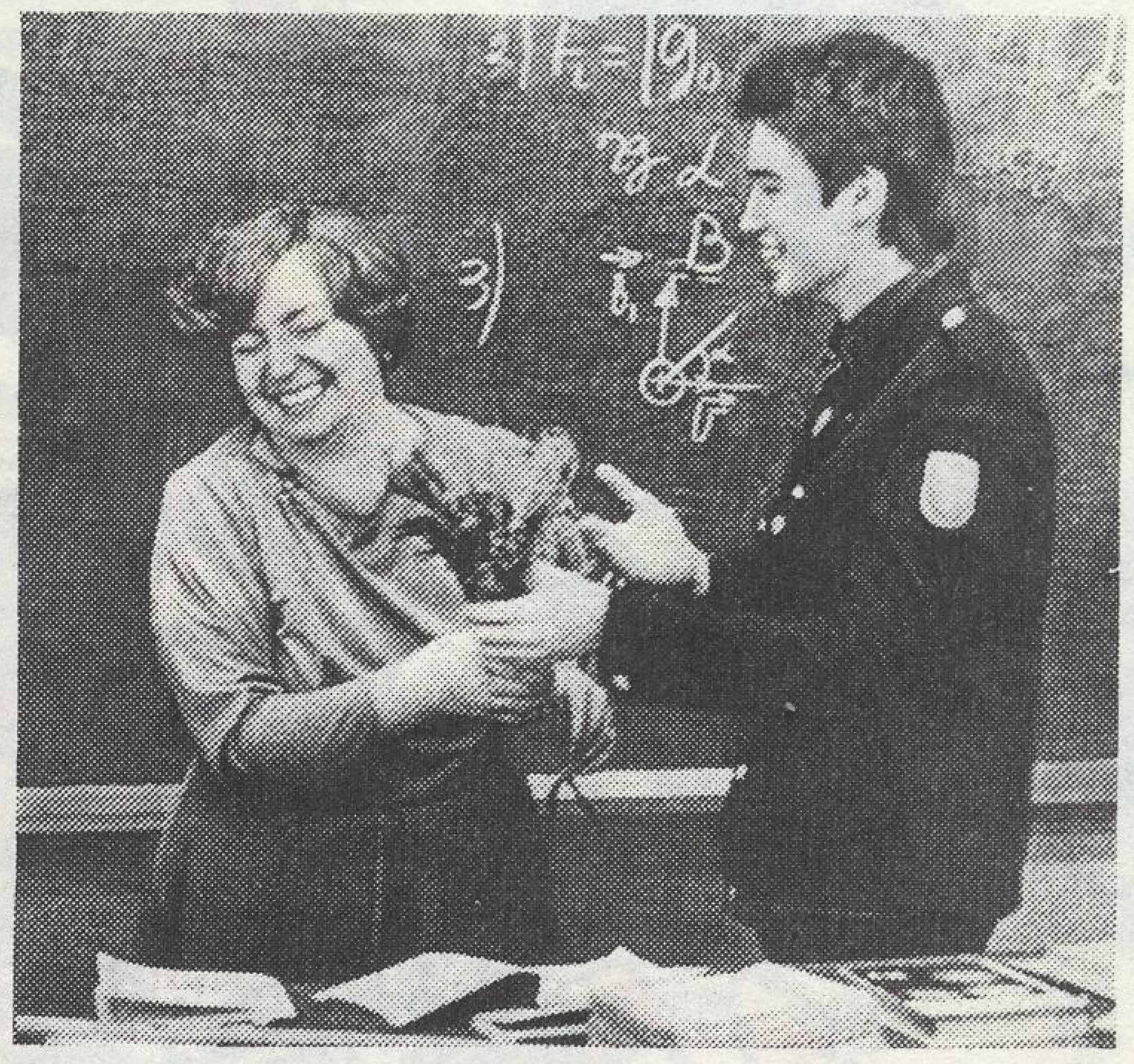
Уехал сын. Натянула баба Груня его старый спортивный костюм, запрягла коня Бориску — отправилась за сеном. В пути нелады — сбруя шалит. «Эх! — Баба Груня спрыгнула с телеги.— Где наша не пропадала... А ты говоришь, не справлюсь».

Дальше поехала.

...— МА-МА!! Мне Санька Стрижов лягушку за шиворот посадил!!! — рыдал Гошка.

«Та-ак,— сосредоточилась Оксана Максимовна.— Если Стрижов на двор придет — варенья не дам, блинами не угощу, про компот и говорить нечего».

А были Гошка с Санькой — первые друзья.



...КЛАСС замер: как математичка букет примет? Да еще от двоечника Казакова? И в такой день — 8 Марта?

Она засмеялась, как девчонка. А отсмеявшись, сообщила: «Двойки все равно буду ставить, если уроки не выучили».

...Интересные истории? Еще бы.

Эти фотографии взяты со Всесоюзной выставки работ юных фотолюбителей «Открывая мир», которая проходила этим летом в Москве. Всего на выставке было 600 работ — представляешь, сколько увлекательнейших историй?

Но не жалей, что ты на выставку не попал. Бери фотоаппарат в руки — и вперед: тысячи историй вокруг тебя, начинай их рассказывать сам. Фотографируй!

И. АНДРИАНОВА

О птицах на страницах

По радио, по телевизору, в разговорах взрослых ты, наверное, не раз слышал о «газетных утках». Что это за птицы, откуда взялись?

Оказывается, они впервые появились свыше 300 лет назад в Германии, когда там начали печатать газеты. На газетных страницах рассказывалось о последних новостях, о любопытных событиях и фактах. Но случалось, корреспонденты сообщали о невероятных вещах, слишком уж похожих на вымысел. Например:

— Мистер Смит переплыл Тихий океан на собственной кровати.

— Выведен сорт яблонь, на которых зреют печеные яблоки.

— В Африке есть племена негров-блондинов.

— Выступающая в парижском цирке лошадь говорит по-английски...

В таких случаях перед редактором вставал вопрос: может ли быть на самом деле то, о чем сообщает корреспондент или он доверился слухам, присочинил, чтобы «было интереснее», высосал все из пальца? Короче, правда это или нет?

Как же поступали редакторы с сообщениями, которые считали выдумкой? Не печатали? Печатали! Но чтобы снять с себя ответственность за обман читателей, в конце таких статей ставили буквы NT, от латинских слов «нон тестатур», то есть «не проверено». Буквы NT произносятся «энте», а по-немецки «энте» — утка. Вот с тех пор и стали небылицы в газетах называть «газетными утками».

152 года и 3 месяца

В середине XVII века на Земле было множество королей, и у каждого свои заботы. Один стремился завоевать соседа, другой — вкусно поесть, третий — роскошно одеться. Английского короля Чарлза I больше всего интересовала возможность продлить собственную жизнь.

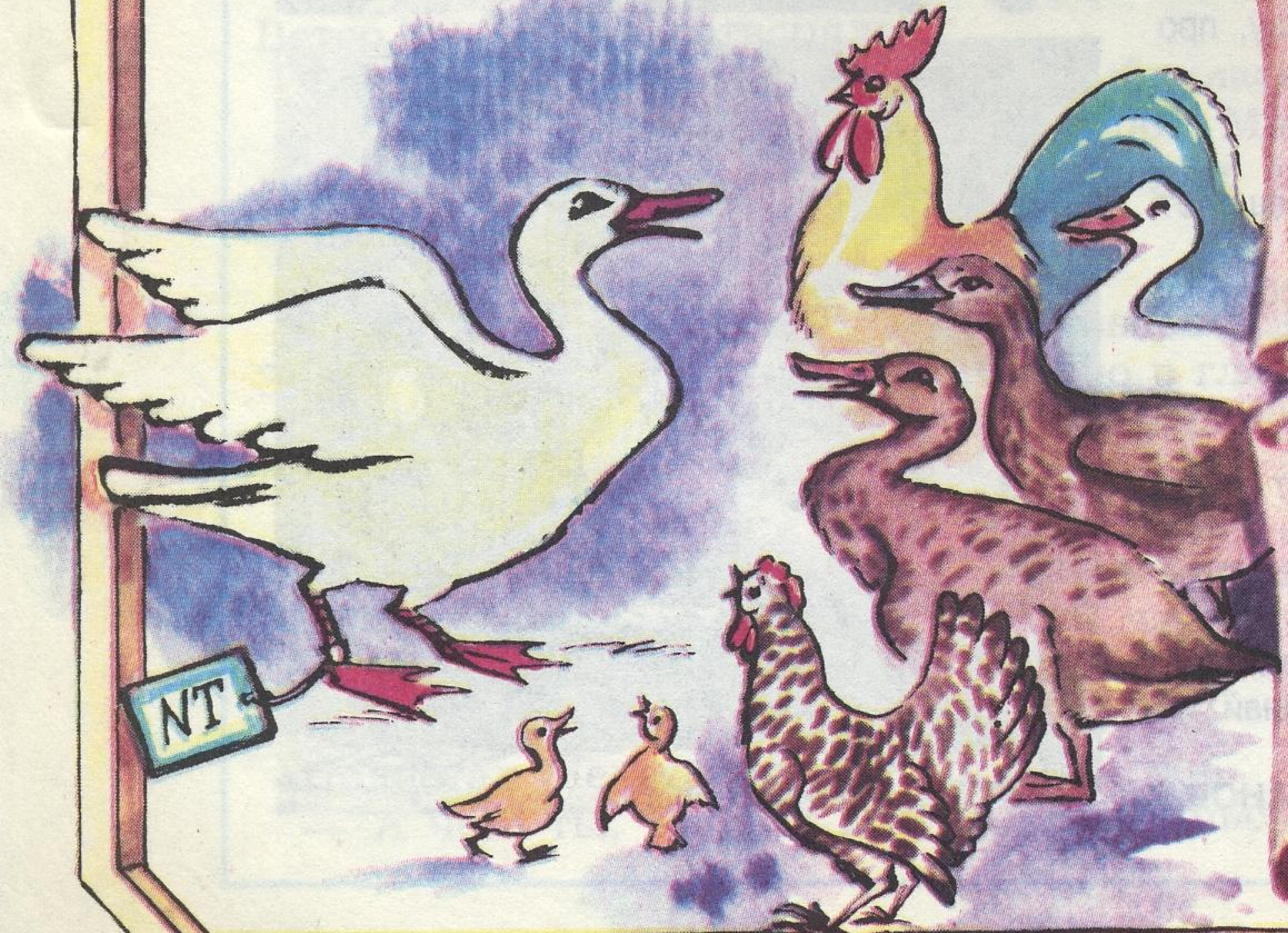
— Надо найти самого старого человека в ваших владениях и выяснить, как ему это удалось,— посоветовали министры.

И вот в 1635 году во все концы королевства скачут гонцы, ищут старейшего жителя Англии. Им оказался бедный крестьянин из Шропшира Томас Парр, которому исполнилось 152 года. Его торжественно доставили во дворец. Дабы король мог лично наблюдать за этим «чудом долголетия», беседовать с ним, узнавать о «секретах» его жизни.

А жизнь у Парра была не из легких. С малых лет до глубокой старости он работал в поле, чтобы прокормить семью. Часто случались неурожаи, и приходилось голодать. Да и в хорошие годы лишь грубый хлеб, каша, сыр и молоко составляли нехитрую трапезу бедняка. Ютился Парр с семьей и скотом в небольшой бревенчатой лачуге, где в дождь было сыро, в мороз — холодно. Но страшнее голода и холода были болезни: оспа, холера, чума. Они унесли жизни почти всех детей Парра. Участвовал Парр и в войнах, сражаясь простым солдатом. Был несколько раз ранен, но выздоравливал и снова принимался за тяжелый крестьянский труд. Так и дожил до 152 лет.

Во дворце старца окружили вниманием и почетом. Как достопримечательность он восседал на бесконечных приемах, целые дни проводил за зваными завтраками, обедами и ужинами и через три месяца... умер. Осмотрев его тело, придворные медики пришли к выводу, что «единственной причиной смерти послужило изменение в образе жизни». Не окажись Парр при дворе, кто знает, может, справил бы и свое двухсотлетие.

Удивительной жизнестойкостью обладал его могучий организм. Он выдержал испытания голодом и нуждой, тяжелым трудом и стихийными бедствиями, эпидемиями и войнами... И лишь безделье и обжорство сумели его сломить.



Как не попасть пальцем в небо?
Выпуск третий

Снова сначала — ответы на вопросы, заданные в выпуске втором.

1. Концом «всего» является буква «ё».
2. Чтобы выяснить, кого больше, надо предложить каждому мальчику взять в пару девочку. Кто-то наверняка останется без пары.
3. Кошка выйдет из погреба с двумя головами, если поймает мышь.

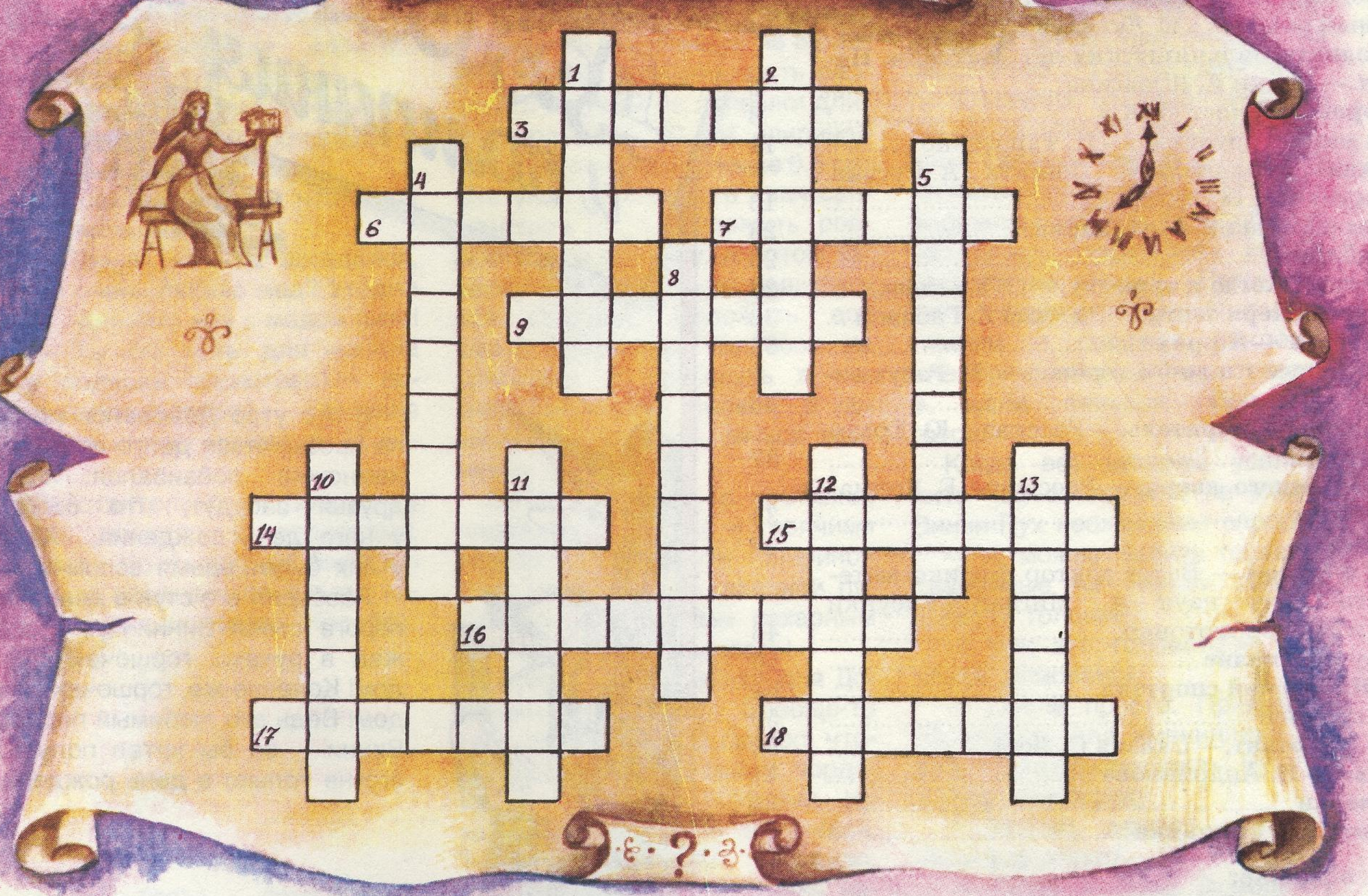
Теперь новая веселая история.

В гости к Диме зашел приятель и застал его с утюгом за работой. «Ты всегда гладишь себе брюки?» — удивился гость. «Конечно,— ответил Димка.— А кому всегда гладишь брюки ты?»

Новые вопросы:

1. Как далеко можно зайти в лес?
2. Что всегда только увеличивается и никогда не уменьшается?
3. Что идет то в гору, то с горы, но всегда остается на месте?

КРОССВОРД



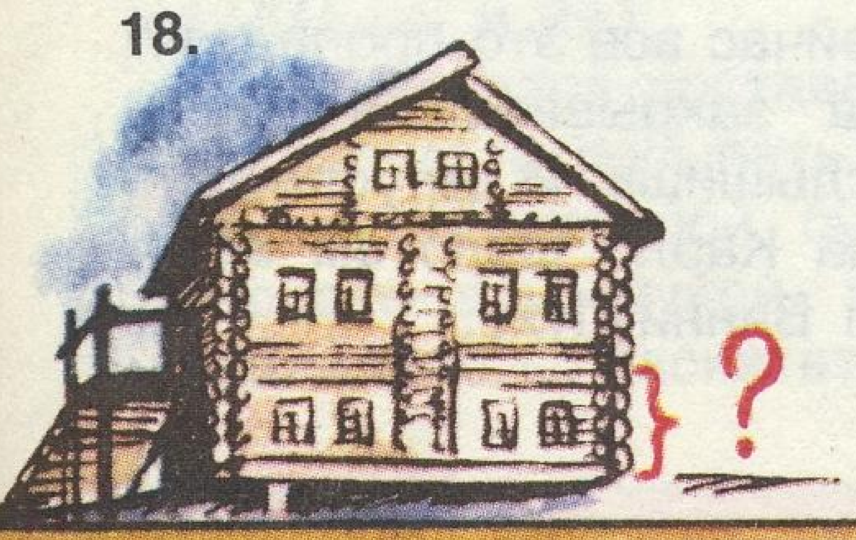
По горизонтали:

3. Населенный пункт чуть меньше города.
6. Очень нарядная птица.
7.

9. Спортивное общество.
14. Быстрый темп в музыке.
15.

16. Мощная фара.
17. Единица времени.

18.



По вертикали:

1. Один синьор из сказки Джанни Родари «Чиполлино».
2.

4. Созвездие.
5. Гармонь, баян, ...
8. Человек, занимающийся спортом.
10. Специальный альбом для марок.
11. То, что вокруг нас.
12. Русская народная сказка.
13. ТОЗ (Фамилия конструктора.)

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 10.

По горизонтали: 1. Марс. 5. Дзот. 7. Гараж. 9. Секрет. 11. Ремонт. 12. Плов. 13. Лунка. 14. Волк. 16. Вена. 17. Носов. 18. Арка.

По вертикали: 1. Морс. 2. Скороварка. 3. Юг. 4. Уж. 5. Дюймовочка. 6. Торт. 8. Роман. 10. Тюльпан. 11. Реактив. 12. Попов. 15. Конка.

Рисунки Н. Федоровой.

Содержание

Мы родом из Октября.— В. Луцкий ... 1
Главный вопрос.— Е. Яковлев ... 4
Тринадцать мальчишеских лет. Катюши. Пакет.— Стихи А. Шлыгина ... 6
Юнкоровский пост «РВС» ... 8
Язык мира и дружбы...— Н. Тарасенко ... 11
Пашкины колокола.— Повесть А. Рутько. Рисунки А. Борисова ... 13
В кают-компании «Кораблика» ... 25
«Кораблик» ... 26
Моя семья, когда я вырасту.— О. Хмелева ... 28
Жертва эксперимента.— Рассказ Е. Габовой ... 32
Возле дома — Африка ... 34
«Дайте адрес главного героя...»— В. Разумневич ... 36
Благодарный зритель.— Рассказ Ю. Ермолаева ... 37
Собаки нашего двора.— Рассказы Е. Долматовского ... 38
Переменка ... 46
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. Мигдал. Рисунки Н. и Т. Доброхотовых ... 48
На научной волне ... 50
«ПИОНЕР»ский спортзал ... 54
Клуб силачей ... 56
Енот-Адъютант.— Сказка С. Летт ... 58
Начала.— И. Андрианова ... 61
Узнавайка ... 62
Домовенок и компания ... 64

На обложке:
Рисунок И. Панкова.

Поправка к № 9, с. 26: Н. Крымова — секретарь комиссии по литературному наследству В. Высоцкого.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1987.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 07.09.87.
Подписано к печати 23.09.87. А 04779. Формат 84×60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 2962. Заказ № 1268.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Домовенок и компания

В это утро Домовенок решил не просыпаться долго-долго. Он немножко побаивался: вдруг друзья забудут, что сегодня у него день рождения... А так у них будет время вспомнить.

Разбудил его стук в дверь. На пороге стоял Винни-Пух и держал в руках... горшочек с медом! Конечно же, горшочек с медом! Ведь это любимый подарок Винни — он бы хотел получать его не только в день рождения, но и в самые что ни на есть обычные дни года.

Домовенок только успел «спасибо» сказать, как и остальные обитатели дома собрались на его чердачке. И все — с подарками! Домовенок даже глаза зажмурил — вдруг сейчас все это пропадет?! А когда закрываешь глаза — лучше слышишь. И он услышал, как папа Карло шепотом выговаривал Винни-Пуху:

— Договаривались только самодельные подарки дарить... А ты что? Мед в горшке!

— Так ведь мед пчелы сами сделали... Не покупали,— оправдывался Пух.

Домовенок решил, что пора открывать глаза.

— Винни, как ты догадался, что я очень люблю мед? Угодил мне... Давайте чай с медом пить!

— Ты бы хоть для начала все подарки посмотрел! — подал голос Колобок.— Там еще кое-что к чаю найдется. И вообще...

Действительно, Домовенку очень повезло с подарками. Первое, что он открыл, была коробка с изюмным печеньем, которое, конечно, испек Колобок.

Рецепт печенья с изюмом, которое годится как для дня рождения, так и для прочих разных случаев

Для теста понадобится 2 стакана муки, 200 г маргарина, 1 стакан холодной воды, пол-ложки соды и 1 столовая ложка уксуса или щепотка лимонной кислоты. Муку с маргарином положить в миску и рубить ножом, постепенно подливая воду. Соду «погасить» уксусом или лимонной кислотой и добавить к тесту. Рубить ножом до тех пор, пока не получится упругий ком, не прилипающий к рукам. Потом поставить тесто на 30 минут в холодильник.

За это время надо приготовить начинку. Для нее обязательны 1 стакан изюма и 1 стакан сахарного песку. Если есть, то можно использовать густое варенье, например, вишневое или из черноплодной рябины. Хорошо добавить мелко резаные орехи или тертый лимон, но и без этого должно получиться вкусно.

Изюм надо как следует вымыть и просушить его на полотенце. Высыпать в миску и перемешать с сахаром. (Если есть еще какие-то компоненты, то добавить и их.)

Теперь пора доставать тесто. Не забудьте посыпать стол или доску, на которой будете его раскатывать, мукой, чтобы не прилипало. Раскатать тесто в длинную толстую колбасу, и поделить эту колбасу на 6 равных частей. Каждую часть раскатать скалкой на лепешки длиной примерно 30 см, шириной 15 см, а толщиной меньше 0,5 см. Отступив от длинного края сантиметров на 5, положить ровным слоем начинку. А потом завернуть и тщательно защипить все стороны. Положить все шесть маленьких колбасок на противень и проткнуть в нескольких местах вилкой. В духовке они должны печься примерно 40 минут.

Потом снять их с противня, положить на доску и горячими нарезать наискосок шириной 2—3 см, посыпать сахарной пудрой или растертым сахарным песком. Можно подавать!

А папа Карло сделал для Домовенка... перископ. Вообще-то он хотел сделать телескоп, чтобы Домовенок со своего чердака наблюдал за звездами. Но телескоп у него не получился. Тогда он смастерил перископ, чтобы Домовенок мог играть, например, в подводную лодку прямо в саду.

Простейший перископ, изобретенный папой Карло для садовой подводной лодки

Принцип действия перископа прост: свет, идущий от объекта, попадает на верхнее зеркало. От него он отражается и попадает на нижнее зеркало, а потом идет в направлении вашего глаза.

Нужно взять лист плотной бумаги и начертить на нем четыре линии, отстоящие друг от друга на ширину, чуть меньшую того маленького зеркальца, которое у вас есть. Прорезать наверху и внизу два окошка на расстоянии 2,5 см от края бумаги. Отступив от края листа на 2,5 см, прорезать рядом с окошками щели размером в толщину зеркала и под углом в 45° к проведенным линиям. А чтобы не запутаться, посмотрите внимательней на рисунок. Потом согнуть бумагу по начерченным линиям и снаружи обклеить клейкой лентой. Затем вставить в щели зеркала. Перископ готов.

Когда все наконец уселись пить чай с медом и печеньем, Винни-Пух неожиданно спросил:

— А можно дарить подарки, сделанные не своими руками, а своей головой?

— Как это головой? — удивился Домовенок.

— Очень просто. Придумать что-нибудь для именинника, то есть «деньрожденника». Ну, там песню или сказку.

— Можно, можно! — закричали все хором.

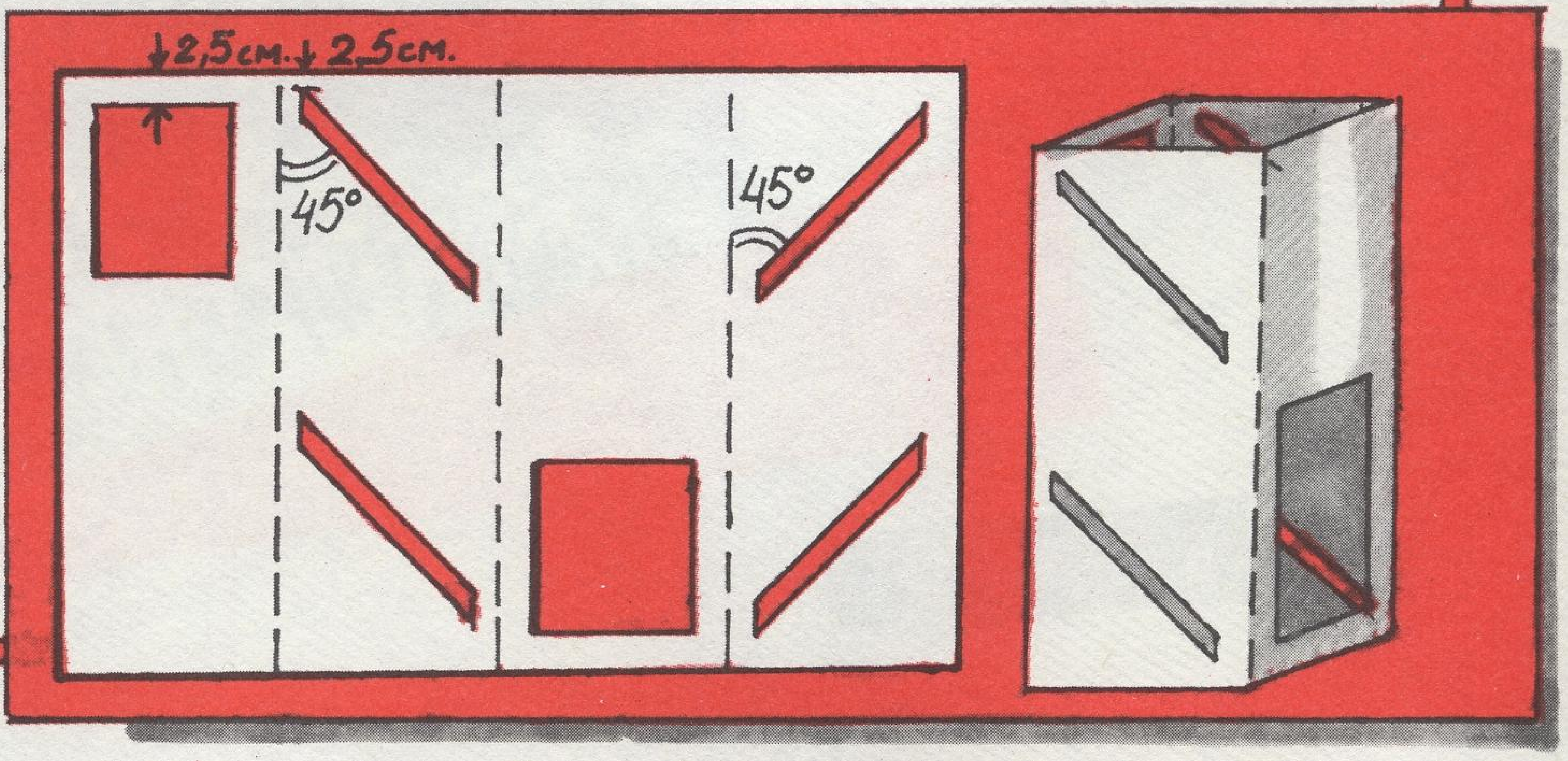
— Тогда я дарю Домовенку песню собственного сочинения. Посвящается нашему другу Домовенку в его день рождения,— гордо объявил Винни и запел:

Вот приходит день рожденья!
Значит, будут приглашенья,
Значит, будет угощенье —
Мед в горшочке и печенье!
Значит, будут петь друзья!
Только, только в день рожденья
Не забудь про поздравленья.
И, конечно, про подарки
Тоже забывать нельзя.

И так как в этот раз никто не забыл ни про подарки, ни про поздравления, день рождения у Домовенка выдался на славу.

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



Цена 30 коп. Индекс 70694.